ФИННО-УГРОВЕДЕНИЕ

6776

3.1997

ФИННО-УГРОВЕДЕНИЕ, 1997, № 3

Научный журнал
Основан в феврале 1994 г.
Выходит 4 раза в год

Редакционная коллегия:

К. Н. САНУКОВ (главный редактор).
Ю. В. Андуганов (зам. главного редактора).
В. А. Балашов, В.Е. Владыкин, Ю. А. Зеленеев (отв. секретарь).
А. Г. Иванов, М. Г. Иванова, А. Д. Каксин, В. К. Кельмаков,
Г. М. Керт, Н. Д. Конаков, В. Г. Кудрявцев, Т. Л. Молотова,
В. В. Напольских, А. Н. Ракин, В. В. Седов, В. С. Соловьев,
Д. В. Цыганкин

67797

МАРИИ
НАУЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА

Мнения, высказываемые в материалах журнала, не обязательно совпадают с точкой зрения редакции

© **НАУЧНЫЙ ЦЕНТР ФИННО-УГРОВЕДЕНИЯ**, г. Йошкар-Ола

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

П. Иванов. Некоторые проблемы формирования и функционирования марийского литературного языка 3
Н. Мокшин, Е. Мокшина. Этническая ситуация в Мордовии на современном этапе 18
Л. Абукаева. Из истории сложноподчиненных предложений нерасчлененной структуры в марийском языке 26
С. Моськина. Морфонологические процессы в глагольном словообразовании в мокшанском языке 39

СООБЩЕНИЯ

С. Сааринен. Структура и развитие волжско-финских языков 49
П.Тюмкяева. Названия пояса и поясных принадлежностей в марийском языке (этимологические заметки) 53
А. Шилов. О возможном происхождении этнонима *чудь* 58
П. Плесков. Ен в фольклоре и в некоторых литературных материалах коми 66

ПЕРСОНАЛИИ

В. Куприянов, К. Сапуков. Марийский художник Константин Егоров (к 100-летию со дня рождения) 71
Т. Кубанцев. К 80-летию со дня рождения Н.И. Черапкина 84
А. Алашеева., Юбилей А.Ф. Шутова 87

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

П. Жеребцов. Рец.: Котов О.В., Рогачев М.Б., Шабаев Ю.П. Современные коми. Екатеринбург, 1996 89
О. Курс. Рец.: Hill Kulu. Eestlaste tagasiränne 1940-1989. Lääne-Siberist pärit eestlaste näitel. Summary: Estonian Return Migration 1940-1989. A Case of West-Siberian Estonians./ Publicationes Instituti Geographici Universitatis Helsingiensis C 9/ Helsinki 1997. 278 c. / Хилл Кулу. Реэмиграция эстонцев в 1940-1989 годах. На примере эстонцев, происходящих из Западной Сибири/ 93
С. Максимов. Рец.: V. Kel'makov, S. Saarinen. Udmurtin murteet/ Turun yliopiston suomalaisen ja yleisen kielitieteen laitoksen julkaisuja 47/ Удмурт кун университет. Огья но финн-угор кыпгодонъя кафедра. "Удмурт вераськетъес" 2/ Turku -Iževsk,1994. 368 s. 96
В. Кельмаков. Рец.: Г.И. Ермушкин. Развитие фонетической системы диалектов эрзя-мордовского языка. Научный доклад, представленный в качестве диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук / РАН. Ин-т языкознания. М., 1997, 53 с. 99
А.Куклин Рец.: А.Н. Келина.Терминология ткачества в мордовских (мокшанском и эрзянском) языках. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Саранск, 1996 106
Г. Лаврентьев. Рец.: Л.А. Абукаева. Принципы классификации и история сложноподчиненных предложений в марийском языке: сложноподчиненные предложения нерасчлененной структуры. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Йошкар-Ола, 1997 114
Виктор Андреевич Балашов (01.01.1937-29.07.1997) 119
Сведения об авторах 124

«Финно-угроведение», 1997, № 3.

СТАТЬИ

Иван Иванов
Йошкар-Ола

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ МАРИЙСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

I. **Из истории формирования литературного языка**. В толковании вопроса о времени возникновения марийского литературного языка определенности, кажется, не достигнуто до настоящего времени. Долгое время считалось, что письменность и литературный язык у марийцев появились лишь после революции 1917 года. Ошибочность такого утверждения в последнее время доказана на основе тщательного изучения всех письменных памятников на марийском языке (1). Время появления современной марийской письменности было отнесено к XVIII веку, а литературного языка - к 70-м годам XIX века. В основных положениях подобная трактовка в целом правильно отражает исторический путь письменного развития марийского языка. Однако требуют уточнения некоторые моменты.

Прежде всего возникает вопрос, существовал ли у марийцев какой-либо способ передачи неустной информации до XVIII века, т.е. до появления современной письменности. Исследования показывают, что в настоящее время имеются основания ответить на этот вопрос положительно. Следы былой письменности нужно искать в легендах и преданиях, сказках, обычаях и традициях, в религиозных обрядах, в вышивках и т.д. Как и у соседних народов, в древности своеобразный способ передачи письменной информации существовал и у марийцев. Об этом свидетельствуют следующие факты.

1. Существование особых знаков - *тиште*. Они наносились на деревянные дощечки, называемые *шерева*. На них путем врезывания "записывались" сообщения о предстоящих молениях, долги, займы и т.д. Выражение "шеревам колташ" в отправлении религиозных обрядов сохранилось до сих пор, хотя сообщения уже давно не передаются дощечками, а посылаются обыкновенным письмом. Такой способ передачи информации существовал до начала XX века параллельно с современной письменно-

стью. Когда он появился, достоверных сведений не имеется. Некоторые полагают, что такое письмо марийцы имели еще до первых контактов с русскими (2). О существовании такой письменности у марийцев писали многие исследователи (3, с. 234). Древние марийские тиште сохранились в архивах и в различных публикациях, но значения их не расшифрованы.

2. Следы использования тиште для фиксирования ритуала совершения языческих религиозных обрядов. Это в частности косвенно доказывается использованием "врезанного письма" для передачи сообщений о молениях, которые отправлялись за сотни километров к восточным марийцам. Такую функцию тиште допускают и некоторые археологи (4, с.123).

3. Марийские вышивки. Многие рисунки вышивок, напоминающие древние иероглифы, в прошлом передавали определенную информацию.

4. Наконец, существование слова для обозначения действия "писать, черкать" - *возаш*. Исследователи утверждают, что оно пришло в марийский язык из иранских языков и не позднее III века н.э. (5, с.19-20). Это важный аргумент в пользу данной гипотезы.

Таким образом, тиште явилось первой попыткой создания своей письменности у марийцев. Но они не смогли окончательно сформироваться в систему. Не получили дальнейшего развития из-за изоляции марийцев от остального мира в результате русской колонизации края.

Само же слово тиште - финно-угорского происхождения (ср. фин. *tähti*, эстон. *täht*, морд. *тешпе* 'звезда'). В марийском языке оно утратило свое первоначальное значение и стало употребляться сначала в значении "знака религиозного округа", затем стало названием самого округа. В последующем развитии приобрело значение "знак, знамена, знамя" вообще. В послереволюционный период его начали употреблять в значении "буква", отсюда возникло производное от него *тиштер* "алфавит". Но в дальнейшем оно исчезло по причинам отнюдь не научного характера.

Итак, в понятие "марийская письменность" необходимо внести следующее уточнение: своеобразная письменность у марийского народа существовала до XVIII века, она выражалась в форме рунического письма, основным элементом ее являлись тиште. Она существенно отличалась от современного буквенного письма.

Второй момент, который требует уточнения, - что считать памятником литературного языка, с чего начать отсчет времени возникновения литературного языка? Многие народы время появления литературного языка связывают с изданием первой грамматики, Библии или первого букваря. Так трактуется вопрос возникновения литературного языка, например, у финнов, венгров, эстонцев (6, с. 146-147). Имеется достаточно оснований для

утверждения о начале истории марийского литературного языка также с опубликования первой марийской грамматики в 1775 году. Это:

1) в ней создан алфавит для марийского языка, он базировался на русском алфавите с некоторым приспособлением для марийского языка. Этот алфавит использовался в течение ста лет до 70-х годов XIX века. Все издания этого периода выходили на алфавите и по орфографии Грамматики 1775 года;

2) отчетливо просматривается попытка создать общий письменный язык для всех марийцев. Грамматика была подготовлена как нормативное издание - в ней даны основные правила употребления слов в речи. Использованы слова почти всех диалектов, в т.ч. и горного наречия, представленного более чем 70 словами, хотя диалектная основа языка Грамматики одна;

3) неразделение марийского языка на отдельные диалекты, что весьма существенно. Грамматика рассматривала представленный в ней язык как единое средство общения для всех марийцев. Это очевидный признак литературного языка;

4) проявление своего рода нормализации, выражающейся в отборе слов для иллюстративного материала, попытке унифицировать некоторые морфологические формы, сознательном вмешательстве в словообразовательный процесс;

5) наконец, использование Грамматики в качестве учебного пособия для обучения марийскому языку.

Третий момент, который требует коррекции, относится к вопросу соблюдения принципа историзма в оценке памятников литературного языка. Марийские ученые нередко подходят к письменным памятникам древности с критериями развитых литературных языков, предъявляя им требования нормализации современного уровня. Исходя из этого, они не склонны относить печатные тексты дореволюционного периода к памятникам литературного языка, что совершенно не соответствует действительности. Учитывая данное обстоятельство, опубликованные тексты XVIII века следует отнести уже к литературным памятникам, хотя они характеризуются, безусловно, меньшей, чем сейчас, стандартизацией.

И, наконец, четвертый момент, который также нуждается в уточнении и требует более научного определения, - толкование вопроса формирования диалектной базы литературного языка. Необходимо иметь в виду, что вплоть до 30-х годов XIX века письменность на марийском языке развивалась не на диалектах, как было принято считать ранее. Это был период поиска диалектной основы литературного языка. Книги издавались на диалектах - луговом и горном, но без указания на них, и если бы не субъективные

факторы середины XIX века, любой из них мог стать основой общенародного литературного языка. Не имели указания на диалект Грамматика 1775 года, грамматика А.Альбинского1837 года, хотя первая в основном базировалась на луговом диалекте, а вторая - на горном. Обе они претендовали на отражение особенностей всего марийского языка. Вышли без указания диалекта и первые книги на марийском языке. Краткий катехизис 1804 года, например, вышел на луговом наречии, вторая книга 1808 года - на горном, Евангелие 1821 года - также на горном. И лишь "Начатки христианского учения" 1832 года появились с указанием наречия. Все это говорит о том, что в период своего возникновения марийский литературный язык не делился на луговой и горный. Это - факт, заслуживающий внимания исследователей. Необходимо также помнить, что и в последующих изданиях до 70-х годов XIX века указание на диалекты производилось чисто формально и носило стихийный характер. Поэтому нужно признать, что в первоначальный период развития марийской письменности деления литературного языка на две разновидности не производилось, была лишь естественная борьба за диалектную основу литературного языка. Издание книг на диалектах - это результат официальной политики русского самодержавия по недопущению единения "инородческих народов".

Названные уточнения дают возможность создать объективную историю марийского литературного языка и более точно установить время его возникновения.

Рассматривая историю развития марийского литературного языка, необходимо иметь в виду еще одно обстоятельство. В первоначальный период своего развития (XVIII в. - 70-е гг. XIX в.) марийская письменность развивалась в двух вариантах - на основе русской графики и на основе латинской графики. Первые записи марийских слов и текстов, а также составление научных грамматик производились иностранными исследователями. Поэтому они для передачи марийских текстов на бумаге использовали латинский алфавит, пытаясь в некоторой мере приспособить его для марийского языка. Так, первые записи марийских слов, произведенные голландским ученым Н. Витсеном, были сделаны латинскими буквами (7), латиницей оформлялись записи марийских слов в книгах Г.Ф. Миллера (8), И.Г. Георги (9), И.П. Фалька (10), И. Фишера (11), Д. Мессершмидта (12), И. Страленберга (13), в грамматиках М. Кастрена (14), Ф. Видемана (15). Латинскими буквами были оформлены переводы Библии (16).

В новый этап своего развития марийская письменность и литературный язык вступили в 70-х годах XIX века. В этот период зна-чительно увеличился выпуск книг на марийском языке, улучшился их язык, пись-менный язык приобрел современные контуры. В своих прежних трудах мы называ-

ли этот период временем появления марийского литературного языка (1. с. 59). Но. исходя из современного понимания литературного языка как категории исторической. характер и степень нормированности которого проявляется в зависимости от конкретно-исторических условий. 70-е годы XIX века следует считать временем возникновения современного литературного языка. а не вообще литературного языка. потому что в этот период:

- произошла демократизация письменного языка. он стал понятным и близким народу:
- определилась диалектная основа - луговое наречие. хотя в начальный период книги издавались на диалектах:
- был создан современный алфавит марийского языка:
- оформились основы современной орфографии.

В этот период (1870-1917) был поставлен вопрос о необходимости создания единого литературного языка. появилась учебная. научно-популярная. художественная литература. газета "Война увер". сформировалась современная система стилей. заметно расширились функции и границы литературного языка. произошло стилевое обогащение его.

Таким образом. марийский литературный язык неверно называть младописьменным в том понимании. какое вкладывается в это выражение в отечественной литературе. Историю его можно подразделить на два этапа - это старомарийский литературный язык. который охватывает период с XVIII века по 70-е годы XIX века. и современный литературный язык. который начинается с 70-х годов XIX века.

Марийский литературный язык на протяжении всей своей истории развивался как бы кругами. На каждом последующем витке отвергались достижения предшествующего. в результате каждый новый этап начинался без опоры на предшествующий опыт. Создавалось впечатление. будто литературный язык до нового витка не существовал. Именно на таком чисто эмоциональном впечатлении был сделан вывод о возникновении марийского литературного языка только после революции 1917 года. К этому подталкивало также и то. что в советское время действительно начался интенсивный период его развития. сопоставимый по своим размахам разве что с зарождением литературного языка.

II. **Проблемы марийского литературного языка**. Одна из главных проблем современного марийского общества - сохранение языковой среды. Под этим имеется в виду прежде всего создание необходимых условий для дальнейшего развития и функционирования литературного языка. На современном этапе развития марийского общества понятие "сохранение языковой среды" включает в себя расширение коммуникативных функций литературного языка. поднятие его общественной значимости. создание среды

существования для него. Словом, языковая среда - это та почва, которая питает литературный язык живительной силой. Она представляет собой цепь взаимосвязанных явлений, основными звеньями которой в условиях современного марийского общества можно назвать следующие компоненты:

1. Подготовка основы для развития языковой экологии - приобщение детей к родному языку повсеместно: в семье, в детских дошкольных учреждениях, в школе и т.д. В Республике Марий Эл пока нет детских учреждений с воспитанием на хорошем литературном языке даже в сельской местности. Это самое большое упущение в системе языкового воспитания. Но в последнее время определенная работа в этом направлении началась. Так, в г. Йошкар-Оле в 36 детских садах марийский язык введен как предмет изучения.

Очень важный компонент этого звена - превращение марийского языка в язык образования в полном смысле этого слова. В настоящее время нельзя сказать, что марийский язык является средством получения образования. Эту функцию он выполняет только частично в начальных классах, причем только в сельских школах. Для полноценного функционирования литературного языка необходимо, чтобы на нем преподавались все предметы в школе. Условия для этого созданы: в принятых законах об образовании, о языках марийский язык юридически признан средством получения образования.

Немаловажное значение для укрепления позиции литературного языка имеет возможность получения на нем высшего образования. Проблема эта в условиях Республики Марий Эл трудно разрешимая. Но и здесь наметились положительные тенденции. В Марийском университете предпринимается некоторая попытка преподавания отдельных предметов на марийском языке.

Итак, одно из важнейших звеньев в создании языковой среды - школа в широком понимании этого слова.

2. Реальное превращение марийского языка в государственный язык республики. Официально это сейчас закреплено Конституцией Республики Марий Эл. Практически он данную функцию не осуществляет. В учреждениях, в деловом общении, в делопроизводстве по-прежнему господствует русский язык. Марийский язык пока реально не является государственным. На нем печатаются лишь некоторые законы, указы, международные договоры и соглашения. Но все эти документы не составляются на марийском языке, а переводятся, причем часто весьма недоброкачественно. Что это значит для литературного языка, говорить не нужно. В закреплении литера-

турного языка они не могут сыграть роль, предопределенную им самой сущностью этих документов.

3. Использование марийского языка в качестве средства массовой информации. Проблемы у марийцев имеются и в этой сфере, хотя по сравнению с другими в меньшей степени. Основная проблема в настоящее время - уменьшение количества и тиража газет и журналов. Причины - отсутствие средств как у редакций, так и у населения. Перевод их издания на коммерческую основу отрицательно отражается на их распространении - из-за незначительного тиража они не выдерживают конкуренции, а, следовательно, - и распространенности литературного языка.

4. Выпуск книг на марийском языке. Положение аналогичное. По тем же причинам на марийском языке сейчас издается в основном только художественная литература. Немного выпускается учебно-педагогическая литература, еще меньше - научная, и в основном только филологическая. Совершенно не издаются техническая, естественно-научная, философская и другая литература. Следовательно, научно-технический стиль марийского языка, можно сказать, отсутствует, его у марийцев заменяет русский язык.

Создание языкового окружения, расширение сферы употребления языка - одна из самых главных проблем современного марийского общества. Отсутствие этого компонента свидетельствует о том, что литературный язык не полифункционален, значит он не решил своей основной задачи. В какой-то степени повинно в этом и само марийское общество, значительная часть которого пока не осознала, что язык как общественное явление может нормально развиваться лишь при условии поливалентного функционирования.

Отсюда следующая проблема марийского литературного языка - проблема языкового воспитания его носителей. Данное обстоятельство приобретает особую значимость. Многие марийцы весьма смутно представляют важность и значение родного языка в формировании личности, развитии культуры и сохранения себя как народности. Среди части марийского населения бытует мнение, что родной язык, изучение его в школе, не говоря уже о преподавании всех предметов на родном языке, повредит образованности и будущей карьере их детей. Отсюда неодобрительное, а порою даже пренебрежительное отношение к родному языку. Его игнорирование особенно заметно проявляется у городского населения, находящегося в плотном русскоязычном окружении. У большей части его вины в этом, надо полагать, нет: в городах нет ни марийских детских садов, ни школ. Играет в этом определенную роль также психологический момент (пренебрежительное отношение русских к разговору на марийском языке). Так вырастают поколения марийцев, получивших прекрасное образование в городских школах, но

не знающих языка своих матерей и отцов. Таким образом, марийский литературный язык лишается очень важной городской среды с ее высоким интеллектуальным потенциалом.

Основной питающей средой для марийского литературного языка, его резервом в настоящее время является деревня. Нет сомнения, деревня - хранитель самобытности языка и культуры народа, благодатная среда для дальнейшего развития и совершенствования литературного языка. Тем не менее ориентация только на язык деревни, на потребности лишь сельского носителя неблагоприятно отражается на уровне развитости литературного языка, тормозит его дальнейшее продвижение вперед.

Но проблема еще и в том, что и сельская языковая среда в последнее время испытывает губительное воздействие одностороннего билингвизма. Значительная часть марийцев недостаточно владеет литературным языком, подрастающее поколение в силу этих причин вступает в жизнь, не овладев всем лексико-грамматическим и художественно-изобразительным богатством родного языка. Роковую роль в этом процессе играет русско-марийский билингвизм, явление, казалось бы, весьма полезное в развитии личности. Но в условиях современного марийского общества оно не всегда несет положительный заряд.

Данное обстоятельство вынуждает вспомнить другую сторону языкового воспитания. Мы имеем в виду издание различных справочников, словарей, пособий по культуре речи. Марийский литературный язык испытывает в этом особую потребность. Значительная часть пользующихся марийским литературным языком имеет весьма расплывчатое представление о культуре марийской речи. Это относится даже к гуманитарной интеллигенции. Проблему эту необходимо решать ученым-лингвистам. Марийское языкознание в настоящее время по теоретическим исследованиям достигло зримых высот. Но оно оставило вне своего внимания один из важных моментов процесса становления литературного языка - обеспечение необходимым справочным материалом. Задача в условиях активизации всех языковых процессов весьма важная. Нужно подготовить и издать разные словари - орфоэпические, толковые, двуязычные, частотные, словари новых слов, фразеологические, для работников радио и телевидения, печати и т.д.

Не менее важной стороной языкового воспитания населения является пропагандистская работа. Популяризация научных знаний по языку, истории народа, истории культуры, знакомство с историей и культурой наиболее развитых родственных финно-угорских народов и т.д. помогло бы поднять самосознание народа, сняло бы немалую часть психологического барьера в отношении родного языка, закрепившегося в сознании многих современных марийцев. Многие не понимают значения родного языка в жизни общества

просто из-за незнания. Проблемы родного языка и культуры для них никогда не являлись предметом заинтересованного разговора, они находятся в этом отношении в полном неведении. Задача языковедов - помочь им взглянуть на языковые процессы глазами носителя данного языка, заинтересованного в продолжении его как средства общения его потомков. Нужно добиться того, чтобы каждый носитель языка понял, что родной язык "... является величайшим народным наставником, учившим народ тогда, когда не было еще ни книг, ни школ, и продолжающим учить его до конца народной истории. Не условным звукам учится ребенок, изучая родной язык, но пьет духовную жизнь и силу из родимой груди родного слова" (17, с. 543).

Говоря о языковой среде, нельзя обойти вопрос о билингвизме в марийском обществе. В настоящее время в Марий Эл двуязычие является одним из важных компонентов языковой ситуации. Оно в республике имеет некоторые особенности, которые выражаются в том, что двуязычны в республике только те, родным языком которых является марийский. Все марийцы в настоящее время достаточно хорошо владеют русским языком. Но мало кто из русских владеет марийским. Это обстоятельство в среду марийского населения вселяет пессимистическое настроение, создает равнодушное, а порою даже негативное отношение к своему языку. Ребенок остывает к родной речи, даже не овладев ею в достаточной степени, чем бессознательно обкрадывает себя, тормозит свое умственное развитие, лишает себя радости познания мира с помощью родного слова. В результате оскудевает языковая среда, интеллектуальный потенциал нации. В условиях развития современного марийского общества без хорошего знания русского языка трудно, конечно, представить полнокровную жизнь, он для марийцев открывает окно в широкий мир. Но это отнюдь не повод для отрицания роли родного языка в формировании человека, развития его мыслительной способности с его помощью. Лишь хорошо усвоив свой родной язык, ребенок может в достаточной мере овладеть другими языками, в т.ч. и русским. Мудрость подобного отношения к овладеванию языками великий русский математик Н.М. Лобачевский выразил в следующих словах: "Знать иностранные языки похвально, но не знать своего постыдно. В равнении двух языков открывается особенность, которая каждому принадлежит. Если мы видим, что в лучшем сословии русских пренебрегают своим языком и тщеславятся познанием иностранного, то надобно сожалеть об этом и называть жалким событием нашего времени". Сказаны эти слова в отношении русского общества середины XIX века, но полностью они могут быть относимы к марийскому обществу современности.

Широкий круг важных проблем возникает в связи с явлением т.н. сознательного вмешательства в процесс развития литературного языка. Под

этим понимается преднамеренное, сознательное, целенаправленное регулирование отдельных аспектов языкового совершенствования. Глубина сознательного воздействия определяется конкретной языковой ситуацией. Марийский литературный язык на данном этапе своего развития находится на такой ступени, которая требует довольно существенного сознательного вмешательства.

Сознательное регулирование некоторых языковых процессов современного литературного языка диктуют следующие обстоятельства.

Недостаточность лексических средств для поливалентного функционирования литературного языка. В современном марийском литературном языке нет достаточного количества терминов по определенным отраслям знаний, в особенности в области общественно-политической, научно-технической, естественно-научной, канцелярско-деловой. Это обстоятельство создает трудности в расширении сферы употребления марийского языка. Но, с другой стороны, именно узость сферы употребления не дает возможности для развития марийской терминологии. Возникает, таким образом, своеобразный порочный круг, выход из которого возможен лишь через активное сознательное воздействие на языковые процессы.

Пути воздействия на словообразовательный процесс на современном этапе были перечислены в одной из наших статей (18, с. 164-180). Это прежде всего создание новых слов на базе собственных словообразовательных возможностей. Марийский язык располагает в общем-то немалым запасом словообразовательных средств, особенно суффиксов, которых насчитывается более 130 единиц. Но в своем большинстве они малопродуктивны и синонимичны, что делает их малопригодными для словотворчества. Тем не менее приспособить их для современного употребления возможно. В качестве примера можно было бы назвать образования типа *корнешке* 'спутник', *улык* 'новшество', *йӱлтыш* 'топливо', *ужык* 'зрение', *умыш* 'обилие', *ушык* 'соединение', *уначе* 'гостеприимный', *патырешке* ' мужественный', *виктем* 'управление' и т.д. Данный способ может быть успешно использован для пополнения лексики новыми словами.

Продуктивен в марийском языке, как и во многих других финно-угорских языках, способ словосложения. Однако в речетворческой деятельности современная марийская лингвистика использует его не полностью, хотя как способ словообразования в современном языке он отнюдь не потерял своего значения. Редко, но при его помощи и сейчас возникают новые образования типа *кылдуд* 'посольство', *унадуд* 'гостиница', *тӱшкадуд* 'общежитие', *мерӹен* 'общественный деятель', *шанчыен* 'ученый', *йыгырмут* 'сложное слово', *ӱчаштан* 'соперник', *писылудыш* 'скороговорка', *тулсавыш* 'фейерверк' и т.д. Важно отметить, что вторая часть некоторых по-

добных композит при этом может быть вообще абстрагирована до значения суффикса. Так, компоненты типа *вер* 'место' (*кочмы-ер* 'столовая', *малымывер* 'спальня', *пурмывер* 'туалет', *кончывер* 'сцена', *ончывер* 'прихожая', *вуйвер* 'президиум'); *кудо* 'дом, жилище' (*кылкудо* 'посольство', *ыштыккудо* 'предприятие', *пашакудо* 'учреждение'); *вундо* (со значением собирательности)(*мутвундо* 'словарный состав', *йӱквундо* 'звуковой состав', *пырчывундо* 'хлебный запас', *акылвундо* 'интеллект') вполне могут быть обобщены до значения суффикса. В качестве таких компонентов успешно могут выступать также слова *пече* 'двор', *вуй* 'голова', *ен* 'человек' и др.

Надежным резервом литературного языка до настоящего времени остается диалектное богатство. Марийские диалекты имеют солидный запас лексического богатства. Они могут заметно пополнить лексику литературного языка. Привлекать их в литературный язык целесообразно в двух случаях: а) когда в литературном употреблении отсутствует слово для обозначения данного понятия, но оно имеется в каком-либо диалекте. Например, в литературном языке отсутствует слово для обозначения понятия "сознание", но оно есть в горном наречии - *шам*, которое можно бы ввести в литературное употребление, скажем, в значении философского понятия "сознание"; б) когда диалектное слово образует синонимический ряд литературному. Марийский язык очень богат такими словами, их уверенно можно использовать для выражения различных оттенков значений, в качестве видовых понятий, терминов и т.д. Сказанное можно проиллюстрировать, например, синонимическими словами для выражения понятия "мясо". В диалектах слов для обозначения данного понятия целый набор: *шыл, пай, йӧр, пызе, цици, пап, яр, шиянпызе*. Каждое из этих слов можно использовать для обозначения различных видов мясных изделий, скажем, *шыл* 'вообще мясо', *пызе* 'вареное мясо', *пай* 'жареное мясо', *йӧр* 'копченое мясо', *яр* 'шпиг', *пап* 'ветчина', *шиянпызе* 'нежирное мясо' и т.д. Существенно могут обогатить словарный состав литературного языка диалектные названия цветов и их оттенков, которых в диалектах набирается более двухсот. Например, для обозначения синего цвета имеются слова *канде, симсе, пелканде, корак, ӧрза, гӱл, чалка, зангар, кӧк, кловой, симсӧка, волгыдо-канде, ошалкеканде, кандалге-сур, шем-канде, чевер-канде, пӧлалгы-кловой* и т.д. Приспо-собив их для выражения различных оттенков синего цвета, мы заметно обогатили бы литературный язык, он стал бы гораздо гибче и богаче. Существенным подспорьем для литературного языка являются диалектные названия растений, животных, насекомых, рыб, грибов и т.д. Благотворный ма- териал в этом отношении может представить литературному языку гор-

ное наречие, использование возможностей которого способствовало бы к

тому же созданию общего лексического фонда, чем решалась бы одновременно также проблема взаимосближения двух литературных норм.

Пути обогащения лексики за счет собственных возможностей имеются и другие (расширение, изменение значений существующих слов, использование архаизмов, новообразований 20-30-х годов и т.д.). Вдумчивый, заинтересованный подход к ним открывает прекрасные возможности для лексического обогащения литературного языка.

Проблемой для марийского литературного языка является пополнение лексики иноязычными словами. В настоящее время марийский язык заимствует слова только из русского.

Процесс пополнения лексики иноязычными словами в условиях интенсивного двуязычия - явление закономерное. Это один из источников обогащения любого языка. Но в условиях функционирования марийского языка на современном этапе он приобретает некоторый отрицательный оттенок. В марийском языке процесс заимствования совершался в последние десятилетия в таких масштабах, что дальнейшее продолжение его в том же объеме может сыграть роковую роль. Заимствование не может быть беспредельным, в этом процессе должен быть некий предел, переход которого чреват весьма нежелательными последствиями, переход открывает прямой путь к исчезновению самого языка. Такая участь ожидает и марийский язык, если не изменить отношение к этому процессу, не приступить к сознательному его регулированию. Общество должно сопротивляться беспредельному заимствованию.

Современные марийцы, особенно интеллигенция, в своей речи на родном языке явно злоупотребляют различного рода русскими заимствованиями. Особенно это относится к научно-технической, управленческой и к некоторым другим категориям интеллигенции, непосредственно не связанным с культурной жизнью марийского народа. Такое происходит от недостаточного знания не только литературного языка, но и даже своего диалекта. Нельзя обвинять в распространении подобного явления только их самих, корни этого уходят глубже, в образовательную систему, существующую ныне в республике, - они просто никогда не изучали свой родной язык, или изучали как второстепенный предмет. Это обстоятельство привело к ослаблению или даже утрате у них "чувства родного языка". Мы наблюдаем здесь один из прямых результатов отлучения марийского языка от выполнения образовательной функции.

Еще один аспект процесса заимствований - их оформление. В настоящее время заимствованные слова совершенно не приспосабливаются к особенностям марийского языка. Лингвистами взят курс полной идентификации орфографии заимствований с оригиналом. С этим трудно согласиться.

Это неразумное отношение к судьбе языка. Такое отношение к оформлению заимствований ведет к утрате его специфики. Думается, заимствования в определенной мере должны подвергнуться фонетической и особенно орфографической обработке, помня, что орфография предопределяет орфоэпию, и в конечном счете оказывает влияние на всю фонетическую систему языка.

Усиление потока заимствований на современном этапе выдвигает перед марийским обществом серьезную проблему сознательного регулирования процесса. Ссылки в данном случае на связь литературного языка с народно-разговорной речью, чем пытаются обосновать некоторые марийские лингвисты чрезмерное употребление русских слов, неуместны. Литературный язык не должен идти на поводу разговорной речи, а, напротив, выполняя свою функцию языкового воспитания, он сам должен оказывать регулирующее влияние на нее.

Одна из самых серьезных проблем современного марийского общества - достижение языкового единства в масштабе всей нации. В настоящее время марийский литературный язык функционирует в двух вариантах. Марийцы, подобно некоторым другим народам, пока не имеют единого общенационального литературного языка. Создание его - одна из главных забот марийского общества. В последнее время в связи с перестроечной анархией произошел перекос и в этом вопросе, вместо согласованного решения он еще более обострился. Исходя из ложного представления междиалектальных отношений в процессе развития литературного языка, некоторыми малокомпетентными публицистами началось настойчивое внушение общественности ненаучного понимания процессов языкового развития. В печати стали появляться забытые утверждения о двух марийских языках. Основанные лишь на эмоциях и политической спекуляции, они, как ни странно, нашли своих сторонников также среди исследователей, в т.ч. и лингвистов. Сторонники этой точки зрения строят свои доводы о двух языках на смешении двух различных понятий - "общенародный язык" и "литературный язык", и доходят даже до отрицания общенародного марийского языка.

Общенародный марийский язык - факт, не требующий особых доказательств. Наукой это доказано давно. Поэтому здесь мы ограничимся только констатацией общеизвестного факта о том, что общенародный язык - это живой разговорный язык народа со всеми его диалектными и другими разновидностями, а литературный язык - высшая форма языкового развития, оставляющая за пределами своих границ диалекты, просторечия и другие формы его проявления. Но они имеют одну общую основу - совокупность одинаковых фонетических, грамматических и лексических средств, которыми, безусловно, располагает общемарийский язык.

Современная языковая ситуация у марийцев характеризуется тем, что сознание необходимости общенационального языка почти отсутствует. Поэтому одна из важнейших задач марийского языкознания - добиться осознания необходимости языкового единения, имеющего жизненно важное значение для марийского народа. Отсутствие языкового единства сдерживает национальную консолидацию, тормозит культурное развитие нации, расщепляет ее духовные силы и соответственно уменьшает ее возможности выразить себя в полной мере. Для решения данной проблемы требуется определенное национальное мужество. Здесь мы не будем касаться конкретных путей ее решения. Это предмет особого разговора. Но подчеркиваем: решение возможно.

Языковая обстановка в Республике Марий Эл в настоящее время двойственная. С одной стороны, в последние годы наметились положительные тенденции в решении языковых проблем, оживился интерес к родному языку, появились возможности решения многих наболевших вопросов. Но с другой стороны, их решение затрудняется косностью, равнодушием к вопросам языка, национальным нигилизмом, царящим в марийском обществе.

Аналогична языковая ситуация и у других финно-угорских народов России. Это - результат официальной политики государства по отношению к так называемым малым народам в застойные годы. Проблемы у них общие и пути решения их во многом могут быть одинаковыми.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Иванов И.Г.* История марийского литературного языка. Йошкар-Ола, 1975.
2. *Картьял В., Янап В.* Марийские князья // Морко мланде. 1994. 5 мая.
3. *Смирнов И.Н.* Черемисы: историко-этнографический очерк. Казань, 1889.
4. *Никитин В.В.* Марий тамга мом ушештара // Очнько. 1991. № 3.
5. *Горлеев Ф.И.* Этимологический словарь. Т. 2. Йошкар-Ола, 1983.
6. Основы финно-угорского языкознания. М.,1975.
7. *Witsen N.* Noord en Oost Tartarye. Amsterdam, 1705.
8. *Miller G.* Sammlung Russische Geschichte. Petersburg, 1758.
9. *Georgi J.E.* Beschreibung alles Nationen der Russische Reiche. Petersburg, 1776.
10. *Falk L.P.* Beitrage zur Topographischen Kenntniss des Russischen Reichs. S.-Petersburg, 1786.
11. *Fischer J.E.* Sibirische Geschichte... Petersburg, 1768.
12. Архив Петербургского отделения Р АН. ф. 98, оп. 1, № 36-б.
13. *Strahlenberg J.* Das Nord- und östlische Theil Europa und Asia. Stockholm, 1830.
14. *Castrén M.* Elementa grammaticae tscheremissae. Kuopio, 1845.
15. *Wiedemann F.* Versuch einer Grammatik der tscheremissische Sprache...Reval, 1847.
16. *Wiedemann F.* Testamentum (Novum). London, 1866.
17. *Ушинский К.Д.* Избранные педагогические сочинения Т.2. М., 1854.
18. *Иванов И.Г.* Проблема обогащения марийского литературного языка новыми словами на современном этапе // Volgalai kielet muutoksessa. Turku, 1994.

Ivan Ivanov

SOME PROBLEMS OF FORMATION AND FUNCTIONING OF THE MARI LITERARY LANGUAGE

The article consists of two parts. The first one deals with some guestions specifying definite moments of history of formation of the Mari literary language. The attempt is made to prove the existence of the peculiar written language of Maris even before the 18 th century. Some arguments are produced. The second specification deals with the time of the origin of the Mari literary language. It is strengthened that the history of the Mari literary language began with the publication of the first book in 1775. The author holds up the principle of historical method by defining the monument of the literary language. It is specified that originally the written language was developed not in the dialects, as it was considered earlier. The publication of new books was the period when the new literary language basis was searched and the first books were published without pointing to the dialect. though the dialect bases were different. In contrast to earlier works, the author is of the opinion that in 70 tis of the 19 th century the modern literary language appeared.

The second part of the article is devoted to the problems of the modern literary language. To author's opinion, the basic problems of the Mari literary language combined with the fortune of the language are 1) Reserving the linguistic surroundings - assuming the function of the educational language. becoming the state language wide using as the language of mass media and in publication. 2) LiInguistic education of bearers of Mari, what includes such moments as forming consciousness of the importance and necessity of knowledge of vernacular as the first sign of national belonging and the factor of culture development, character of spreadingof bilinguistics in the republic. making various Mari reference books. 3) Conscious interference into linguistic processes. It includes purposeful influence on the process of enrichment of the literary language vocabulary, especially in the field of social and political and scientific technical terminology. Great attention should be paid to wordforming possibilities of the vernacular; problems of unification of orthography and orthoepy, creation of the single literary language, lack of which keeps back the national consolidation, breaks the cultural development of the nation, its spiritual power and diminishes its possibilities to manifest itself.

67797

МАРИЙ НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА

«Финно-угроведение», 1997, № 3.

Николай Мокшин, Елена Мокшина
Саранск

ЭТНИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В МОРДОВИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Характерной чертой этнической ситуации в Республике Мордовия является начавшееся несколько лет назад и продолжающееся поныне стремление отдельных группировок обострить не только межэтнические отношения*, но и дестабилизировать внутримордовские отношения (около 2/3 мордвы составляют эрзяне, 1/3 - мокша), посеять семена эрзянского национал-сепаратизма.

Существенную роль в нарастании межэтнической напряженности играют не только кризисные явления в социально-экономической, экологической, этнодемографической и других сферах жизнедеятельности этносов, проживающих на территории Мордовии, но и распространяемые некоторыми лидерами русской общины суждения о неумении мордовских чиновников управлять республикой, их стремлении к суверенизации, дистанцированию от федерального центра. В то же время некоторые лидеры мордовских национальных движений корни этих бед ищут в унитаристско-имперской, русификаторской политике правящих кругов как самодержавной России, а затем СССР, так и нынешней Российской Федерации (1, с. 2; 2, с. 76-77; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12;13).

Не способствует гармонизации этнической ситуации в Мордовии и идеология национал-эрзянизма, обвиняющая мордву-мокшу в узурпации ключевых позиций во властных структурах Республики Мордовия. Наибольшие усилия в этом направлении предпринимают партия "Эрзянь мастор", ассоциация "Эрзява", Фонд спасения эрзянского языка, рупором которых стала газета "Эрзянь мастор", выходящая с сентября 1994 г. Указанные устремления выражаются и в публикациях, нацеленных на подрыв конституционного положения о единстве и неделимости Российской Федерации

---

* В населении Республики Мордовия мордва составляет 32, 5 %, русские - 60, 8 %, татары - 4,9 %.

("даже электрон делится, а такая невообразимая махина, как Россия, - и не думает делиться"), в призывах к молодежи из мордвы отказываться от службы в российской армии, не быть там "пушечным мясом", создать собственную армию, ибо "эрзяне - народ без родины". Они находят отражение и в ходатайствах перед Организацией Непредставленных Народов принять туда "эрзянский народ", в требованиях указывать в паспортах вместо этнонимов **мордвин, мордовка** этнонимы **эрзя, эрзява, мокша, мокшава**, т.е. опять-таки признать наличие двух самостоятельных этносов (народов) - эрзянского и мокшанского ("мордва - это миф"), а Республику Мордовия соответственно размежевать на Эрзянскую и Мокшанскую республики или, по меньшей мере, образовать в ее составе Эрзянский и Мокшанский национальные (автономные) округа (14; 15; 16; 17; 18; 19; 20; 21; 22; 23, с.49-56; 24; 25; 26; 27).

Можно лишь сожалеть, что руководители Республики Мордовия до сих пор не только не осознали потенциальной опасности указанных тенденций, но и вообще отрицают наличие в ней национальных проблем. Так, недавно на встрече с правительственной делегацией Республики Коми Глава Республики Мордовия Н.И. Меркушкин заявил: "Республика наша интернациональная, во многом обрусевшая, и у нас нет никаких национальных проблем" (28).

В руководстве Республики Мордовия нет отчетливого представления относительно этноструктуры мордовского народа, что, естественно, не способствует выработке научно обоснованной стратегии его дальнейшего этнического развития. Одни из высших руководителей считают мордву за единый этнос (народ), а другие говорят о том, что в Мордовии проживают два этноса - мокша и эрзя. Так, председатель Государственного Собрания Республики Мордовия В.А. Кечкин утверждает: "У нас же два этноса - мокша и эрзя, они признаны в финно-угорском мире как две самостоятельные ветви" (29). Очень путано звучит его приветственное послание участникам Консультативного комитета финно-угорских народов, работавшего в Саранске 23 октября 1996 г., в котором спикер мордовского парламента говорит то о "народах мокша и эрзя", то о "миллионном мордовском народе" (30).

Следует заметить, что "финно-угорский мир", на который ссылается В.А. Кечкин, никогда не занимался вопросом признания или непризнания мокши и эрзи за особые этносы. И это не входит в его компетенцию. Помнится, на 1-м Всемирном конгрессе финно-угорских народов, состоявшемся в Сыктывкаре в декабре 1992 г., некоторые эрзянские национал-сепаратисты подавали в президиум такое заявление, но им было сказано, что данный вопрос - компетенция самой Мордовии ("разберитесь у себя в

республике"), хотя и выдали "две папки", каждая из которых призвана была "символизировать" самостоятельный этнос.

Отсутствие единой стратегической линии на перспективы этнического развития мордвы не содействует оздоровлению этнической ситуации в Мордовии. Правда, в настоящее время здесь обсуждается программа гармонизации межнациональных отношений до начала следующего тысячелетия, составленная Институтом регионологии при МГУ им. Н.П. Огарева под руководством А.И. Сухарева, но она далека от совершенства. Сам ее руководитель делал неоднократно весьма противоречивые, взаимно исключающие заявления. В годы "развитого социализма" он утверждал, что процесс становления мордовской социалистической нации "завершился с полным построением социализма, т.е. на рубеже 50-х - 60-х годов" (31, с. 16). Ныне же он заявляет, что мокша и эрзя являются самостоятельными народами. Эту же позицию разделяет Д.В. Цыганкин (32).

В то же время в недавно вышедшем эрзянско-русском словаре, составленном под редакцией академика Б.А. Серебренникова, докторов филологических наук Р.Н. Бузаковой и М.В. Мосина, о мокше и эрзе говорится как об "этнографических группах" мордвы (33, с. 387,785).

Исследования, проведенные нами, показывают, что мокша и эрзя не ведут себя как самостоятельные народы (этносы). Как правило, большинство из них отчетливо осознают себя двумя составными частями единого мордовского этноса. В этнической таксономии эрзю и мокшу следует считать двумя субэтносами мордовского этноса. В настоящее время в этноструктуре мордвы, помимо указанных двух субэтносов, выделяются еще две этнографические группы, или, выражаясь термином, употребленным впервые, кажется, Ю.И. Семеновым, субсубэтносы (34, с. 4), а именно каратайская и теньгушевская мордва, которые иногда в специальной литературе называются каратаями и шокшей (35, с. 21-26; 36, с. 109-119; 37, с. 62-67; 38, с. 24-31).

Таким образом, мордовский этнос состоит из этнического ядра - компактно живущей на территории Мордовии основной части этноса, тем или иным образом отделенных от основной его части и, наконец, этнической диаспоры - отдельных членов этноса, рассеянных по территориям, которые занимают другие этнические общности.

Как уже сказано выше, мордовский этнос бинарен. Он подразделен на два субэтноса (эрзю и мокшу) - группы людей, различные не только по численности (эрзяне составляют примерно две трети всей мордвы), но и своеобразные по культуре, языку, антропологическому облику, обладающие особым самосознанием, отраженным в субэтнонимах эрзя и мокша. Каждый из представителей мордовского этноса, как правило, входит в какой-

либо из составляющих его субэтносов. Только каратайская мордва, зная, что "насчет нации они мордва", уже не помнят: эрзей были ли их предки или мокшей, ибо говорят на татарском языке.

У представителей мордовского этноса существует двуступенчатое, иерархическое этническое самосознание: сознание принадлежности к этносу и сознание принадлежности к субэтносу. Если говорить о теньгушевской (шокшинской) мордве, то у них начинает прослеживаться и субсубэтническое самосознание, т.е. их этническое самосознание может стать трехступенчатым.

Мы здесь не говорим о метаэтническом самосознании ("мы - финно-угры или угро-финны"), которое в последнее время начинает проявляться все более отчетливо.

Нельзя считать состоятельными и делаемые порой лидерами эрзянского крыла национальных движений аналогии между словами "мордва" и "славяне". Если первое слово является этнонимом, то второе таковым не является, оно выступает в качестве метаэтнонима, номинизирующего целую группу так или иначе родственных друг другу, но самостоятельных этносов: восточно-славянских (белорусы, русские, украинцы), западно-славянских (поляки, чехи, словаки, лужичане), южно-славянских (болгары, словенцы, сербы, хорваты, македонцы, черногорцы, боснийцы).

Попытки расколоть мордовский народ имели место на обоих съездах мордовского народа (1- й состоялся в 1992, а 2-й - в 1995 г.). Так, часть эрзян, делегированных на 2-й съезд мордовского народа, самозванно объявила себя "Конгрессом эрзянского народа" и приняла декларацию, в которой провозглашено от имени всех эрзян стремление "быть признанным самостоятельным полноценным народом", "официально называться собственным историческим именем "Эрзянский Народ" (39).

Однако данная линия не была поддержана абсолютным большинством делегатов обоих съездов. А исполнительный комитет Совета, избранного 2-м съездом мордовского народа, принял постановление, в котором сказано: "Исполком осуждает движение "Эрзянь мастор" и аналогично именующуюся его газету, призывающую в своих публикациях к отказу от федеральных принципов и норм государственного управления и к изменению национально-государственного образования мордовского (эрзянского и мокшанского) народа. Исполком Совета возрождения мордовского народа осуждает позиции организаторов и участников конгресса эрзянского народа, выраженные в его Декларации, в которой он (Конгресс) выступает от имени всех эрзян России, на что полномочий ему никто не давал" (40).

Важно отметить, что у мордвы-мокши аналогичная тенденция не имеет места, более того, она осуждается. Например, лидер ассоциации женщин-

мокшанок "Юрхтава" Н.Н. Кудашова на вопрос, есть ли разница в целях возглавленной ею организации и ассоциации эрзянских женщин "Эрзява", руководимой Р.С. Кемайкиной (Марезь Кемаль), отвечает: "В последней вынашиваются идеи отмежевания эрзян, прежде всего, от мокшан. Мы эти идеи не разделяем. Незачем рвать общие исторические основы. Если я мокшанка, то это не значит, что я не мордовка. С давних пор известно, что мы - мордовская нация. И нет смысла в том, чтобы дробить ее на части. Некоторые поднимают по этому поводу большой шум, стремясь привлечь к себе внимание, завоевать популярность" (41).

Не без влияния в том числе и отмеченных выше тенденций зазвучали голоса некоторых лидеров русской общины Мордовии о необходимости ликвидации статуса республики, создания на ее месте Саранской губернии или области с двумя небольшими национальными округами (Мокшанским и Эрзянским) в ее составе. В одной из местных газет была опубликована соответствующая карта (42). В Саранске состоялась учредительная конференция республиканского объединения избирателей "За Саранскую губернию", принявшая устав и избравшая руководящие органы во главе с помощником бывшего президента Мордовии В.Д. Гуслянникова Б.В. Савельевым (43; 44; 45; 46).

Лидеры русской общины Республики Мордовия стоят на позициях безусловного сохранения ее в составе России, недопущения "суверенизаторских" мероприятий. В 1992 г., в период наиболее активного обсуждения вопросов, связанных с суверенизацией Мордовии, в Саранске были осквернены памятники выдающимся деятелям мордовской культуры М.Е. Евсевьеву и С.Д. Эрьзе. Виновники этого вандализма остались не выявленными (47).

Активисты РОМа (Русской общины Мордовии), основавшие общество "Русь", заняли довольно конфронтационную позицию по отношению к мордовскому национальному движению по большинству наиболее актуальных, животрепещущих вопросов. Особенно категорические возражения вызывают у них требования съезда мордовского народа о создании двухпалатного парламента, об участии мордовской многочисленной диаспоры (как известно, две трети мордвы проживает за пределами Мордовии) в выборах органов власти республики наряду с ее населением, об обязательности русско-мордовского двуязычия в государственных органах. Немаловажное значение для лидеров РОМа имеет вопрос соблюдения равноправия культур, ибо некоторые из них полагают, что мордовская культура поставлена в чрезмерно привилегированное положение, и эта ситуация должна быть изменена (2).

Не способствует стабилизации этнической ситуации в Республике Мордовия и этноконфессиональная обстановка, ознаменовавшаяся открытием в 1991 г. не только Саранской и Мордовской епархии Русской православной церкви, но и Мокшэрзянской лютеранской церкви. Если первая ведет богослужение для мордовской паствы на церковнославянском и русском языках, то вторая - на родном (соответственно эрзянском или мокшанском) языке. Сейчас в Мордовии функционирует 182 церкви и восемь монастырей, находящихся в ведении патриархии Московской и всея Руси, а также три небольшие общины Мокшэрзянской лютеранской церкви (две обслуживают мокша-мордовское и одна - эрзя-мордовское население). Мокшанские общины этой церкви ассоциированы с Эстонской лютеранской консисторией, а эрзянская - с Ингерманландской консисторией, что в Ленинградской области.

Взаимоотношения между этими церквями приняли драматический характер. Прологом драмы стали пропагандистская кампания в печати, угроза "Этому не быть", написанная черной краской на белом камне, заложенном на месте предполагаемого лютеранского храма, а затем и таинственное исчезновение этого камня, который можно было поднять лишь краном и увезти на самосвале. Сакральный камень под покровом ночи исчез в неизвестном направлении и неизвестно куда, а следствие, которое по данному поводу объявила было милиция, вскоре прекратилось.

В своем обращении ко всем чадам Православной церкви Мордовии епископ Саранский и Мордовский Варсонофий отмечал, что у православной общественности вызывает тревогу активность доморощенных лютеран во главе с их руководителями Микишем и Алешкиным, которые с благословения финских лютеран захватили плацдарм в Мордовии (зарегистрировали две общины) и целенаправленно приступили к лютеранизации Мордовии. Прикрываясь заботой о сохранении мордовских языков, они сеют смуту в народе, отчуждая мордовский народ от русского народа.

"Мы, - сказано в обращении, - находясь в лоне Православной Церкви, понимаем, что необходимо сохранить мордовский язык, но не любой ценой, не ценой же раскола народа по конфессиональному признаку! Я уже говорил, что мы в религиозном плане отброшены на два века назад. Если в конце прошлого века у нас в Мордовии делались попытки перевода Священного Писания и отдельных молитв на местные языки, они делались священниками или людьми богословски образованными. В настоящее время мы пока не располагаем священниками с высшим богословским образованием и способными к переводческой деятельности, хотя более половины духовенства из мокшан и эрзян. В ближайшие годы мы постараемся дать нашим священникам высшее образование - это наша цель и, Богу содейст-

вующу, приступим к самостоятельным переводам на мокшанский и эрзянский языки Священного Писания и богослужебных книг, поскольку книги, поступающие к нам из Финляндии и переведенные на местные языки, не понимает не только простой народ, но и священники" (48).

Итак, важной особенностью мордовского этноса, сохраняющейся поныне, является его бинарность, наличие в его этнокультуре двух субэтносов (эрзи и мокши), имеющих свои субэтнические интересы. Максимальный учет этих интересов, в том числе и в кадровой политике, без перекосов то в одну, то в другую сторону, безусловно, сможет оказать позитивное воздействие на их поведение, оптимизировать процесс этнической консолидации мордовского (мокшэрзянского) народа в современных условиях.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Декларация о государственном суверенитете Советской Социалистической Республики Мордовия. Проект, внесенный Президиумом Верховного Совета Мордовской АССР; Декларация о государственном суверенитете Мокшанской и Эрзянской Советской Республики (МЭССР). Проект общества "Масторава" // Советская Мордовия. 1990, 11 октября.

2. Общественные движения в Мордовии. Документы. Материалы. Автор-составитель *Маресьев В.В.* М., 1993.

3. *Ивашкин Н.* Восток - дело тонкое // Советская Мордовия, 1993, 27 октября.

4. *Мокшин Н.* Мокшэрзятне: течи, ванды // Эрзянь правда, 1994, 9 июня.

5. *Мокшин Н.* Два берега у одной реки // Известия Мордовии, 1994, 10 июня.

6. *Мокшин Н.* Маласькадомс фкя-фкянди // Мокшень правда, 1996, 13 января.

7. *Аршакян В.* Суверенитет - это равноправие // Эрзянь мастор, 1996, 14 апреля.

8. *Ванев Е.* 300 миллионов на ... обрусение // Эрзянь мастор, 1996, 11 июля.

9. *Попов Г., Юрченков В.* Империя зла? Нет, империя добра // Известия Мордовии, 1996, 28 сентября.

10. *Ефимов П.* Этнополитические проблемы "мордовского" народа // Эрзянь мастор, 1996, 14 ноября.

11. *Ибрагимов А.* Я за равенство // Эрзянь мастор, 1996, 17 декабря.

12. *Ефимов П.* Современная этническая ситуация в Мордовии // Эрзянь мастор, 1997, 13 февраля.

13. *Афонин Н.* Психология распада и объединения // Известия Мордовии, 1997, 26 февраля.

14. *Нуянзин А.* Голосую за Эрзянскую республику // Советская Мордовия, 1991, 12 ноября.

15. *Веоякин П.* Монгак Эрзянь республикань кис // Эрзянь правда, 1992, 18 января.

16. *Мокшин Н.* Мордва - имя народа или его прозвище? // Советская Мордовия, 1992, 21 мая.

17. *Ивашкин Н.* Эрзя уходит из "мордвы"? // Советская Мордовия, 1992, 23 сентября.

18. *Марков Ф.* Поделим историю? // Советская Мордовия, 1993, 29 апреля.

19. *Щанкина Р.* "Эрзянь масторонть" бажамонзо // Эрзянь правда, 1993, 21 октября.

20. *Щанкина Р.* Пешксесь вачонть а чарькодсы // Эрзянь правда, 1993, 23 октября.

21. *Бажомолов А.* Раскольники // Мордовия, 1993, 28 сентября.

22. *Кириченко Т.* О "Пургазе" и не только // Советская Мордовия, 1993, 28 октября.

23. *Нуянь Виояс.* Ули мастор, кона монь седейсэ // Сятко, 1993, № 11.

24. *Марить Кемаль.* Мы - эрзяне // Эрзянь мастор, 1995, 25 января.

25. *Мокшин Н.* Накануне съезда мордовского народа // Известия Мордовии, 1995, 7 февраля.

26. *Арис*. Последний "мордовский" самурай? // Эрзянь мастор. 1995. 16 марта.
27. Резолюция регионального совещания Организации Непредставленных Народов / Пюхаярве. Эстонская Республика. 8-9 октября 1995 г. // Эрзянь мастор. 1995, 24 октября.
28. "Немножко внезапный" визит // Известия Мордовии. 1996. 7 мая.
29. *Кечкин В.* Делегация Мордовии была одной из самых конструктивных // Известия Мордовии. 1996. 29 августа.
30. *Кечкин В.* Участникам Консультативного комитета финно-угорских народов // Известия Мордовии. 1996. 23 октября.
31. *Сухарев А.И.* Социальный облик Советской Мордовии. Саранск. 1980.
32. *Цыганкин Д.* Эрзятне ды мокшотне аволь субэтнос // Эрзянь мастор. 1996. 27 января.
33. Эрзянско-русский словарь. М., 1993.
34. *Семенов Ю.И.* Социально-исторические организмы. этносы. нации // Этнографическое обозрение. 1996. № 3.
35. *Мокшин Н.Ф.* Можно ли считать этнонимами термины каратай. терюхане и шокша? // Ономастика Поволжья-4. Саранск. 1976.
36. *Мокшин Н.Ф.* Этническая история мордвы. Саранск. 1977.
37. *Мокшин Н.Ф.* Мордовский этнос. Саранск. 1989.
38. *Мокшин Н.Ф.* Тайны мордовских имен. Саранск. 1991.
39. Эрзянь мастор. 1995. 23 марта.
40. Мордовской народонть вельмевтемань Советэнь исполкомонть Постановлениязо // Эрзянь правда. 1995. 25 мая.
41. *Кудашова Н.* Ванфтомс тядянь кудть лямбонц // Мокшень правда. 1995. 23 марта.
42. Вечерний Саранск. 1994. 11 февраля.
43. Может. лучше по "кольцевой"? // Советская Мордовия. 1993. 23 июня.
44. *Васильев В.* Даешь губернию // Советская Мордовия. 1994. 17 марта.
45. *Бахмустов С.* Жить в России // Известия Мордовии. 1994. 17 мая.
46. *Попов Г.* Границы для этноса // Известия Мордовии. 1994. 26 апреля.
47. *Калинин П.* Эсь кисэнек валгак а каятано // Эрзянь правда. 1992. 11 июня.
48. Обращение епископа Саранского и Мордовского Варсонофия ко всем верным чадам Православной церкви Мордовии // Известия Мордовии. 1995. 7 апреля.

Nikolay Mokshin, Elena Mokshina

ETHNIC SITUATION IN PRESENT STAGE MORDOVIA

The typical feature of ethnic situation of the Republic of Mordovia at the present stage is striving for aggravation of not only the inter-ethnic relations and to provoke among Mordvinians and Tatars (in Mordovia according to the census of the population in 1989 there lived 32,5% of Mordvinians. 60,8% of Russians and 4,9% of Tatars) anti-Russian tendencies. but there is also the tendency to destabilize inter-Mordvinian relations. to sow the seeds of Erzyan national-separatism. Great efforts make in this direction the party "Erzyan mastor". assosiaton " Erzyava". Fund of reservation of Erzyan. the newspaper "Erzyan mastor".

«Финно-угроведение», 1997, № 3.

Любовь Абукаева
Йошкар-Ола

ИЗ ИСТОРИИ СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ НЕРАСЧЛЕНЕННОЙ СТРУКТУРЫ В МАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

История сложных предложений относится к числу малоразработанных вопросов марийского языкознания. Общие положения этого вопроса затронуты в работах таких исследователей, как Р. Карелсон (1), Б. Коллиндер (2), Н.И. Исанбаев (3), Ф.И. Гордеев (4), Г. Дечи (5), И.С. Галкин (6), К.Е. Майтинская (7, 8), Б.А.Серебренников (9), Л.П. Васикова (10, 11), Ю.В. Андуганов (12). Известна история средств связи сложносочиненных предложений, некоторых типов сложноподчиненных предложений, в частности расчлененных, однако системного, детального, обобщающего исследования по данной проблеме до сих пор не было. Особенно это касается сложноподчиненных предложений нерасчлененной структуры.

При рассмотрении истории марийского языка исследователи, к сожалению, не располагают данными памятников письменности, которые могли бы достоверно высветить в числе других и проблемы исторического синтаксиса. Трудно строить какие-либо предположения относительно истории синтаксических единиц на материалах, относящихся к периоду XVIII-XIX веков, поскольку старый текстовой материал в основном включает в свой состав перевод религиозной литературы; структура перевода организована под влиянием языка-оригинала (13, с. 24-25), в частности старославянского, русского языков.

При привлечении диалектных материалов необходимо учесть то, что тексты, характеризующие современное состояние диалектов, не могут служить в одинаковой мере достоверным материалом для исследований исторического синтаксиса марийского языка по сравнению с записями диалектных материалов, сделанных в конце XIX - начале XX веков, поскольку развитие письменности и литературного языка, а также влияние других языков (особенно русского) меняют облик диалектов. Именно поэтому необходимо привлекать как можно более ранние записи, которые могут служить относи-

тельно достоверным и объективным источником по исследованиям исторического синтаксиса.

Из фольклорных текстов следует привлекать те жанры, которые отличаются своей консервативностью и относительной неизменностью. В этом плане мы особое внимание обращаем на тексты заговоров, молитв, так как в этих текстах сохраняются языковые особенности предшествующих периодов развития языка, более того, информаторы стараются воспроизвести эти тексты точно и без изменений.

При разысканиях по истории синтаксических явлений необходимо признать, что наши выводы могут быть отдалены от тех объективных реалий, которые существовали в языке. В.И. Троицкий по этому вопросу высказал такую точку зрения: "... по отношению к эпохе, от которой до нас не дошло памятников письменности, создаваемая нами эволюция сложного предложения, опирающаяся на материал, исторически более поздний, неизбежно лишь частично соответствует тому, что было в реальной действительности. Следует также иметь в виду, что близкие в каком-либо отношении типы не всегда отражают эволюцию одного первоначального: в истории языка иногда происходит вытеснение одного типа другим, генетически с ним не связанным" (13, с. 8). Однако это не исключает возможности воссоздания архетипов, основных тенденций их развития по материалам вышеуказанных источников.

Учитывая вышеназванные факторы, обратимся к истории подчинительных отношений, средств связи сложноподчиненных предложений нерасчлененной структуры, возможных путей формирования рассматриваемых конструкций.

Союзных сложных предложений в прафинно-угорском языке не было. Для выражения сложной мысли использовались причастные конструкции, а также "следовавшие друг за другом (без союзов) предложения, оформленные как самостоятельные" (7, с. 384). Придаточным предложениям европейского типа соответствовали конструкции с отглагольными именами (2, с. 248, 250; 5, с. 160, 161).

Марийский язык, как и другие финно-угорские языки, располагал и другим способом выражения подчинительных отношений - коллокацией. Примыкание простых предложений друг к другу являлось наиболее древним способом выражения подчинительных отношений (15, с. 37-39).

Две логически связанные между собой синтаксические единицы, располагаясь рядом, могли вступать в объектные, определительные и различные обстоятельственные подчинительные отношения. При этом значительную роль играло лексическое наполнение предложения и интонация как средство связи таких предложений (15, с. 38).

Можно допустить, что первоначально из цепи следующих друг за другом предложений выделились бессоюзные сложные предложения. Язык как бы отделял от всех остальных те предложения, которые имели более тесные смысловые связи.

В лингвистической науке до сих пор продолжаются споры о том, какое из явлений более раннее: бессоюзная или союзная связь предложений. А.М. Пешковский считал, что сочинение древнее подчинения "как все простое древнее сложного". Бессоюзие, полагал он, древнее, в свою очередь, и сочинения и подчинения (16, с. 473). Известно также и высказывание Е.Ф. Корша о том, что бессоюзная связь предложений, на смену которым пришли подчинительные конструкции с относительными местоимениями, - явление более позднее, чем конструкции с сочинительными союзами (17, с.16).

Что касается марийского языка, очевидно, сочинительная связь возникла позднее бессоюзной. Во-первых, большинство союзов, оформляющих сочинительную связь в марийском языке, заимствовано из других языков (русского, чувашского, татарского). Во-вторых, структура различных типов сложносочиненных предложений марийского языка идентична структуре сложносочиненных предложений соответствующего типа русского языка.

Прозрачная смысловая связь предложений, их четкое построение, твердый порядок расположения частей, интонация объединяли простые предложения в сложные. Большое значение имело лексическое наполнение компонентов новой синтаксической конструкции, а более тесную (по сравнению с коллокацией) связь позволяли устанавливать местоимённые слова, которые отсылали слушателя от одной части высказывания к другой. При этом семантические связи между предложениями конкретизировались. Например: *Курган лийын туге: Кӱльмезь патыр йыдалже гыч погынышо рокым почкалтен* (18, с. 142) 'Курганы образовались так: богатырь Кюльмезь вытряхивал землю из своих лаптей'. *Марий-влак кагазеш возен кертын огытыл: тунам кагазшат тугай лийын огыл* (18, с.146) 'Марийцы не писали на бумаге: тогда и бумаги-то такой не было'.

Бессоюзные сложные предложения наряду с коллокацией отражают один из ранних этапов формирования подчинительных отношений. До возникновения сложноподчиненных предложений сложные мысли в марийском языке выражались не только при помощи причастных, деепричастных, инфинитивных и послеложных конструкций, но и простых, сложносочиненных, бессоюзных сложных предложений (4, с. 276).

Как считает К.Е. Майтинская, общим путем формирования сложных предложений было соединение двух или более простых предложений в одно целое. Она высказывает предположение о том, что "в финно-угорском язы-

ке-основе уже употреблялись бессоюзные сложные предложения, которые впоследствии в языках-потомках преобразовались в союзные" (8, с. 91).

Цепное нанизывание предложений, по-видимому, стало также основой для формирования предложений с сочинением и подчинением. Процесс формирования сложных предложений, однако, не сводится лишь к объединению простых высказываний в сложные. Последние примеры свидетельствуют, что многие типы сложных предложений могли развиться на основе бессоюзных сложных предложений путем переосмысления в их составе местоименных слов и частиц и развития подчинительных союзов и союзных слов. Старый принцип соединения синтаксических групп и целых предложений (паратаксис) положил основу для развития нового принципа, нового строя предложений со взаимной связью как членов предложения, так и предикативных частей в сложном предложении.

Учитывая общие закономерности развития сложного предложения, можно сделать предположительный вывод о том, что паратаксис является примарным, так как гипотаксис более сложен по объему и способам выражения, хотя граница между ними иногда весьма неопределенна и неустойчива (1, с.211).

Каким путем шло в дальнейшем формирование сложноподчиненных предложений? Попытаемся проследить процесс оформления сложноподчиненных предложений нерасчлененной структуры в марийском языке.

В сложных предложениях указанного типа в роли союзных средств выступают слова, исторически восходящие к вопросительным и указательным местоимениям. Мы считаем, что употребление этих местоимений в качестве анафорических положило основу для формирования относительных местоимений. Два простых высказывания в плане содержания были связаны тем, что имели один предмет мысли. При этом в первом высказывании назывался сам предмет мысли и какая-либо первичная информация о нём, а второе высказывание содержало указание на названный предмет и дополнительную, вторичную информацию.

Во-первых, образование сложных предложений с относительным местоимением в придаточной части шло несколькими путями. Эти пути находились в зависимости от первоначальных функций местоимения, ставшего впоследствии относительным. Во-вторых, относительные функции местоимений развились на основе анафорической функции указания на субстантивный член предшествующего или последующего предложения. При этом говорящий отсылал к информации, содержащейся в предыдущем высказывании, дополняя, развертывая ее , или раскрывая содержание предыдущего слова в следующем высказывании.

Думается, что можно установить не только основные пути становления сложноподчиненных предложений нерасчлененной структуры в марийском языке, но и примерное время их возникновения в языке.

Рассматривая вопрос о становлении сложноподчиненных предложений, И.С. Галкин утверждает, что, кроме сложноподчиненных предложений с условными и уступительными придаточными, все остальные типы развились под влиянием русского языка. Местоименно-соотносительные предложения, которые, согласно традиции, И.С. Галкин включает в состав сложноподчиненных предложений с придаточным подлежащим и придаточным сказуемым, он называет синтаксической калькой (6, с. 115). Мы считаем, что это положение, рассматриваемое до последнего времени как аксиома, требует уточнения.

На наш взгляд, местоименно-соотносительные предложения и конструкции с присловной связью частей в марийском языке стали развиваться до начала влияния русского языка на марийский. Этот вывод основан на анализе фольклорных и диалектологических материалов, записанных в конце XIX - начале XX века. В качестве источников привлекались записи Э. Беке, В. Поркка, Ю. Вихмана, Т. Евсеева, Г. Кармазина.

Рассматриваемые конструкции обнаруживаются практически во всех диалектах. Приведем примеры.

Яранский диалект: Sà **·nə̑šə̑m, ko·š keäjäš** 'Dacte nach, wohin ich mich wender' (19, с.6) 'Думал, куда идти'. **Koš mo·štet, erγəm, tn̈škn̈i kejə!** 'Mein Sohn, geh deiner Wege' (19, с. 8) 'Куда сможешь, сынок, туда и иди'. **Ü: - ärńä· ärńä·n kodo γèɖsə a·jar, tn̈γ'edsə sn̈aäŋəm üδä·š kə·lęš** 'Nelher wochentag in der butter-woche klar ist, an dem [wocher] tage muss der veizen ausgesät werden" (20, с. 11) 'На масленничную неделю какой день будет ясным, в такой день недели нужно сеять пшеницу". **Ko·nam mə·ń ke·jem kò·ə̑m ko·tsaš, i·re me·ń u·žam βn̈·tia·m** 'Wenn ich fischen gehe, sehe ich immer den wassergeist' (19, с. 30-31) 'Когда я иду ловить рыбу, всегда я вижу русалку'.

Йошкар-Олинский диалект: **kö·n βü·də̑m ᵈjüe·š kə̑n, todo kajà–araka ᵈjüšə̑la·n** '[Das Mädchen], dessen Huhn Wasser trinkt wird einer Trinker (eig. Branntweintrinker) heiraten' (19, с. 418) 'Чья курица воды попьет, та выйдет замуж за пьющего'. **Kodo pušeŋge tošto olmə̑škə̑žo sə·ń·ɖzən o· ket kə̑n, todo koška** 'Die (eig. diejenigen) Bäume, die [später] nicht anihre aften Plätze zurukkehren (eig. sich nicht zuruckstellen) können, troknen aus' (19, с. 446) 'Которое дерево не сможет встать на прежнее место, то (дерево - *Л.А.*) высохнет'.

Уржумский диалект: **Mo-γa·i kèǯŝ̀n šòʃ̌ŝ̀nat, tuγa·i kèǯŝ̀n tɔredas tu nal** 'An was für einem Tag du zur Welt gekommen bist. an einem solchen [Tag] beginne zu ernten sagt' (19. c. 84) 'В какой день родился. в такой день начинай жать'. **Kù·ðə̀žə̀n šo· ʤš(šə̀žə̀ ù·lə̀, tùðə ulma·žə̂ izira·k** 'Derjenige. der Kinder hatte. war der jüngere' (21. c. 116) 'У которого были дети. тот был моложе'. **Tù èrγə̀lə̀k·ə̂št, šiṅdžè·nə̂t, kù·škə̂ ò·ðə̀ oksa·m toje·n mla·ndəskə** 'Jene Sohne wussten. wohin ein Wotjake sein Geld in die Erde eingrub' (21. c.4) 'Те сыновья знали. куда один удмурт зарыл в землю деньги'. **Ӧ·rə̀n ùl̂t, mo·m l̀əšta·š** (ешыже лочо дене - *Л.А.*) 'Verdutzt haben sie nicht gewusst. was [sie] tun sollten' (19. c. 162) 'Удивились. что делать'.

Малмыжский диалект: **Mi·ń kaje·m, βuje·m ku·ško purá; tu·ško** 'Ich gehe meiner Nase nach (eig. dorthin. wohin mein Kopf hineingeht)' (22. c. 78-79) (букв. 'Я пойду. куда голова поместится. туда'). **Mo-nare d'oðə̂ðà·, tu-nare puenà** 'Wir geben [euch] (soviel) wievel ihr verlang' 'Сколько попросите. столько дадим'.

Бирский диалект: **Kuša·γə̀n kinde · püǯre·n, tuš šume·š[ke] kaje·m, paβa·j** 'Soweit mein Brot reicht (eig. es gestattete). bis dahin gehe ich. Väterehen' (22. c. 430 - 431) 'Где суждено мне хлеб есть. туда и пойду'. **Saska·že kušto·, mükš-aβa·tušto, Avajem-a·t kušto·, me tušto·** 'Wo die blume ist. da ist die bie-nenkönigin. wo meine mutter ist. da sind [auch] wir [kinder]' (23. c. 423) 'Где цветы. там и пчелы; где наша матушка. там и мы'.

Козьмодемьянский диалект: **Kəńe·m ma-χa·ń γè·ʤšən ü·ðɐ̨t, təγe' ʤšən šə̂·ktaš kɐ̨̆·lɐ̨š** 'An dem tage [der woche]. an dem du den hanf säst. an dem [wochen] tage muss er [auch] gerösted werden' (20. c. 7) 'Коноплю в какой день сеешь. в такой день нужно начать убирать'. **Kü teŋgè·ʤsə altà·len, tə́ðəlän irγðθm-at a·k°ńä:nep** 'Wer gestern gelogen hat. dem wird man auch morgen nicht glauben' (20. c. 112) 'Кто вчера обманул. тому и завтра не поверят'. **Mà·γəts lüðät, tə'ðəm ù·žat** 'Was du fu rehtest. das siehst du' (20. c. 114) 'Чего боишься. то увидишь'.

Итак. сложноподчиненные предложения нерасчлененной структуры обнаруживаются нами в текстах. отражающих особенности всех наречий марийского языка. Примеры показывают. что в диалектных текстах. зафиксированных в конце XIX - начале XX века. союзные и соотносительные слова выполняли роль связующих средств в сложноподчиненных предложениях нерасчлененной структуры. Особенно это касается местоименно-соотносительных предложений.

Относительно объективным материалом могут служить и фольклорные тексты. в особенности те жанры. которые в наименьшей степени подвер-

жены изменениям и трансформации. Следовательно, они могут сохранять неизменными в некоторой степени не только фонетические, лексические и морфологические, но и синтаксические особенности, присущие для того периода развития языка, в который они оформились как отдельные жанры устного народного поэтического творчества.

Обратимся к рассмотрению фольклорных текстов, для которых характерно относительное постоянство и консервативность, т.е. таких, которые, по сравнению с другими, подвержены меньшим изменениям при передаче от одного поколения к другому. Среди таких жанров особое внимание следует уделить молитвенным текстам и текстам заговоров.

Для рассматриваемых текстов весьма характерно оформление подчинительных отношений при помощи сложноподчиненных предложений нерасчлененной структуры, среди которых превалируют местоименно-соотносительные конструкции с союзными словами **могай** 'какой', **кунам** 'когда' и **кузе** 'как' и др. Например: **Kajok-pun kuzé kөńél kaja, tuγe Baslin moγer kušto lém(ən) kajөže** 'Wie eine Feder aufliegt, so möge Wassilis Körper leicht wergen' (24, с. 31) 'Как взлетает птичий пух, пусть и у Василия тело станет таким же легким'. **Buβe·r, kuše·tš purenat, tusé·'d le·k** 'Buβer, wo du kineingefahren (eig. hineingegangen) bist, dort komme heraus' (22, с. 84) 'Вувер (злой дух -*Л.А.*), откуда вошел, оттуда и выйди'. **Münder užarám kunam pošarén ketéš, tunam iže pošarén ketšө! Er kéčem kunam pošareń keteš, tunam iže pošaren ketzө!** 'Wenn er die ferne (Morgen -oder Adend) röthe behenen kann, dann ers möge er behenen können! Wenn er die Morgensonne behenen kann, dan u.s.v' (24, с. 33) 'Когда сможет наслать порчу на далекую зарю, пусть только тогда сможет наслать порчу! Когда сможет наслать порчу на утреннее солнце, пусть только тогда сможет наслать порчу!'

В текстах заговоров, приворотов, отворотов и т.п. сложноподчиненные предложения нерасчлененной структуры следуют друг за другом, образуя целые цепочки.

Таким образом, есть основания считать, что сложноподчиненные предложения нерасчлененной структуры, особенно местоименно-соотносительные, возникли в марийском языке еще до влияния на него русского языка, так как такие структуры обнаруживаются во всех наречиях марийского языка, что особенно примечательно в записях конца XIX - начала XX в., и в наиболее консервативных жанрах фольклора. Кроме того, указательные и относительные местоимения, выполняющие в рассматриваемых структурах роль связующих средств, являются собственно марийскими.

Для рассматриваемых текстов характерно также наличие местоименно-соотносительных предложений, в которых присутствует союз **гын** "если". Например: **Мо деч** *лӱдына* **гын, туддеч** *сакле*, **мом** *отынена гын*, **тудым** *пуэн шого* (25, с. 112) 'Если чего боимся, от того сохрани, если что просим, то дай'. Тиде кумалтышнам йӧратен шого, **мом** *йодын кумалына* **гын, тудым** *пӱрен шого курымкурымлан* (25, с. 127) 'Возлюби нашу молитву, если что просим в молитвах, то ниспошли навеки вечные'. *Ӱлычын* **кузе** *рӱзалтарена гын, кӱшычын* **тугак** *рӱзалтарен шого*, **мом** *сӧрвалена гын*, **тудым** *пуэн шого*, **мо деч** *лӱдына гын*, **туддеч** *сакле* (25, с.119) 'Как если снизу встряхивать заставляем, так же встряхивай сверху; если о чем просим, то давай; если чего боимся, от того оберегай'.

Можно предположить, что такие конструкции являлись своеобразными "предвестниками" местоименно-соотносительных сложноподчиненных предложений. В них, как видим, связующую функцию выполняет союз **гын** 'если'. В дальнейшем этот союз мог быть опущен, и знаменательные слова (местоимения) приобрели анафорические функции и стали связывать части сложноподчиненного предложения.

В современном марийском языке обнаруживаются как сложноподчиненные предложения расчлененной структуры с условным союзом **гын** 'если' и местоименно-соотносительные предложения нерасчлененной структуры с относительными местоимениями в роли союзных слов, так и предложения, в которых одновременно присутствуют союз **гын** 'если', относительное и указательное местоимения.

Сложноподчиненные предложения нерасчлененной структуры марийского языка в качестве союзных средств используют местоимения и местоименные наречия собственно марийского языка. Как показывают разыскания К.Е. Майтинской, "функции вопросительных и относительных местоимений совмещались с самого начала" (26, с. 339).

В дальнейшем происходил процесс упорядочения структуры сложноподчиненного предложения, приспособление элементов этой структуры для выражения относительной функции. Главным средством выражения относительной связи между частями сложного предложения стали местоимения и местоименные наречия. Их грамматические свойства определили различия в типах сложноподчиненных предложений.

История образования того или иного структурно-семантического типа сложноподчиненного предложения не может быть полной без рассмотрения истории средств соединения его частей. В этом плане важным представляется выяснение роли союзов, соотносительных и союзных слов,

так как они участвуют в соединении предикативных единиц, обеспечивая структурное единство сложноподчиненного предложения.

Развитие союзных средств, организующих структуру нерасчлененных сложноподчиненных предложений, в основном отражает картину становления союзов и союзных слов в финно-угорских языках с учетом индивидуальных условий и особенностей грамматической системы марийского языка.

По своему происхождению союзы и союзные слова, участвующие в построении рассматриваемых конструкций в марийском языке, как и в других финно-угорских языках (8, с. 92), делятся на союзные средства, формировавшиеся на базе слов разных категорий собственного языка, и заимствованные.

Функцию союзных слов в сложноподчиненных предложениях нерасчлененной структуры выполняют вопросительно-относительные местоимения **кӧ** 'кто', **мо** 'что', **могай** 'какой', **кудо** 'который', **мыняр** 'сколько', **кунар** 'сколько', а также местоименные наречия **кузе** 'как', **кушко** 'куда', **куштo** 'где', **кушеч** 'откуда', **кушан** 'где', **кувелне** 'где, в какой стороне', **кувеке** 'куда, в какую сторону', **кувелан** 'где, в какой стороне', **кувечын** 'откуда, с какой стороны'.

Вопросительно-относительные местоимения и местоименные наречия, употребляемые в нерасчлененных сложноподчиненных предложениях современного марийского языка в функции союзных слов, произошли от ***k*** -овой и ***m*** -овой уральской основ и представляют собой: 1) единицы, образованные от этих основ в неосложненном виде: **кӧ** 'кто' и **мо** 'что'; 2) единицы, образованные путем осложнения основы суффиксальным элементом: **кудо** 'который'; 3) единицы, являющиеся застывшими падежными формами этих местоимений: **куштo** 'где', **кушко** 'куда', **кушан** 'где', **кушеч** 'откуда'; 4) единицы, образованные путем соединения этих основ с послелогами: **могай** 'какой', **мыняре** 'сколько', **кунаре** 'сколько'; 5) единицы, сформировавшиеся присоединением к местоименной основе существительного **вел** 'сторона': **кувелан** 'где, в какой стороне', **кувелне** 'где, по какую сторону, на какой стороне', **кувеке** 'куда, в какую сторону', **кувечын** 'откуда, с какой стороны'.

В марийском языке в качестве соотносительных слов в сложноподчиненных предложениях нерасчлененной структуры выступают следующие местоимения и местоименные наречия: **тудо** 'тот', **тугай** 'такой', **туге** 'так', **тунар** 'столько', **тунаре** 'то же', **тунам** 'тогда', **тушан** 'там', **тушто** 'то же', **тушко** 'туда', **тушеч** 'оттуда', **тувелан** 'там, в той стороне', **тувелне** 'там, в той стороне', **тувеке** 'туда, в ту сторону', **тувечын** 'оттуда, с той стороны'.

Местоимения, выступающие в роли соотносительных слов в местоименно-соотносительных предложениях современного марийского языка, исторически восходят к лично-указательному местоимению **ту** 'тот, он' и представляют собой: 1) падежные формы данного местоимения: **тушто** 'там', **тушко** 'туда', **тушеч** 'оттуда', **тушан** 'там', **туге** 'так'; 2) слова, возникшие путем присоединения к этому местоимению послелогов: **тугай** 'такой', **тунаре** 'столько'; 3) слова, образованные путем присоединения к местоимению **ту** 'тот, он' падежных форм существительного **вел** 'сторона'.

Все вышерассмотренные соотносительные слова возникли в период самостоятельного существования марийского языка в результате длительного синтаксического и семасиологического преобразования.

В процессе возникновения и становления сложноподчиненных предложений нерасчлененной структуры их анафорическая функция отступает на второй план, в сложных предложениях они начинают функционировать как местоименно-соотносительные слова и вместе с союзными словами становятся неотъемлемыми структурными элементами местоименно-соотносительных сложноподчиненных предложений. Этот процесс происходит под непосредственным влиянием русского языка. Местоименно-соотносительные сложноподчиненные предложения марийского языка заимствуют структуру сложного предложения, используя в качестве союзных и соотносительных слов средства собственно марийского языка.

Несколько иначе обстоит дело с изъяснительными сложноподчиненными предложениями нерасчлененной структуры в марийском языке. Союз **пуйто** 'будто' идентичен по своему значению с союзом будто современного русского языка (27, с. 180). Союз **манын** 'что' возник сравнительно недавно путем утраты деепричастием **манын** 'говоря' своего лексико-грамматического значения, употребления его независимо от наличия и отсутствия в предложении чужой речи и превращения его в союз (3, с. 105).

Поскольку названные конструкции встречаются во всех наречиях марийского языка, а также в фольклорных текстах и в роли союзных средств в них выступают собственно марийские указательные и относительные местоимения, мы приходим к заключению, что они возникли на базе собственно марийского языка. Кроме того, в современном марийском языке преобладают местоименно-соотносительные предложения с препозитивной придаточной частью, а в диалектологических и фольклорных текстах нами практически не зафиксировано предложений с придаточной частью в постпозиции. Это говорит о том, что структура местоименно-соотносительных предложений с предшествующей придаточной частью не противоречила строю собственно марийского языка. Можно допустить, что посильное влияние оказал общий закон о порядке следования второстепенных членов

предложения, согласно которому подчиненный член располагался в препозиции по отношению к подчиняющему.

На процесс формирования сложноподчиненных предложений нерасчлененной структуры марийского языка заметное влияние оказал и русский язык.

Становление и развитие присловных, в особенности присубстантивно-определительных сложноподчиненных предложений происходило в период активного влияния русского языка на марийский. Структурная организация этих конструкций идентична строению соответствующего типа сложноподчиненных предложений русского языка, хотя в качестве средства связи, за исключением союза пуйто 'будто, что', выступают также собственно марийские слова. В диалектологических и фольклорных материалах, привлекаемых нами в качестве источников исследования, присловные сложноподчиненные предложения как с изъяснительными придаточными, так и присубстантивно-определительные, не обнаруживаются. В современном марийском языке такие конструкции характерны для литературного варианта общенародного языка.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Kurelson R.* Soome-ugri keelte lausestruktuurist seoses konjunktsioonidega // Emakeele Seltsi aastaraamat. Tallin, 1959.

2. *Collinder B.* Comparative Grammar of the Uralic Languages. Uppsala, 1960.

3. *Исанбаев Н.И.* Особенности употребления **маныт** и **лийын** в марийском языке // Вопросы языка, литературы и фольклора. Труды МарНИИ языка, литературы и истории им. В.М. Васильева. Вып. XIV. Йошкар-Ола, 1961.

4. *Горбаев Ф.И.* К вопросу о происхождении сложноподчиненных предложений в марийском языке // Вопросы теории и методики изучения русского языка. Вып. 3. Йошкар-Ола, 1964.

5. *Decsy Gy.* Einführung in die finnisch-ugrische Sprachwissenschaft. Wiesbaden, 1965.

6. *Галкин И.С.* Марий йылмын исторический грамматикыже. Морфологий да синтаксис. Тунемме книга. Йошкар-Ола, 1986.

7. *Майтинская К.Е.* Вопросы сравнительного синтаксиса финно-угорских языков // Основы финно-угорского языкознания. Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков. М.: Наука, 1974.

8. *Майтинская К.Е.* Служебные слова в финно-угорских языках. М.: Наука, 1982.

9. *Серебренников Б.А.* Синтаксис уральского праязыка - синтаксис тюркского типа // Советское финно-угроведение. 1987. N 2.

10. *Васикова Л.П.* Синтаксическая структура деепричастных конструкций в финно-угорских языках // Материалы VI Международного конгресса финно-угроведов. Т.2. М.: Наука, 1990.

11. *Васикова Л.П.* Сопоставительная грамматика русского и марийских языков. Синтаксис. Йошкар-Ола, 1990.

12. *Анкушанов Ю.В.* Историческая грамматика марийского языка. Синтаксис. Ч. I. Введение. Субстантивные словосочетания. Йошкар-Ола, 1991.

13. *Иванов И.Г.* История марийского литературного языка. Йошкар-Ола. 1975.

14. *Троицкий В.П.* Относительное подчинение в языке русской письменности XVI - XVII веков. Казань. 1968.

15. *Абукаева Л.А.* Генетические связи простых и сложноподчиненных предложений (на материале топонимических и исторических легенд и преданий): к вопросу изучения бессоюзных сложных предложений в школе // Марийское краеведение в школе: материалы научно-практической конференции. Йошкар-Ола: Марийский институт образования. 1996.

16. *Пешковский А.М.* Русский синтаксис в научном освещении. М.: Учпедгиз. 1956.

17. *Кори Е.Ф.* Способы относительного подчинения. М., 1877.

18. Марий калык ойпого. Марийский фольклор: Мифы, легенды, предания / Сост. В.А. Акцорин. Йошкар-Ола. 1972.

19. Tscheremissische Texte. Gesammelt und herausgegeben von Ö.Beke. Verlag der Ungari-schen Akademie der Wissenschaften. Budapest. 1957.

20. *Wichmann Y.* Volksdichtung und Volksbräuche der tscheremissen. Suomalais-ugrilaisen Seuran Toimituksia LIX. Helsinki. 1931.

21. Tscheremissische Märchen. Sagen und Erzählungen. Gesammelt und herausgegeben von Ödön Beke. Helsinki. 1938.

22. Tscheremissische Texte. Gesammelt und herausgegeben von Ö.Beke. Verlag der Ungarischen Akademie der Wissenschaften. Budapest. 1961.

23. Tscheremissische Lieder aus dem Gow. Ufa. kreis Birsk. Gesammelt von G.Karmazin. Sonderabdruck aus den MSTOu. LIXII // Volksdichtung und Volksbräuche der tscheremissen. herausgegeben von Y.Wichmann. Suomalais-ugrilaisen Seuran Toimituksia LIX. Helsinki. 1931.

24. Volmari Porkka's tscheremissische texte mit übersetzug. Heraugegeben von Arvid Ge-nectz // Suomalais-ugrilasen Seuran Toimituksia XIII. Helsingfors. 1895.

25. *Евсеев Т.Е.* Калык ойпого. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во. 1994.

26. *Майтинская К.Е.* К происхождению местоименных слов // Congressus Secundus Internationalis Fenno-ugristarum. Pars I. Helsinki. 1968.

27. *Галкин И.С.* Историческая грамматика марийского языка. Морфология. Ч. I. Йошкар-Ола. 1964.

Lubov Abukaeva

FROM THE HISTORY OF COMPLEX SENTENCES OF UNBROKEN STRUCTURE IN MARI

In the given article complex sentences in Mari were investigated. On the bases of analysis of folk and dialect materials, collected at the end of the XIX th - at the beginning of the XX th centuries (records of O. Beke, V. Porkka, Y. Wichmann, T. Evseev, G. Karmazin) the following conclusons are made:

As far as this constructions are found in all dialects of Mari as well as in folk texts and proper Mari demonstrative and relative pronouns appeare in a role of union means, one can conclude that they have appeared on the bases of proper Mari. Furthermore, in modern Mari pronominal - correlative sentences with prepositional subordinate clause prevail, but in dialect and folk texts sentences with subordinate clauses in postposition are not stated. It testifies to the fact that the structure of pronominal - correlative sentences with prepositional subordinate cluase didn't contradict the structure of proper Mari. One can assume that it is the great influence of the common rule about the order of secondary articles, according to which subordinate article is in preposition to principal one. Russian greatly influenced the process of formation of complex sentences of unbroken structure in Mari. Formation and development of word-linked and especially pre-substatival attributive complex sentences took place in the period of active influence of Russian over Mari. Structural organisation of these constructions is identical to construction of corresponding type of Russian complex sentences, though proper Mari words appear as connective means except conjunction puyto (that). In dialect and folk materials, used as objects of investigation word- linked complex sentences with explicative subordinate clause as well as with pre-substatival - attributive clauses were not found. In modern Mari such constructions are typical for literary variant of the common language.

«Финно-угроведение», 1997, № 3.

Светлана Моськина
Саранск

МОРФОНОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ГЛАГОЛЬНОМ СЛОВООБРАЗОВАНИИ В МОКШАНСКОМ ЯЗЫКЕ

Морфонология - раздел языкознания, изучающий связи между фонологией и морфологией, т.е. изучение словоизменения и словообразования в морфонологическом плане предполагает использование фонологических средств. Констатируя задачи морфонологии, Е.А. Земская особо обращает внимание на "правила соединения морфов в слове, т.е. а) условия взаимоприспособления (варьирования) морфов при их объединении; б) порядок следования морфов" (1, с. 77).

Морфонологические изменения не могут выступать в качестве единственного средства при словообразовании; сами по себе они не являются носителями каких-либо словообразованных значений, но, сопровождая основные материальные средства (производящую основу и словообразующий суффикс), играют определенную различительную роль (2, с. 119-132).

При морфонологическом же описании различие морфем в мокшанском языке обусловлено чередованиями нефонетического характера или другими морфонологическими видоизменениями, сопутствующими глагольному словообразованию, например, в производном *ювиясм* от *юву* 'в мякине' перед нами морфонологический факт чередования на морфемном шве.

При образовании глаголов от именительных основ происходят в производном различные морфонологические изменения, возникающие при сочетании словообразовательных суффиксов в различных морфемных последовательностях (3, с. 118).

В данной статье основное внимание будет обращено на 1) чередования гласных в производящей основе; 2) усечение гласных производящей основы; 3) чередования гласных на морфемном шве, в аффиксальных морфемах; 4) интерфиксацию.

Все эти морфонологические явления нами выделены на первой ступени производности.

При рассмотрении чередований необходимо иметь в виду морфонологическую позицию, благодаря которой появляются эти морфонологические (нефонетические) чередования. Такими позициями в системе глагольного словообразования в мокшанском языке являются морфемный шов, а также сама глагольная основа, в которой в определенных случаях происходит видоизменение гласной основы.

Чередование гласных внутри корневых морфем малопродуктивно. В нижеприведенных производных чередование гласных, очевидно, отражает традицию их изменения.

ЧЕРЕДОВАНИЕ У // Ъ (ОРФ. Ю // Ъ)

с'улма =: (*с'улмамс*) 'завязать (узел на веревке и т.п.)' - *с'ълма* =: (*с'ълмамс*) 'запутать (нитки и т.п.)'.

л'упш =: (*л'упштамс*) 'давить' - *л'ъпш* =: (*л'ъпштамс*) 'выжать'.

пурьм =: (*пурьмьмс*) 'скопиться (о людях)' - *пърьм* =: (*пърьмьмс*) 'сбиться в кучу (о животных)'.

суск =: (*ськънкшн'ьмс*) 'кусаться (о собаке)' - *съск* =: (*съскънкшн'ьмс*) 'откусывать, надкусывать (хлеб, яблоко и т.п.)(о человеке)'.

сува =: (*сувафн'ьмс*) 'вводить (кого-либо)' - *съва* =: (*съвафн'ьмс*) 'вносить (что-либо)'.

ЧЕРЕДОВАНИЕ О // Ъ

зойн'а =: (*зойн'амс*) 'жужжать (о пчелах)' - *зъйн'а* =: (*зъйн'амс*) 'шуметь (о толпе)'.

корна =: (*корнамс*) 'кудахтать (о курице)' - *кърна* =: (*кърнамс*) 'говорить хриплым голосом'.

моцър =: (*моцърфтъмс*) 'довести до хруста' - *мъцър* =: (*мъцърфтъмс*) 'съесть (о сахаре, конфетах и т.п.)'.

гор'н'а =: (*гор'н'амс*) 'зажурчать, зазвенеть (о голосе)' - *гър'н'а* =: (*гър'н'амс*) 'зазвенеть (о колокольчике)'.

ч'ожна =: (*ч'ожнамс*) 'шипеть' - *чъжна* =: (*чъжнамс*) 'дымить, чадить'.

ЧЕРЕДОВАНИЕ Ӓ // Е (ОРФ. Я // Е)

пӓл' =: (*пӓл'д'ьмс*) 'закрутить (нитки, усы и т.п.)' - *пел'* =: (*пел'д'ьмс*) 'свернуть (папиросу и т.п.)'.

пӓшкъд' =: (*пӓшкъд'ьмс*) 'выполнить (план)' - *пешкъд'* =: (*пешкъдьмс*) 'исполнить (желание)'.

н'аф =: (*н'афт'ъмс*) 'показать' - *н'еф* =: (*н'ефтъмс*) 'доказать'.
пакс =: (*пакстамс*) 'задвинуть (задвижку, засов)' - *пекс* =: (*пекстамс*) 'посадить, заключить (в тюрьму, в клетку)'.
ужал' =: (*ужал'д'мс*) 'жалеть' - *ужел'* =: (*ужел'д'ъмс*) 'пощадить'.

ЧЕРЕДОВАНИЕ Е // И

пезъ =: (*пезъндъмс*) 'увязать (в трясине и т. п.)' - *пизъ* =: (*пизъндъмс*) 'втыкаться, вонзаться'.
пед'ъ =: (*пед'ън'д'ъмс*) ' прилепляться (о бумаге и т.п.)' - *пид'ъ* =: (*пид'ън'д'ъмс*) 'липнуть (о человеке)'.
вешъ =: (*вешъмс*) 'искать' - *вишъ* =: (*вишъмс*) 'просить'.
келъ =: (*кел'ъ'пн'ъмс*) 'расширять' - *кил'ъ* =: (*кил'ъпн'ъмс*) 'раскидывать (руки)'.
кенър =: (*кенърдамс*) 'спешить' - *кинър* =: (*кинърдамс*) 'подогнать'.

ЧЕРЕДОВАНИЕ И // У

н'ил'гъд' =: (*н'ил'гъд'ъмс*) 'брезгать' - *нулгъд'* =: (*нулгъд'ъмс*) ' почувствовать отвращение'.
шид'ъ =: (*шид'ъмс*) 'литься, политься (о слезах)' - *шуд'ъ* =: (*шуд'ъмс*) 'литься (о воде)'.

ЧЕРЕДОВАНИЕ А // Ъ

пал =: (*палъмс*) 'гореть' - *пъл'* =: (*пъл'тамс*) 'сжечь'.
паркс =: (*паркстамс*) ' вскрикнуть, взвизгнуть (о медведе, человеке)' - *пъркс* =: (*пъркстамс*) 'фыркнуть'.

Чередование гласных на морфемном шве. В данной позиции представлены следующие типы чередования гласных:

ЧЕРЕДОВАНИЕ У // ИЙА

йон'у =: (*еню*) 'умный' - *йон'ийамс* =: (*ениямс*) 'умнеть'.
л'ебън'у =: (*лебоню*) 'грязный' - *л'ебън'ийамс* =: (*лебониямс*) 'испачкаться'.
мед'у =: (*медю*) 'обильный медом' - *мед'ийамс* =: (*медиямс*) 'наполниться медом (о сотах)'.
пул'у =: (*пулю*) 'пыльный' - *пул'ийамс* =: (*пулиямс*) 'запылиться'.
вед'у =: (*ведю*) 'водяной' - *вед'ийамс* =: (*ведиямс*) 'стать водянистым'.

ЧЕРЕДОВАНИЕ Ъ // ИЙА (ОРФ. Е // ИЯ, А // ИЯ)

т'ишъ (*тише*) 'трава' - *т'инийамс* (*тишиямс*) 'зарасти сорняком'.

пит'н'ъ (*питне*) 'цена' - *пит'ъ'ийамс* (*пшниямс*) 'подорожать'.
вашъ (*ваша*) 'жеребенок' - *вашийамс* (*вашиямс*) 'ожеребиться'.
морʼъ (*морга*) 'сук' - *моргийамс* (*моргиямс*) 'стать сучковатым'.
панʼъ (*панга*) 'гриб' - *пангийамс* (*пангиямс*) ' заготовить грибов'.

ЧЕРЕДОВАНИЕ И // Ъ (ОРФ. И // Е. И // О)

педʼи (*педи*) 'липкий' - *педʼъмс* (*педемс*) 'липнуть'.
сʼарʼдʼи (*сяряди*) 'больной' - *сʼарʼдʼъмс* (*сярядемс*) 'болеть'.
кäжи (*кяжи*) 'злой' - *кäжʼъдʼъмс* (*кяжедемс*) 'таить злобу'.
йурги (*юрги*) 'бродяга' - *йургъмс* (*юргомс*) 'бродяжничать'.
кайги (*кайги*) 'звонкий' - *кайгъмс* (*кайгомс*) 'звучать'.

ЧЕРЕДОВАНИЕ У // ЫЙА (ОРФ. У // ЫЯ)

павазу (*павазу*) 'счастливый' - *павазыйамс* (*павазыямс*) 'осчастливить'.
вазу (*вазу*) 'стельная' - *вазыйамс* (*вазыямс*) 'отелиться'.
нʼарʼˣкамазу (*нярьхкамазу*) 'заросший полынью' - *нʼарʼˣкамазыйамс* (*нярхкамазыямс*) 'зарасти полынью'.
содʼу (*содʼу*) 'сажный' - *содʼыйамс* (*содʼыямс*) 'испачкаться в саже'.

ЧЕРЕДОВАНИЕ У //А

лʼешу (*лешу*) 'заиндевелый' - *лʼешамс* (*лешамс*) 'заиндеветь'.
вäрʼъзу (*варозу*) 'случная (овца. коза)' - *вäрʼъзамс* (*варозамс*) 'ягнить-ся'.
пурˣцʼъзу (пурхуозу) 'супоросая' - *пурˣцʼъзамс* (*пурхцозамс*) 'опоро-ситься'.

У с е ч е н и е о с н о в ы. При образовании слов на стыке производящей основы и словообразующего аффикса возникают звукосочетания. не отвечающие нормам сочетания фонем на морфемных швах мокшанского языка. Это приводит к тому. что конец производящей основы упрощается. подвергается усечению (4. с.105).

Под усечением понимается то. что производящая основа в состав производного слова входит не целиком (усекается или конечный гласный или целый слог основы). При глагольном словообразовании происходит усечение производящей основы:

а) конечной а: перед суффиксами:

- гад -

нола (*нола*) 'ленивый' - *нолгадъмс* (*нолгадомс*) 'лениться'.
нувара (*нувара*) 'косой. кривой (о дереве)' - *нуварадъмс* (*нуварадомс*) 'гнуться. сгибаться'.

катмъра (*катмора*) 'курчавый, кудрявый' - *катмъраъомс* (*катмораомс*) 'виться, завиваться'

- фт -

кол'ъма (*колема*) 'порча' - *кол'фт'ъмс* (*кольфтемс*) 'испортить'.
каз'ъма (*казема*) 'награждение' - *каз'фт'ъмс* (*казьфтемс*) 'заставить наградить'.
пачкъд'ъма (*пачкодема*) 'прибытие (до места назначения)' - *пачфт'ъмс* (*пачфтемс*) 'довезти (до места назначения)'

- кшн -

с'ăр'ăд'ъма (*сярядема*) 'болезнь' - *с'ăр'ăт'кшн'ъмс* (*сярятькшнемс*) 'болеть'.
поладъма (*поладома*) 'присоединение' - *полаткшн'ъмс* (*полаткшнямс*) 'надвязывать (веревку и т.п.)'

- шкод -

лофтана (*лофтана*) 'бледный' - *лофташкъдъмс* (*лофташкодомс*) 'побледнеть'.
таймажа (*таймажа*) 'окоченелый, оцепенелый' - *таймашкъдъмс* (*таймашкодомс*) 'остолбенеть':

б) конечной ъ (орф. а): перед суффиксами:

- ськод -

шапамъ (*шапама*) 'кислый' - *шапас'къдъмс* (*шапаськодомс*) 'прокиснуть'.
лambамъ (*лambама*) 'сладкий' - *лambас'къдъмс* (*lambаськодомс*) 'сделать сладким'

- йа -

аржъ (*аржа*) 'зазубрина' - *аржийамс* (*аржиямс*) 'зазубриться'.
лофцъ (*лофца*) 'молоко' - *лофцыйамс* (*лофцыямс*) 'испачкаться в молоке'

- фт -

начкъ (*начка*) 'мокрый, сырой' - *начфтъмс* (*начфтомс*) 'смачивать, увлажнять'.
наксадъ (*наксада*) 'гнилой, перезрелый, созревший' - *наксафтъмс* (*наксаф-томс*) 'заставлять тухнуть, довести до гниения':

в) конечной ъ (орф. **е**): перед суффиксами:

- фт -

с'ел'ъ (*сельке*) 'слюна' - *с'ел'кфт'ъмс* (*селькфтемс*) 'заставить выплюнуть'.
л'ап'ъ (*ляпс*) 'мягкий' - *л'апфт'ъмс* (*ляпфтемс*) 'смягчить'.
кос'къ (*коське*) 'сухой' - *кос'фтамс* (*косьфтамс*) 'высушить';

г) конечной ä: перед суффиксами:

- йа -

калъи'ä (*калъиня*) 'кострика (после конопли или льна)' - *калъийамс* (*калъиямс*) 'посыпать льняной костроЙ'.
ал'ä (*алня*) 'яичко' - *алыйамс* (*алыямс*) 'нестись'.
л'ефкскä (*лефкскя*) 'детеныш' - *л'ефксыйамс* (*лефксыямс*) 'давать потомство

- лгод -

оталан'ä (*оталаня*) 'косматый' - *оталъгъдъмс* (*оталгодомс*) 'косматиться'.
н'ур'ʲкäн'ä (*нюрьхкяня*) 'короткий' - *н'ур'ʲкалъгъдъмс* (*нюрьхкалгодомс*) 'становиться короче'

- лд -

равжън'ä (*равженя*) 'черненький' - *равжълдъмс* (*равжелдомс*) 'почернеть'.
акшън'ä (*акшеня*) 'беленький' - *акшълдъмс* (*акшендомс*) 'белеться'

- ськод -

валаз'ä (*валазя*) 'скользкий' - *валас'къдъмс* (*валаськодомс*) 'стать скользким'.
шумбран'ä (*шумбраня*) 'здоровенький' - *шумбрас'къдъмса* (*шумбраськодомс*) 'выздороветь'.

Целью усечения является приспособление производящей основы к созданию производного слова.

Чередования согласных на морфемном шве. Чередования согласных для мокшанского глагольного словообразования не характерны. Имеющиеся непродуктивные чередования на морфемном шве - на границе основы и суффикса обнаруживаются в некоторых производных

словоформах. Приведем примеры на чередование согласных на границе основы и суффикса.

ЧЕРЕДОВАНИЕ Д // Т

ушъдъма (*ушедома*) 'начало' - *ушътфтъмс* (*ушетфтомс*) 'заставить начать'.
йувъдъмс (*ювводомс*) 'веять' - *йувътфтъмс* (*ювотфтомс*) 'заставить веять'.
абъндъмс (*абондомс*) 'растеряться, запутаться' - *абънътфтъмс* (*абонтфтомс*) 'заставить запутаться'.
калдъ (*калада*) 'изношенный - *калаткшн'ъмс* (*калаткшнемс*) 'изнашиваться (об одежде, обуви)'.

ЧЕРЕДОВАНИЕ Г // К

кайгъма (*кайгома*) 'звон' - *кайкфт'ъмс* (*кайкфтемс*) 'звонить'.
айгъмс (*айгомс*) 'подвинуть' - *айкс'ъмс* (*айксемс*) 'двигать'.
лунгъд'ъмс (*лунгодемс*) 'отлепиться' - *лункфтамс* (*лункфтамс*) 'отлепить'.

ЧЕРЕДОВАНИЕ Т // Н

маштъмс (*маштомс*) 'кончаться' - *машн'ъмс* (*машнемс*) 'оканчиваться'.
киз'ъфт'ъмс (*кизефтемс*) 'спросить' - *киз'ъфн'ъмс* (*кизефнемс*) 'спрашивать'.
архтъмс (*архтомс*) 'красить' - *архн'ъмс* (*архнемс*) 'раскрашивать'.

ЧЕРЕДОВАНИЕ Д // Н

ардъмс (*ардомс*) 'бежать, скакать (о животных)' - *арн'ъмс* (*арнемс*) 'бегать, скакать (о животных)'.
кил'д'ъмс (*кильдомс*) 'впрячь' - *кил'н'ъмс* (*кильнемс*) 'впрягать'.
кир'д'ъмс (*кирдемс*) 'держать (кого-л., что-л.)' - *кир'н'ъмс* (*кирнемс*) 'задерживать (не пускать, замедлять и т.п.)'.

Чередование согласных в аффиксальных морфемах. Рассматриваемое явление непродуктивно. Отметим, что такие морфологические чередования по своему происхождению непосредственно связаны с фонетикой. Однако, имея такое происхождение, они в своей истории постепенно потеряли связь с фонетикой и в результате были перенесены в не зависящие от фонетических условий положения, превратились тем самым в морфологические чередования. Из позиционного изменения - аллофона - через промежуточные ступени возникает алломорфа (1, с. 99-106). При появлении алломорфемы фонетическая позиция утрачивается,

возникает своеобразное чередование фонем в пределах одной морфемы, т.е. начинает функционировать одна морфема, лишь по-разному оформленная. Представим эти чередования согласных.

ЧЕРЕДОВАНИЕ М // П

арьмъмс (*аромомс*) 'очищаться' - *арьптъмс* (*ароптомс*) 'очистить',
акшъмъмс (*акшемомс*) 'белеть, отбеливаться' - *акшъптъмс* (*акшептомс*) 'белить',
шир'ъммс (*ширемомс*) 'покоситься' - *шир'ъпт'ъмс* (*ширептемс*) 'покосить.

ЧЕРЕДОВАНИЕ Т // Н

валдъптъмс (*валдоптомс*) 'осветить' - *валдъпн'ъмс* (*валдопнемс*) 'освещать',
калафтъмс (*калафтомс*) 'разрушить (о здании)' - *калафн'ъмс* (*калафнемс*) 'разрушать (о здании)',
касфтъмс (*касфтомс*) 'вырастить' - *касфн'ъмс* (*касфнемс*) 'выращивать'.

ЧЕРЕДОВАНИЕ Д // Т

кувалъдъмс (*кувалдодомс*) 'удлиниться' - *кувалътккшн'ъмс* (*кувалдоткшнемс*) 'удлиняться'.
л'ивъс'кодъмс (*ливоськодомс*) 'потеть' - *л'ивъс'кътккшн'ъмс* (*ливоськоткшнемс*) 'пропотеть',
оц'улдъдъмс (*оцолдодомс*) 'вырасти' - *оц'улдътккшн'ъмс* (*оцолдоткшнемс*) 'вырастать'.

И н т е р ф и к с а ц и я. Связь морфологии и фонологии обнаруживается и в интерфиксации. Это явление различные авторы называют по-разному. Е.А. Земская называет этот сегмент интерфиксом (5, с. 36-63), В.Г. Тихонов - структемой (6, с. 30), В.Г. Гимпелевич - асемантемой (7). В мордовском языкознании рассматриваемое явление называется интерфиксом. Интерфикс никакого значения в словах не выражает. Он служит для соединения корневой морфемы как с словоизменительными, так и словообразовательными суффиксами или суффиксов друг с другом.

Интерфикс - это часть слова, не имеющая самостоятельного значения.

Интерфиксальными обычно выступают гласные; согласные почти не встречаются в качестве таковых. Не связанные с функцией выражения значений, они лишь частично видоизменяют словоформу, ее внешнюю сторону. Их функция соединительная, строевая (8, с.73).

Наиболее часто возникают интерфиксы при образовании имен прилагательных от именных основ, если последняя оканчивается на согласный. При образовании имен существительных они употребительны лишь в том случае, если основой образования имени служит корневая морфема глагола: *муськомс* 'стирать' - *муськ-о-ма* 'стирание'. В составе сложных слов - словслитков они также не встречаются (9, с. 89). Из интерфиксов-гласных наиболее распространенными являются:

1) гласный о:

каштород-о-мс 'шелестеть' - *каштордома* 'шелест'.
шув-о-мс 'копать ' - *шувома* 'копка'.
азонд-о-мс 'сообщить' - *азондома* 'рассказ'.
кольг-о-мс 'прожечь' - *кольгома* 'течь'.
валг-о-мс 'спуститься' - *валгома* 'спуск'.

2) гласный е:

тярьфт-е-мс 'заквасить (молоко)' - *тярьфтема* 'закваска (для кислого молока'.
мишенд-е-мс 'продавать' - *мишендема* 'продажа'.
серьяд-е-мс 'позвать' - *серьядема* 'зов'.
кильд-е-мс 'запрячь' - *кильдема* 'запряжка'.
эжд-е-мс 'греть' - *эждема* 'грелка'.

Явление интерфиксации, как и другие морфонологические процессы, в большинстве случаев объясняется фонетическими причинами. Оно способствует устранению на стыке морфем таких звукосочетаний, которые нетипичны для структуры мокшанского языка и неудобны для произношения. Этим объясняется, в частности, широкое использование интерфиксации между основами и словообразующими суффиксами.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Земская Е.А.* Современный русский язык. Словообразование. М., 1971.

2. *Лопатин В.В., Улуханов И.С.* К соотношению единиц словообразования и морфонологии // Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие. М., 1969.

3. *Макаев Э.А., Кубрякова Е.С.* О статусе морфонологии и единицах ее описания // Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие. М., 1969.

4. *Черных В.* Морфонологические явления в суффиксальном образовании глаголов коми языка // Труды по финно-угроведению. Вып. 8. Тарту, 1981.

5. *Земская Е.А.* Интерфиксация в современном русском словообразовании // Развитие грамматики и лексики современного русского языка. М., 1964.

6. *Тихонов А.Н.* Формально-семантические отношения слов в словообразовательном гнезде (автореф. докт. дисс.). М., 1974.

7. *Гинтелевич В.Г.* Личные имена существительные с иноязычными интернациональными суффиксами в современном русском языке (автореф. канд. дисс.). Баку, 1966.

8. *Цыганкин Д.В.* Морфонологические особенности диалектного словоизменения (основное склонение) // Вопросы морфологии эрзянского и мокшанских диалектов (словоизменение и словообразование). Саранск, 1977.

9. *Цыганкин Д.В.* Морфонологические особенности эрзянского языка в области словообразования // ВЯ. Вып. 2. Саранск, 1975.

«Финно-угроведение». 1997, № 3.

СООБЩЕНИЯ

Сиркка Саариnен
Турку

СТРУКТУРА И РАЗВИТИЕ ВОЛЖСКО-ФИНСКИХ ЯЗЫКОВ*

В данном сообщении будут рассмотрены лишь самые значительные моменты структуры и истории волжско-финских языков, которые в последнее время получили новую интерпретацию.

Хотя марийский и мордовские языки называются волжско-финскими и считаются самыми близкими родственными языками, в настоящее время исследователи не утверждают о существовании общего волжского праязыка. Эти языки развивались самостоятельно, исходя из прафинно-волжской языковой общности. Конечно, наше представление о праязыках вообще может в будущем сильно измениться из-за новых сведений археологии. По этим же данным разные по происхождению народы, проживающие на окраине ледника и постоянно двигающиеся к северу за тающим льдом, приблизительно 9000 лет до н.э. обрели общую культуру, а именно культуру охоты на крупную дичь, и, кроме того, общий язык, т.е. их общим языком (lingua franca) стал прауральский. По этой т.н. дисинтеграционной модели после ледниковой эпохи эта общность разделилась на более маленькие единицы, из которых развивались современные финно-угорские языки (1, с. 144-147). Вышеупомянутая дисинтеграционная теория не базируется на гипотезе о генеалогическом древе, а строится на принципе контактирования языков. На мой взгляд, эти две теории все-таки не такие противоположные, как уверяют самые ретивые сторонники обоих направлений. Надо считать генеалогическое древо лишь схемой, указывающей на взаимоотношения родственных языков. Эти взаимоотношения остаются в таком же виде и при модели контактирования; разделение же на дочерние языки происходило не путем миграции, а дисинтеграции.

---

* Адаптированный текст выступления на пленарном заседании Международной научной конференции "Структура и развитие волжско-финских языков", проходившей в Йошкар-Оле 7-11 октября 1996 г.

В марийском и мордовских языках очень мало общих слов, характерных только для этих языков, ср. мар. *муро* - морд. *моро* 'песня', мар. *тошто* - морд. *ташто* 'старый', мар. *понго* - морд. *панго* 'гриб'. Общих морфологических элементов, не встречающихся в других финно-угорских языках, также мало. Типичными "волжскими" изоглоссами называются обычно притяжательные суффиксы третьего лица единственного (мар *-шо* - морд. *-зо*) и множественного чисел (мар. *-шт* - морд. *-ст*) и употребление этих формантов как личных окончаний в повелительном наклонении. Показатель инфинитива на *-ш* в марийском и *-(м)с* в мордовском - первоначально суффикс латива. Однако эти суффиксы могут являться и результатом конвергентного развития, так как аналогичное употребление и комбинирование элементов встречаются и в других родственных языках (2, с. 17-19).

На лексическом и морфологическом уровнях мордовские языки находятся ближе к прибалтийско-финским языкам, чем к марийскому. По лексической статистике встречаются 77 общих мордовско-прибалтийско-финских слов, а общих марийско-прибалтийско-финских слов лишь 20. Волжско-прибалтийско-финская лексика, в свою очередь, заключает в себе 28 этимологий (3, с. 86-88). На морфологическом уровне сходство мордовских и прибалтийско-финских языков видно особенно в парадигме склонения, где падежные суффиксы построены по той же модели.

Часто большие различия между волжскими языками считаются следствием их контактирования с соседними нефинно-угорскими языками. Действительно, тюркские языки оказали более сильное и более длительное влияние на марийский, чем на мордовские языки, что видно, например, в количестве заимствованных слов. В марийском языке инновации, вызванные чувашским и татарским влиянием, имеются даже в системе видовых спаренных глаголов, в употреблении формы единственного числа вместо множественного при неопределенности предмета, в ряде заимствованных словообразовательных суффиксов. Тюркские языки помогли консервировать первоначальный уральский порядок слов в предложении, т.е. субъект-объект-глагол (2, с.4). Благодаря тюркским языкам те же явления встречаются и в удмуртском языке. В мордовском синтаксисе, наоборот, наблюдается русское влияние на порядок слов, в частотности употребления подчинительных союзов. Все вышеупомянутые различия произошли довольно поздно, они развивались в течение последних 1000-1200 лет, так что их можно считать лишь дополнительными различиями.

Хотя оба волжских языка являются агглютинативными, в мордовских языках больше проявляется их синтетический характер. Здесь имеются, кроме основного склонения, и указательное и, кроме безобъектного спряжения, объектное, а также наличествует система изменения имен в позиции

сказуемого. Предыдущее явление чуждо финно-угорским языкам вообще, а два последующих явления не характерны финно-пермской группе языков. Объектное спряжение встречается и в угорских языках, но в ином виде, например, в личных окончаниях в венгерском языке указывается, кроме лица субъекта, определенность объекта, а в обско-угорских языках, кроме этого, выражается еще и число объектов или единственное, или двойственное, или множественное. Объектное спряжение мордовского типа имеет свои соответствия в палеосибирских языках. Изменение имен в позиции сказуемого, в свою очередь, существует лишь в мордовском и самодийских языках. Однако относительно близкое этому явление (согласование между подлежащим и именным сказуемым) встречается в пермских языках, например, в коми, но там оно касается лишь суффикса множественности, который стоит после падежного суффикса в обстоятельствах, выражающих место нахождения предмета, выраженного подлежащим, т.е. согласование распространяется там только в пределах числа.

В своей книге о типологии и контактах уральского праязыка Янош Пустаи, сравнивая структуру различных уральских и палеосибирских языков, пришел по причине вышеупомянутых двух явлений к выводу, что мордовские языки по своей типологии принадлежат к т.н. восточной группе уральских языков вместе с угорскими и самодийскими языками. По его мнению, объектное спряжение и система сказуемостного изменения имен - это такие основные черты языка, что они должны стоять на первом месте при классификации языков. Сходность мордовских с прибалтийско-финскими языками, наоборот, ему кажется результатом более позднего развития в финско-волжском ареале. Мнение Пустаи может казаться неприемлемым, но оно все-таки хорошо отражает проблемы, которые возникают из-за сложной типологической структуры мордовских языков. Против его гипотезы прежде всего стоит отсутствие в языке мордвы двойственного числа, типичного для обско-угорских и самодийских языков.

Синтетичность в мордовских языках видна и в том, что суффиксальные элементы фонетически слились воедино, вследствие чего трудно подчас очертить границы морфем в сложных суффиксах. На первый взгляд, использование послелогов в эрзянском, и особенно в мокшанском, склонении можно интерпретировать как стремление к более аналитическому способу выражения, но поскольку употребление падежных форм функционально различается от употребления послеложной парадигмы, речь здесь идет скорее всего о сложном переплетении двух подсистем, чем о замене одной системы другой (ср. 4).

Вообще, мордовским языкам типично отсутствие единой функциональной морфологической системы: основные различия в употреблении

морфем можно найти, кроме собственно эрзянского и мокшанского языков, также и между диалектами и говорами. Возможно, что морфосинтаксическая распыленность является результатом исторически некомпактного проживания мордовского народа (ср.5).

Как видно, расхождения в структуре мордовских и других финно-угорских языков весьма очевидны. Марийский язык, в свою очередь, типологически не сильно отличается от близких ему родственных языков, т.е. пермских и прибалтийско-финских. В этом смысле положение марийского внутри финно-угорской семьи языков не является загадочным.

Принимая во внимание общий строй финно-угорских языков, можно констатировать, что в структурном отношении волжские языки различаются между собой относительно сильно, значительны также и лексические различия. Марийский и мордовские языки являются самостоятельными ветвями, возникшими при распаде финно-волжской общности. Термин "волжский", таким образом, скорее указывает на ареал распространения этих языков, чем на их типологическое сходство.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Sammallahti P.* Language and roots. Congressus Octavus Internationalis Fenno-Ugristarum. Pars I. Jyväskylä, 1995.

2. Финно-волжская языковая общность. М., 1989.

3. *Pusztay J.* Diskussionsbeiträge zur Grundsprachenforschung (Beispiel: das Protouralische). Veröffentlichungen der Societas Uralo-Altaica. B. 43. Wiesbaden, 1995.

4. *Alhoniemi A.* *ez*-vartaloisten postpositioiden asemasta mordvan syntaktisessa järjestelmässä. Suomalais-ugrilaisen Seuran toimituksia 181. Helsinki, 1982.

5. *Alhoniemi A.* Mordvan sijasynkretismistä. Sananjalka 34. Turku, 1992.

Sirkka Saarinen

STRUCTURE AND DEVELOPMENT OF VOLGO-FINNIC

Taking into consideration the common structure of Finno-Ugric languages, it is possible to ascertain, that in structural relation the Volgic languages differ rather strongly, lexical distinctions are significant as well. The Mari and Mordvinian languages are considered to be independent branches which have originated with disintegretion of Finno-Volgic generality, after which the Mordvinian languages had contacts with Balto-Finnish group for a rather long period. Thus, the term "Volgic" points rather to the area of distribution of these languages, than to their typological similarity.

«Финно-угроведение», 1997, № 3.

Инна Тимиряева
Тарту

НАЗВАНИЯ ПОЯСА И ПОЯСНЫХ ПРИНАДЛЕЖНОСТЕЙ В МАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ
(этимологические заметки)

В марийском народном костюме пояс был незаменимой деталью в общем комплексе одежды и выполнял утилитарную функцию: к нему подвешивали ножны, кожаные мешочки и т.д.; пояс также был снабжен различными привесками, играющими роль оберегов (1, с. 51). Результаты археологических раскопок свидетельствуют, что ремень и его украшения носят следы сильного влияния племен степного района. Аналоги древнемарийским поясам можно найти на территории от Алтая до Венгрии, где они известны в погребениях X в. (2, с. 37).

В настоящей статье анализируются названия пояса и поясных принадлежностей с точки зрения их происхождения.

1. *ӱштӧ* Л, В, СЗ, *ышты* Г, *ӱ·штэ* серн. (3, с. 69), *išta, ište, este*. Г (4, с. 42, 279), *ӱшт�somethingӈ* яр., *ӱштo* малм. (5, с. 27) 'пояс, ремень'. Ф.И. Гордеев (6, с. 111), И.С. Галкин (7, с. 45) полагают, что *ӱштӧ* представляет собой заимствование из балтийских языков. Для рассматриваемой лескемы Ф.И. Гордеев приводит общемар. **just* и сопоставляет с лат *josta* 'пояс', литов. *jůosta* 'тж', *jůosti* 'опоясывать, подпоясывать' и подвергает критике сопоставление Г. Берецки (8, с.175) мар. *ӱштӧ* с коми *вӧнь* 'пояс', ф. *vyö* 'пояс', венг. *öv* 'пояс' (6, с. 111). Но, как утверждает Г. Берецки, литов. *juosta* 'пояс' вопреки большому сходству нельзя связать с мар. *ӱштӧ*, т.к. в марийском языке *j* никогда не исчезает перед *и*, перед *й* тоже сохраняется в большинстве говоров, данное же сопоставление принадлежит Й. Буденцу и под вопросом принимает его как MSzFE (520-521), так и SKES (1829-1830) (9, с. 301).

И.С. Галкин предполагал развитие *ӱштӧ, ышты* 'пояс, ремень' из лексемы *шӱштӧ, шышты* 'ремень, выделанная кожа' (балтийского происхождения) выпадением начального согласного *ш-* при образовании сложного

слова *кӱзанӱштӧ, кыҙаньыштыӊ* 'ремень' из *кӱзан* 'с ножом' + *шӱштӧ* 'выделанная кожа' (*кыҙан+ шыштыӊ*)(10, с. 42).

У Ю. Янхунена (под вопросом) уральский этимон имеет другую форму чем у К. Редеи: ур. * *ӧхji* 'пояс'. Что касается коми *вӧнь*, то оно, возможно, иного происхождения (11, с. 260).

При условии, что элемент *štə* при мар. *əštə, ӧštӧ* образовался путем гаплологии из *šə štə, šӧštӧ*, К. Редеи относит лексему (*э-, ӧ-*) к ф.-у. ? ур. **wïnə* (**wünə*) 'пояс, ремень' (12, с. 575).

Предположение Ф.И. Гордеева о происхождении *ӱштӧ* (*ыштыӊ*) от лат. *Josta*, литов. *jůosta* отпадает. Возможно, происхождение *ӱштӧ* объясняется не выпадением *ш-* при образовании сложного слова *кӱзанӱштӧ*, а, напротив, *ӱ-* (*ы-*) 'пояс'[ср. венг. диал. *ö* 'пояс' (12, с. 575)] + *шӱштӧ* 'выделанная кожа' [древнемар. **шиште* (10, с. 42)] > * *ӱшиште* (*ышиште*) 'поясная кожа, поясной ремень' > *ӱштӧ, ыштыӊ* 'пояс'.

2. ***kušak*** Г 'пояс' (13, с.59)

< русс. *кушак* 'пояс или опояска' (14, II, с.229).

3. ***nota*** (15, с. 258), ***pota*** (16, с.85) 'тканый кушак'

< тат. *пута* 'кушак, пояс' (17, с. 95; 18, с. 137).

4. ***нотаӱштӧ*** 'широкий самотканый разноцветный кушак' (19, с. 164).

Сложное название: *нота* 'кушак' + *ӱштӧ* 'пояс'.

5. ***солык*** 'холщовое полотенце с вышивкой или тканым узором на концах, подпоясываемое главным образом на моление' (19, с. 164) - чувашского происхождения (18, с. 137). Учитывая широкую распространенность рассматриваемого названия в марийских диалектах, также наличие и в удмуртском языке лексемы *сюлык* 'головной убор в виде платка с бахромой'. И.С. Галкин уточняет, что мар. *солык* 'платок; полотенце' и чув. *çолак, çулак* 'платок, который накидывается на спину жениху' - булгарского происхождения (7, с. 49).

6. ***ӱштӧйолва*** 'поясная кисть, бахрома' (20, с. 149). Сложное название: *йолва* Л, *ӧ'олва* Л й.-ол., *йалва* СЗ, *йолава* (21, с. 305) 'кисть, бахрома'

< чув. *jolva* (22, с. 134; 23, с. 302).

7. ***ӱштӧ-кыӊдыш*** (21, с. 235), ***üštn-γəldəš*** яр. (5, с. 29) 'завязка пояса'.

Сложное название: *ӱштӧ* 'пояс' + *кыӊдыш* 'завязка'. Второй компонент *кыӊдыш* образован от глагола *кыӊдаш* с помощью суфф. *-ыш, кыӊдаш* Л, В, *кыӊташ* Л звен., *кыӊдаш* Г 'завязывать' < *кыл* 'ручка (двери и т.д.); струна; дужка' + суфф. *-т* (*-д*) [< др.-мар. **-ta* (**-tə*)(24, s. 109)].

кыл Л, В. *кыӊ* Г

< ф.-у. **kələ* 'веревка, шнур' (12, с.135).

8. ***ӱштымучаш*** (20, с. 149), ***ӱштӹмучаш*** (21, с.236), ***üštö-mutš̑aš*** (17, с.169) 'конец пояса, украшенный бусами, пуговками и серебряными монетами'. Сложное название: *ӱштӧ* 'пояс' + *мучаш* 'конец'.

мучаш Л, В, *мычаш* Г, *мӹцаш* СЗ

< ф.-у. **тиčз* 'конец' (12, с. 283).

9. ***ӱштӧчоко*** В калт. 'кисть на конце пояса'. Сложное название: *ӱштӧ* 'пояс' + *чоко* 'кисть'.

чоко В

< тат. *чук* 'кисть' (25, с. 136).

10. ***kalta*** 'кожаный кошелек на поясе' (4, с. 66)

< тат., башк. *калта* (26, с. 66; 25, s. 84).

козак белеб. 'кошелек на поясе'

< тат. *кузак* 'стручок' (27, с. 173).

11. ***кӱзанӱштӧ*** (15, с. 150), ***кӹзӓнӱштӧ*** СЗ, ***кӱс'ӓнӱштӧ*** калт., ***küsanüštö*** (17, с. 57) 'ремень, кожаный пояс'. "пояс с ножом". Сложное образование: *кӱзан* 'с ножом' (*кӱзӧ* 'нож' + суфф. *-ан*) + *ӱштӧ* 'пояс'.

кӱзӧ Л, *кӱз'ӧ* В, *кӹзы* Г, *кӱзӱ, кӱзӧ* СЗ 'нож'

< ф.-у. **kečз* 'нож'. Марийский *z, ź* можно объяснить чередованием **č* > **ć* (10, с. 43; 12, с. 142).

12. ***постыр*** 'конец пояса, украшение на конце пояса' (21, с. 161). Возможно, заимствование из чувашского: чув. *пуҫҫи* 'пояс (28, X, с. 37) + *тӑр* (28, XIV, с. 294) 'вершина, верх'.

13. ***шӱштӱштӧ*** (15, с. 437), ***šüštö üštä*** (29, с. 142) 'ремень, кожаный ремень'. Сложное: *шӱштӧ* 'выделанная кожа' + *ӱштӧ* 'пояс'.

шӱштӧ Л, *шӹштыы* Г, *шӹштӧ* СЗ 'выделанная кожа; ремень'

< ф.-волж. * *šišna* 'ремень' < балт.: лат *siksna* 'ремень', литов. *šiksnà* 'кожа; ремень' (10, с. 42; 12, с. 786). Надо отметить, что вопрос о балтийских заимствованиях в марийском языке до сих пор проблематичен. П. Аристэ отрицал прямые контакты балтийцев с волжскими финно-уграми, утверждая, что общие индоевропейские заимствования в прибалтийско-финских и волжских языках, выводимые из балтийского источника, проникли в отдельные финно-угорские языки, в том числе и прибалтийско-финские, задолго до вступления балтийцев и финно-угров во взаимные контакты (30, с.6-7). Ф.И. Гордеев (6, с. 106-110) и И.С. Галкин (7, с. 43-46), напротив, говорят о наличии балтийских заимствований в марийском языке. Л. Ваба считает сомнительным то обстоятельство, что лексика волжских языков недостаточно собрана и мало рассмотрена с точки зрения этимологии (31, с. 88).

14. ***янцык*** 'мешочки для хранения денег, иголок и т.д.' (1, с. 32), *janzə̑k* 'мошонка', *jánzak* 'пояс' (4, с. 48)

< тат. *jançyk* 'боковой карман; мешок' (26, с. 29).

Изложенные этимологические заметки свидетельствуют о том, что названия пояса и поясных принадлежностей весьма разнообразны по происхождению, наряду с финно-угорскими они содержат и элементы балтийских и тюркских языков, а также русского языка.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Молотова Т.Л.* Марийский народный костюм. Йошкар-Ола, 1992.

2. *Арапов Г.А.* Марийцы IX-XI веков. Йошкар-Ола, 1973.

3. *Wichmann Y.* Volksdichtung und Volksbräuche der Tscheremissischen. Suomalais-ugrilaisen Seuran Toimituksia LIX. Helsinki, 1931.

4. *Szilasi M.* Cseremisz szótár (Vocabularium ceremissicum). Budapest, 1901.

5. *Wichmann J.* Beiträge zur Ethnographie der Tscheremissen. Kansatieteellissiä julkaisuja V. Helsinki, 1913.

6. *Гордеев Ф.И.* Историческое развитие лексики марийского языка. Йошкар-Ола, 1985.

7. *Галкин И.С.* Марий исторический лексикологий. Йошкар-Ола, 1986.

8. *Берецки Г.* Финно-угорские элементы в лексике марийского языка. Дисс... к.ф.н. Л., 1957.

9. *Берецки Г.* Рец.: Ф.И. Гордеев. Историческое развитие лексики марийского языка. Йошкар-Ола, 1985 // СФУ XXIII, 1987.

10. *Галкин И.С.* Этимологические заметки // Вопросы марийской ономастики. Йошкар-Ола, 1978.

11. *Janhunen J.* Uralilaisen kantakielen sanastosta. Suomalais-ugrilaisen Seuran Aikakauskirja 77. Helsinki, 1981.

12. *Rédei K.* Uralisches etymologisches Wörterbuch I-II. Budapest, 1986-1988.

13. *Ramstedt G.* Bergtscheremissische Sprachstudien. Suomalais-ugrilaisen Seuran Toimituksia XVII. Helsinki, 1902.

14. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка I-IV. М., 1989-1991.

15. Марийско-русский словарь. Йошкар-Ола, 1991.

16. *Jevsevjev T.* Ethnographische Sammlungen dei Tscheremissischen/Stotherstellung und herausgegeben von Ildikó Lechtinen. Suomalais-ugrilaisen Seuran Toimituksia 219. Helsinki, 1985.

17. *Paasonen H.* Osttscheremissishcer Wörterbuch. Helsinki, 1948.

18. *Исанбаев Н.И.* Татарские лексические заимствования и их типы // Вопросы грамматики и лексикологии. Йошкар-Ола, 1980.

19. *Сепеев Г.А.* Восточные марийцы. Историко-этнографическое исследование материальной культуры. Йошкар-Ола, 1975.

20. *Анбуганов Ю.В.* Мут але мут сочетаний? Йошкар-Ола, 1985.

21. *Ӱпымарий (Васильев В.М.).* Марий мутер. М., 1926.

22. *Räsänen M.* Die tschuwassischen Lehnwörter im Tscheremissischen. Suomalais-ugrilaisen Seuran Toimituksia XLVIII. Helsinki, 1920.

23. *Казанцев Д.Е.* Фонетические особенности йошкар-олинского говора марийского языка. Дисс. ... к.ф.н. Йошкар-Ола, 1964.

24. *Галкин И.С.* Историческая грамматика марийского языка. Морфология. Ч.II. Йошкар-Ола, 1966.

25. *Исанбаев Н.И.* Марийско-тюркские языковые контакты . Ч.I. Йошкар-Ола, 1989.

26. *Räsänen M.* Die tatarischen Lehnwörter im Tscheremissischen. Suomalais-ugrilaisen Seuran Toimituksia L. Helsinki, 1923.

27. *Исанбаев Н.И.* Лексические особенности белебеевского говора (с приложением материалов для регионального словаря) // Вопросы марийского языка. Грамматика и лексикология. Йошкар-Ола, 1986.

28. *Ашмарин Н.И.* Словарь чувашского языка 1-17. Казань-Чебоксары, 1928-1950.

29. *Saarinen S.* Marilaisen arvoituksen kielioppi. Suomalais-ugrilaisen Seuran Toimituksia 210. Helsinki, 1991.

30. *Аристэ П.* Вопрос о балтийских заимствованиях в финно-угорских языках // Вопросы марийского языкознания. Вып. 3. Йошкар-Ола, 1973.

31. *Vaba L.* Baltische Lehnwörter der Wolga-Sprachen im Lichte neurer Forschungsergebnisse // СФУ XIX, 1983.

Inna Timiryaeva

NAMES OF BELT ACCESSORIES IN MARI: ETYMOLOGICAL NOTES

In the given article the names of belt and belt accessories in Mari are analyzed due to their origin.

In origin, formation of the analized lexical microsystem cultural historical ties with other nations in the past are reflected. Equally with Finno-Ugric the nominations contain elements of Baltic, Turkic and Russian. The great number of borrowings originated from Tatar and Chuvash.

«Финно-угроведение», 1997, № 3.

Алексей Шилов
Москва

О ВОЗМОЖНОМ ПРОИСХОЖДЕНИИ ЭТНОНИМА *ЧУДЬ*

Данные о распространении этнонима *чудь*, его смысловом содержании и имеющиеся этимологии исчерпывающим образом собраны и проанализированы Р.А. Агеевой (1-3), так что здесь мы можем ограничиться необходимым минимумом сведений и опускать многочисленные литературные ссылки, приведенные ею.

Термин *чудь* знаком русскому, саамскому и коми языкам как название древнего народа[1], известного на Северо-Востоке Европы под этим именем еще до прихода сюда славян. Об этом свидетельствуют Иордан (VI в.), позднее Адам Бременский (XI в.) и Саксон Грамматик (XII-XIII вв.), а также содержание легенд и преданий коми и саамов.

Народ этот жил в лесной полосе Русского Севера: предания саамов о чуди рисуют ландшафт тайги, а не тундры, где они проживают ныне (4, с. 162-172). Исторические обстоятельства (пути миграции восточных славян и традиции номинации ими соседних народов) и топонимические свидетельства[2] указывают на то, что с этим народом славяне встретились в нынешних Тверской, Псковской, Ленинградской и Новгородской областях, а затем в Заволочье (7) и, вероятно, в Карелии. Топонимия, археология и поздней-

---

[1] Об изменении семантики термина по различным регионам и эпохам см.(2).

[2] Картографирование топонимов с основой *Чуд-* (а также *Чухн-* и *Чухар-*) осуществлено Р.А. Агеевой (3). В центре и на востоке ареала присутствуют топонимы самого разного происхождения (русские, коми, саамские), многие из них вторичны (производны от антропонимов). Юго-западный фланг ареала составляют, очевидно, древнерусские топонимы, а северо-западный - саамские по происхождению, в Карелии это дважды *Чудозеро* (верховья Суны и Тарасйоки); *Чухсельга*, на Кольском п-ве р. *Чудйок* и оз. *Чудозеро*, саам *TšuDZ-jawr* (Близ Ловозера); о. *TšuDišuerv sual'* на оз. *Tšudzjaure*; р. *Чудя Большая*, саам. *Tšudijok* и зал. *Tšudiluht* на Умбозере; приток Поноя *Tšudiəje*; приток р. Кильмокйок *Чуденьга* (*Тюденьга*), саам. *Čuvdnat*; на севере Финляндии - р. *Sotajoki*, саам. *Tšudde-juhа* (5, 6). Последний пример подсказывает, что к "чудским" топонимам Карелии, возможно, относится и *Шотозеро* (р. Шуя), ранее также *Сохерское* (ср. пос. *Сохтер* на нем), *Сотозеро* - из саам. * *Tšudde-jaur* через карельскую передачу.

шая традиция употребления этнонима русскими однозначно указывают на то, что этот народ по языку относился к финно-уграм. Не факт, что на перечисленных территориях жил один и тот же чудской народ, но ясно, что языки соответствующих этнических групп были родственны (8. s. 3-15).

Р.А. Агеева (1) обращает внимание на то, что кривичи и новгородские словене должны были хорошо познакомиться с автохтонным финно-угорским населением в середине I тыс. н.э. Термин *чудь* встречается уже в начальной, недатированной части русских летописей. Часто указывают, что по точному смыслу летописного употребления этого термина он исходно обозначал эстонцев (в одном случае, в эпизоде убийства Глеба, - заволочскую чудь), а перенесение его на другие финские народности - мерю, весь, водь, волховскую и заволочскую чудь - явление более позднее (3,9). Однако здесь следует сделать существенную оговорку. Древние эстонцы были далеко не первым финно-угорским народом, встреченным новгородскими словенами и кривичами, и именование их чудью явно вторично[3]. Под Чудью "Повести временных лет" можно понимать эстонцев (и соседние группы води, ижоры) лишь при описании военных столкновений с нею псковичей и новгородцев. Все соответствующие эпизоды XI-XIII вв. в летописях содержат дополнительные конкретные указания, не оставляющие сомнений в том, какая именно Чудь имеется в виду[4]. Чудь-эсты были лишь одной (не самой важной и не самой многочисленной притом) из множества финно-угорских групп, попавших в сферу влияния или интересов Древней Руси. Причем, как раз с этой группой отношения славян складывались напряженно, порой откровенно враждебно, в отличие от отношений с весью, корелой или мерей. Поэтому совершенно иначе надо понимать содержание этнонима начальной летописи в контексте: *в Афетове же части седять Русь, Чюдь и вси языци* ... Эстам соответствует лишь Чудь заключительных слов: *Ляхове же и Пруси и Чюдь приседять к морю Варяжьскому.* Также невозможно видеть эстов в той чуди, что участвует в походах новгородцев на Полоцк, Киев, Царьград в IX-X вв., и в той, из которой князем Владимиром набираются *мужи лучьшие* для заселения новых крепостей на оборо-

---

[3] Ни сами эстонцы, ни их соседи - балты и водь - не знали этого термина; водское *čudja* и ю.-эст. *tshkna* являются поздними заимствованиями из русского.

[4] *...иде Ярослав на чюдь и победи а, постави град Юрьев* (1026); *Изяслав иде на чюдь и взя осекъ Декытивъ* (1054); *иде Мстислав ... на чюдь и взяша градъ Медвежу Голову* (1116); *избиша плесковичи чюдь поморьскую* (1189); *ходи Мьстиславъ на чюдь рекомую Торму* (1212); *Ярославъ ... поиде к Колываню и повоева всю землю Чюдьскую* (1223); *на волость новгородскою находиша литва, немци, чюдь* (1240); *Александр ... вожанъ и чюдцю, переветниковъ, изъвешав и отъеха в Русь* (1241); *поиде с новгородци на Свеискую землю и на чюдь ... и воева Поморие все* (1256); *поидоша к Раковору ... чюдь же победоша вон* (1268); *еха съ пьсковичи ... и села чюдьские пожже* (1272).

нительных линиях Киевской Руси. Это, скорее, финские племена Приильменья и Поволховья или, более широко, все те финские племена тверских и псковско-новгородских земель, что вошли в состав т.н. "славяно-финской федерации" на раннем этапе ее образования[5] (в отличие от мери, веси, води, корелы, муромы, мещеры и др., поименованных летописью особо).

Наиболее распространено мнение, что исходно *чудь* было самоназванием данного народа (или какой-то его части), и это логично. В самом деле, если это было название, данное соседями, то мы должны предполагать наличие еще одного, помимо чуди, неизвестного древнего народа, ибо из языков потенциальных (исторически известных) соседей чуди этот этноним не объясняется, хотя, как мы увидим, такие объяснения выдвигались. Так, для объяснения этнонима *чудь* были предложены следующие гипотезы[6]:

он связан с названием скифов: греч. *Σκυφαι* "скифы", др.-ск. *Ci-thia...Suipiod hinu miklu* "Скифия (которую мы называем) Великой Свитьод" зап.-европ. *Scythia* "Скифия", иранское *skuda* "скифы" (Шафарик, Брюкнер);

он происходит из др.-герм. (готского) *piuda* "народ" (Грюненталь, Шахматов);

он связан со ст.-слав. *штоуждь, тоуждь*, др.-рус. *чужь* (праслав. **tjudjь*) "чужой";

он отражает праформу (**šuta*) фин. *suude*, саам. *tjahte, tjitta* "клин" (Мягистэ).

Последней по времени является гипотеза, выдвинутая Р.А. Агеевой (2, 3). На основании анализа употребления и распространения различных форм термина в русских говорах она пришла к выводу,что название древнего племени чудь может быть связано с названием глухаря в саамском (*čuhč, čukča*) и некоторых других языках территории Севера (коми-зыр. *t'śuktśi*). Этот вывод Р.А. Агеева подкрепила тем фактом, что у некоторых народов Зауралья (селькупов, хантов) глухарь являлся тотемом. Привлекла она и предположение А.Г. Тышинского, что среди птиц, почитаемых Чудью, были журавль, голубь и глухарь.

---

[5] Не исключено, что такое понимание этнонима *чудь* отразилось в древнескандинавских источниках ("Сага о Хрольве Пешеходе"), говорящих о трех частях Руси: *Kænugarda* "Киевщина", *Holmgardariki* "Новгородская страна" и *Jötunheim* "Земля великанов" (10, с. 171-175). Последнее могло отражать перевод контаминации *чудь* и *чудовин* (ст.-слав. *штоудовинь, штоудь*) "великан", ср. с совпадением терминов, означающих "чудь" и "великан" у некоторых ф.-у. народов (2).

[6] Если исходить лишь из случайных созвучий, можно указать и турецкое *düdže* "карлик".

Все упомянутые версии, в разной степени правдоподобные, имеют тот или иной недостаток исторического, типологического или лингвистического характера (критику см.: 3; 11, Т.4, с. 387). В "глухариной" версии не показан путь возникновения наиболее устойчивой и наиболее древней формы *чудь*, хотя в остальных пунктах она убедительна[7]. Создается впечатление, что связь форм *чухна, чухарь* и *чукча* с саамским названием глухаря является относительно поздним народно-этимологическим сближением; этимологически же эти формы с первичным *чудь*, возможно, не связаны. Камнем преткновения проблемы этнонима *чудь* остается несоответствие вывода о том, что это самоназвание древнего финно-угорского народа с отсутствием видимого источника этнонима на финно-угорской языковой почве.

Но то, что в современных финно-угорских языках не найдено слов, из которых прямо мог быть выведен этот этноним *чудь*, не значит, что он происходит из слова, не имеющего в них соответствий. Наш подход к решению вопроса заключается в следующем: нам известны формы этнонима в языках соседей древней чуди (и их отражение в дальнейших заимствованиях): субстратная топонимия соответствующих территорий имеет не просто финно-угорский характер, но более определенно: архаичный пр.-фин. характер (13-19). Ряд апеллятивных заимствований в северо-русских диалектах хорошо объясняется из реконструкций для пр.-фин. языка-основы. Но проверять на совпадение те или иные слова пр.-фин. языков (реконструируя их древние формы) дело малоперспективное. Во-первых, нет уверенности в том, что будут учтены все потенциальные возможности, во-вторых, такой подход всегда несет в себе элемент произвола: подгонки праформы "понравившегося" слова в нужном направлении. Надежнее смоделировать развитие реставрируемого чудского автоэтнонима так, как если бы язык древней чуди не остановился в своем развитии на стадии, которую застали славяне, а эволюционировал в том же основном направлении, что и известные пр.-фин. языки. Полученный результат, если он будет иметь смысл на пр.-фин. почве, можно уже сравнивать с иными лингвистическими и нелингвистическими свидетельствами. Итак:

---

[7] К аргументам Агеевой добавим, что эта связь (*чухна, чухарь* "финн" - *чухарь* "глухарь") могла возникнуть через пр.-фин. глагольную основу со значениями "шуметь, шипеть, шептать, свистеть, пыхтеть, шушукаться, фыркать; быстро говорить", одним словом "издавать неразборчивые, несмысловые звуки": фин. *suhata, suhista, suhahta*, эст. *suhiseda*, кар. *šuhista, tšuhista, ťšuhišša*, ливв. *ťšuhajoa, ťšuhahtoa*, люд. *tšuhišta, tšuhaita, tšuhuttada*, вепс. *šuhaita* (12, с. 1088). Здесь могло возникнуть сопоставление звуков, издаваемых глухарями (шипение, чуфыркание, т.н. "точение") с неясной славянам, быстрой, присвистывающей или шепелявой пр.-фин. речью. Вариант же *чукча* "финн" мог (помимо саам. *čuhč, čukča* "глухарь") поддерживаться и саам. *čogk-čann* "черт, нечисть некрещеная" (6).

в иностранных источниках имеем *thiudos, thuidos, thiudi* у Иордана, *schuti, scuti* у Адама Бременского, *chiudi* у Р. Джемса (1618 г.);

в коми: *t'sud, t'šud* (по мнению Ю. Вихмана - из русского);

в саамском: *tjude* (швед.), *čutte*, мн. *čudek* (норв.), *tjüddee, tšurrie, tju(h)te, čude* (фин.), *t'šuδδe, t'šuDt^{E}, t'šiDtε* (кольск.)(6; 12, с.1139);

в русском: *чудь*, др.-рус. *чюдь*, по северным диалектам *чуди* ("грязный как *чуди*", "здесь *чуди* быты"), *чудь, чудаки, чучки, цуцки, чуды, чучи, цуца, чуча, чудки, чушь*.

Единственной непротиворечивой формой, которая могла послужить источником всех этих заимствований, является **t'šudi/*t'šuti* с возможной праформой (или древним диалектным вариантом) ** t'šuči* [8]. Если же теперь мы "запустим" эту форму вверх по временной шкале, т.е.применим к ней известные фонетические законы, действовавшие в пр.-фин. языках (20, 21), то получим: **tšuti/*tšudi* → **tšusi/*tšuzi* → **susi/*suzi*. Последняя форма совпадает с пр.-фин. словом, означающим "волк" [фин., водск. *susi*, род. пад. *suden*, кар. *šuši, suzi*, ливск. *suž, siuž* (12, с. 1130)][9], восстанавливаемым на ф.-у. уровне как **čuče* (22).

В подкрепление этой "обратной" реконструкции и в доказательство того, что в чудском языке могло существовать слово *tšudi/tšuti*, укажем, что соответствие чудского *č* (*t'š*) пр.-фин. *s* (*z, š*) или *h* (в середине слова еще -*t*-) при саамском *s* (*š*) или *č* иллюстрируется значительным количеством примеров. Естественно, примеры эти извлекаются из анализа топонимии[10] или, что надежнее, анализа русских заимствований на соответствующих территориях. Из последних приведем такие (ср. еще в Заволочье: рр. *Чужба, Чужга, Шужега*, дер. *Чучеры* и *Чушела*):

рус. *чупус* 'челн-однодеревка, долбленый из ствола осины' < чудск. **čup-* 'осина', ** čupəs* 'осиновка' при фин. *haapa*, кар. *huabu*, вепс. *hab*, эст. *haab* 'осина', фин. *haapio*, эст. *haabjas* 'челн-осиновка', саам *suhp* 'осина', *suhes* , род. пад. *suhpas* 'киль лодки';

рус. *чильма* 'окно в болоте; чистое моховое болото' [специально о нем (24)] < чудск. **čilma* при пр.-фин. *silmä*, саам. *čalme* 'глаз; окно в болоте';

---

[8] Колебание *чудь, чуди/чуча, чучи* могло возникнуть уже на русской почве, ср. *чит, чидега* и *чиче.а* "изморозь, мокрый снегопад" из ю.-кар. *tšiite(h), tšite* или вепс. *tšid'-* (12, с. 1019).

[9] Ср. с удм. *sos* "прожорливый", *śeś* "хищник", ман. *suś, sūś, seś, *śeś, *śešik* "волк" (20, с. 260) и с саам. *tšieddzeham* "волк (в сказках)" (6).

[10] Так, на основе анализа субстратной топонимии Русского Севера А.К. Матвеев (16, 23) пришел к выводу, что пр.-фин. язык Заволочской Чуди был во многом близок к вепсским и южно-карельским диалектам, частично сохранившим начальные аффрикаты.

рус. *чибаки* 'подбитые кожей лыжи' <чудск. **čihlk-* при фин. *sivakka* (также: *sipakka*, кар. *šivakka -А.Ш.*), саам. *saveh, savek, sapek* 'лыжа на правую ногу' (25, с. 240).;

рус. *чобега* 'шум' < чудск. **čobeg* - при вепс. *soh'egandeh* 'начать стучать' (25, с. 241);

рус. *цонда* 'домовой' [у Фасмера (11, Т. 4, с. 308) с пометой "неясно"] из чудск. **tsund-* при пр.-фин. *syntv, šünd, sündü, sündi* 'начало, рождение, происхождение (мифолог.), Спаситель', а изначально "мифологический персонаж", ср. с ливв. *sündü* 'некое мифологическое существо' (12; 26, с. 36-37);

рус. *личма* 'плывун, топкий берег' < чудск. **ličma* при вариантах *лижма, лизма*, фин. диал. *lisma*, вепс. *ližm*, саам. *lisme* 'болото, ил', кар. *lidma* 'мокрота' (25, с. 154; 27, с. 47),

рус. *потча* 'речной или озерный залив', *поча, поца* 'лужа, болото, старое русло реки' < чудск. **potša /*podža* при вепсском *poze, poza* 'топкое место, лужа', *poža* 'яма на лугу, омут в реке', фин., кар. *pohja*, люд., вепс. *poht* 'дно водоема; бухта; угол залива' (28, с. 73-75) (Л. Хакулинен (21) праформой к *pohja* дает ** pož(j)a*).

Что могло отражать понятие "волк" при переходе в разряд этнонима (самоназвания)?[11] Возможно, родовой или племенной тотем, отразившийся в головном убранстве шаманов, старейшин или вождей. Возможно, массовый обычай носить одежду (кухлянки) из волчьих шкур.[12] Так что, может быть, люди с собачьими головами, жившие, согласно Геродоту, к северу от скифов, не являются его выдумкой. И то и другое является, конечно, не более чем правдоподобным предположением. Но так или иначе предложенная этимология нам представляется лингвистически достаточно корректной.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Агеева Р.А.* Этнический термин "чудь" на территории Севера и Северо-Запада СССР // Конф. по топонимике северо-западной зоны СССР. Рига, 1966.

2. *Агеева Р.А.* Об этнониме *чудь (чухна, чухарь)* // Этнонимы. М., 1970.

3. *Агеева Р.А.* Страны и народы: происхождение названий. М., 1990.

4. *Витов М.В.* Русский Север в этническом отношении // Вопросы географии, сб. 83, М., 1970.

---

[11] Исключительно в качестве предположения можно думать, что эта традиция сложилась под влиянием южных дославянских соседей чуди (древних иранцев?). Почитание и тотемизация волка свойственна степным народам.

[12] Любопытно в этом отношении указание Р.А. Агеевой (2) на рус. диал. (перм.) *чуча, цюца, чучело* 'пугало на огороде, набитая кожа зверя, животного, птицы' и на неясность происхождения *чучело* на славянской почве.

5. Географический словарь Кольского полуострова. Ч. 1. Л., 1939.

6. *Itkonen T.I.* Koltan- ja Kuolanlapin sanakirja. Osa 1,2. Helsinki, 1958.

7. Северные предания (Беломорско-Обонежский регион). Сост. *Н.А. Криничная*. Л., 1978; *Криничная Н.А.* Предания Русского Севера. СПб, 1991.

8. *Korhonen M.* Suomen kantakielen kronologiaa // Virittäjä 1. 1976.

9. *Попов А.И.* Названия народов СССР. Л., 1973.

10. Древнерусские города в скандинавской письменности. Тексты. Перевод. Комментарий. Сост. *Г.В. Глазырина, Т.Н. Джаксон*. М., 1987.

11. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. 1-4. М., 1964-1973.

12. Suomen kielen etimologinen sanakirja. Osa 1-6. Helsinki, 1955-1978.

13. *Попов А.И.* Топонимическое изучение Восточной Европы // УЗ ЛГУ. сер. востоковедч. наук, вып. 2, № 105. Л., 1948.

14. *Алеева Р.А.* Субстратная топонимия западной части Калининской области // ВГ, сб. 94. М., 1974.

15. *Алеева Р.А.* Гидронимия Русского Севера как источник культурно-исторической информации. М., 1989.

16. *Матвеев А.К.* Историко-этимологические разыскания. 1. Из опыта изучения северно-русской топонимики на *-ньга* // УЗ Уральск. ун-та, № 3, 1972.

17. *Матвеев А.К.* Из истории изучения субстратной топонимики Русского Севера // Вопросы топономастики № 5. Свердловск, 1971.

18. *Матвеев А.К.* Чудское наследие // Русская речь, № 3, 1972.

19. *Матвеев А.К.* К лингвоэтнической интерпретации финно-угорской субстратной топонимии // Uralo-indogermanica. Балто-славянские языки и проблема урало-индоевропейских связей. Ч.1. М., 1990.

20. *Setälä E.N.* Zur finnisch-ugrischen lautlehre // FUF, B. 2, H. 3, 1902.

21. *Хакулинен Л.* Развитие и структура финского языка. Ч. 1. Фонетика и морфология. М., 1953.

22. *Kats H.* Finnisch *tosi* ← *dmtó-? // СФУ, № 2, 1988.

23. *Матвеев А.К.* К проблеме происхождения северно-русской топонимики // Вопросы финно-угорского языкознания. Вып. 2. М.-Л., 1964.

24. *Матвеев А.К.* Русское диалектное *чильма* // Этимология русских диалектных слов. Свердловск, 1978.

25. *Kalima J.* Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen. Helsinki, 1919.

26. *Виноградова И.Ю.* Календарные обычаи, обряды и праздники вепсов. СПб, 1994.

27. *Nissilä V.* Die Dorfnahmen des alten ludischen Gebiets. Helsinki, 1967.

28. *Мамонтова Н.Н., Муллонен И.И.* Прибалтийско-финская географическая лексика Карелии. Петрозаводск, 1991.

Aleksey Shilov

ABOUT POSSIBLE ORIGIN OF THE ETHNONYM CHUD

Tsudi/tsuti with possible parent form /or ancient dialect variant/ tsuci is the form which could serve as a sourse of Russian borrowings of the word chud. Applying the known phonetic laws, worked in the Balto-Finnish languages, we receive: tsuti/tsudi - tsusi/tsuzi. The last form coincides with the Balto-Finnish word "wolf" Fin, Vod. susi, poss. case suden, Kar. susi, suzi, Liv. suz, siuz, restored on Finno-Ugric level as cuce.

The notion "wolf", probably reflected patrimonial totem, shown in head-dresses of shamans,elderes or leaders. So, maybe, people with dog heads, who lived according to Herodote to the north from Scythians are not his invention.

«Финно-угроведение», 1997, № 3.

Иван Плосков
Сыктывкар

ЕН В ФОЛЬКЛОРЕ И В НЕКОТОРЫХ ЛИТЕРАТУРНЫХ МАТЕРИАЛАХ КОМИ

Вопросы дохристианской культуры и христианизации коми нашли свое отражение в различных исследованиях. Обращаясь к научному наследию XIX столетия, можно упомянуть точку зрения И.А. Куратова: "... В пустыне зырянской истории, как оазис, являются ... события последней четверти XIV столетия, времена Стефана Великопермского и принятия зырянами христианства. Затем еще мало-мальски замечательна история зырян до епископа Филофея и до прибытия в Пермь первого царского наместника Василия Ковра в 1505 году; с Ковром гражданская жизнь зырян слилась с русской жизнью, но как капля с морем..."(1, с. 46). Известна, в частности, точка зрения И.А. Куратова о происхождении названия Усть-Вымь (здесь была резиденция епископов Пермских в XIV-XVI вв.): "... В половине XIV века это село назвали "Ем-дін", что значит место у бога или место поклонения богу..." (1, с. 43); автор предполагал наличие вариантов Ен-дін и Ем-дін. Но И.А. Куратов исследовал и древность.

Обращаясь к словам *енэж* (небо) и *ен* (бог), исследователь прошлого столетия П.И. Савваитов, в частности, отмечал (при работе над переводами христианских текстов на коми-зырянский язык): "... несоответствие слова енэж христианскому понятию о небе нисколько и ниоткуда не видно: для этого стоит только сравнить значение слов **енэж** и **небо** ... Притом, едва ли можно, да и нужды нет сомневаться, что это слово, равно как и слово **Ен**, перешло к нынешним зырянам из языческого мира Зырянского: как нельзя и нет нужды сомневаться в том, что слова **Бог**, **небо** и мн. др. (многие другие - *авт.*) дошли до нас от наших предков-язычников..." (2, л. 80-81).

О "верхнем" (небесном), а иногда "надзвездном" мире отмечалось в различных источниках. В одной из работ Я. Попов писал, что древние идолы и различные духи воспринимались как чада непостижимого и невиди-

мого божества: причем духи и идолы управляли землей: божество обитало в "надзвездном" мире (3.с . 10-11).

Интересна также точка зрения Ф.А. Арсеньева о религиозных представлениях древних коми, о боге Ен: автор указывал, что "зыряне" в древности "сознавали бытие Бога Всевышнего, живущего на небесах, который печется только о надзвездном мире, люди не достойны воссылать к нему своих молитв. Это непостижимое существо называли они общим именем Ен, не делали изображений его, не посвящали ему и кумирниц, полагая, что смертные, одержимые всегда греховною немощью, не могут иметь с ним сообщений, и в нуждах обязаны относиться к богам меньшим, своим идолам" (4, с.8).

Предположение А.В. Красова об образовании слова **Ен (Йен)** от слова (прилагательного) **йон** 'сильный, крепкий', как известно, не поддерживается исследователями; А.В. Красовым также отмечалось: "Несмотря на то, что ни одна из языческих религий не могла возвыситься до признания Единого Высочайшего Духа, Творца неба и земли, тем не менее, существуют попытки доказать, что Единый Бог-Дух существовал в древнеязычной мифологии зырян, хотя и представлялся неясно" (5, с.84). Подобные высказывания имеются также о других финно-угорских мифологических системах. В литературе отмечается: "Юмо" - единое небо внушило черемисам (марийцам - *авт.*) идею единого Бога, материалистическое понятие о котором исчезло под влиянием ислама и христианства..."(6, с.206).

И.Н. Смирнов отмечал в одной из работ (конца прошлого столетия): "В настоящее время Ен, как и вотяцкий (удмуртский - *авт.*) Инмар, означает прежде всего Бога в христианском смысле этого слова, затем термин для обозначения всякого высшего сверхъестественного существа" (7, с. 265).

Исследователи коми фольклорного материала традиционно обращали внимание и на соответствующие коми космогонические мифы-легенды о Ене и Омöле. Они в основе своей, как известно, перекликаются с легендами других народов.

В народных представлениях и в фольклоре (в различных культурах) фигурировали божества-антагонисты. В начале нынешнего столетия Е. Аничков в связи с этим писал: "... В древней русской письменности есть несколько сказаний о создании мира..", ".. для создания земли Бог заставляет Сатанаила нырнуть и достать песку со дна моря..." (8, с. 110). Исследователем приводится также греческая легенда: "Сотворение мира представлено здесь совершенно иначе, чем в русских народных легендах. Но здесь Сатанаил и Бог-Сын - Братья... Из этого рассказа и можно заключить, что в каких-то поверьях Сатана был когда-то не только подражателем, но и огромной ... творческой силой. Последнее воспоминание такого понимания

злого духа сохранилось в ... наивном образе черта, достающего со дна моря материал для мироздания" (8, с. 110-111).

Е. Аничковым также отмечалось: "... Дуалистические мифы о создании вселенной широко распространены в сказаниях и не индоевропейских народов. Оттого, может быть, их надо признать присущими и первобытному индоевропейскому язычеству. Христианство боролось с этим дуализмом. Бог Саваоф, Всемогущий и Всеблагий, должен был оставаться единственным Творцом, а Сатана лишь отпавшим и преступным, сначала завистливым "подражателем Бога" .... а после ... исчадием обмана и озлобления..." (8, с.112).

В коми материале в данном случае интересны соответствующие публикации, работы А.С. Сидорова (9, с. 3-6), П.Г. Доронина (10, с. 6-7). Данные образы были рассмотрены В. Налимовым (11, с. 8-15). Специальная работа этому материалу посвящена Ф.В. Плесовским (12, с. 32-42).

П.Г. Доронин приводил, в частности, следующий "космогонический миф": "По беспредельному первозданному морю-океану плавала утка-чӧж, носившая в себе "яйца жизнерождения". Она долго искала место, где бы ей высидеть своих птенцов, но так и не нашла себе пристанища. Шесть яиц, снесенных ею, были поглощены пучиной морской, только два последних яйца она сумела спасти. Высиженные ... два птенца, два утенка ... Ен и Омоль. Это были два брата, два противоположных начала: ... жизни и смерти, добра и зла, правды и неправды, дня и ночи.

До возраста мать носила их на своей спине, потом попросила своих утят достать из пучины морской выроненные яйца и разбить их на ее теле. После этого она взметнула в высь, ... ударилась в воду и разбилась" (13, л.5). Ен и Омӧль создают мир.

В рассказе, в частности, говорится, что Ен и Омӧль (соответствующие Богу и его антагонисту) в определенный момент принимают "человекообразный вид"; далее (по тексту): " ... Ен низверг Омӧля на землю и загнал его полчище в леса, болота и реки, вечно угрожая им громом и молнией. Только ночами и зимой они беспрепятственно могут выходить из своих логовищ ... "(13, с. 6-7).

К.Ф. Жаков в начале нынешнего столетия писал: "... Может быть, сам Ен был богом грома и молнии ... В настоящее время мысль народа двоится. То он думает, что Илья-Пророк причина грома и молнии, то,по его представлению,Господь Саваоф преследует в грозу демонов ... огненными стрелами ... " (14, с. 74).

Как отмечено современными исследователями, у разных групп коми "йэн" - бог; образ; икона, выявляется и значение "небо" в выражении "йэнма-муа костын" - между небом и землей, и пр. (15, с. 131). Зафиксиро-

ваны (в коми диалектах) слова - "йэнкӧла", "йэнкыа", "йэнкуд" со значением "весь свет, весь мир, горизонт" (фольклорное) (16, с. 102).

Старые "сюжеты" имели различные трактовки в традиции. Отмечались заимствования. К примеру, в Коми крае также были зафиксированы апокрифические легенды, в которых фигурируют Христос и Сатана (17, с. 27).

По мнению исследователей, имеющий место в традиции миф о борьбе Ена и Омоля (Омӧля) появился у коми в определенный период развития соответствующих представлений. Свидетельствуется о постоянном развитии религиозных представлений у коми (18, с. 53-54). Разумеется, имели место славяно-русские заимствования. В XIV столетии, как отмечалось, произошла христианизация коми (19, с. 27-30; 20, с. 25-26).

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Куратов И.* Ты бесконечна, жизнь. Сост. В.И. Мартынов. Сыктывкар, 1988.

2. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. F. XVI. № 9.

3. *Попов Я.* Очертание демонологии зырян // Вологодские губернские ведомости. Вологда, 1859. № 2.

4. *Арсеньев Ф.А.* Ульяновский монастырь у зырян. М., 1889.

5. *Красов А.В.* Зыряне и просветитель их св. Стефан епископ Пермский. С.-П., 1896.

6. Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Настольная и дорожная книга. Т.5. Урал и Приуралье. Под ред. В.П. Семенова-Тян-Шанского. СПб., 1914.

7. *Смирнов П.Н.* Пермяки. Казань, 1891.

8. *Аничков Е.* Христианские легенды в народной передаче // История русской литературы. Т.I. М., 1908.

9. *Сидоров А.* Как сотворялась земля // Дыхание пармы. Сыктывкар, 1991.

10. Дыхание пармы. Сыктывкар, 1991.

11. *Налимов В.* Некоторые черты из языческого миросозерцания зырян // Дыхание пармы. Сыктывкар, 1991.

12. *Плесовский Ф.В.* Космогонические мифы коми и удмуртов // Этнография и фольклор коми. Сыктывкар, 1972.

13. Центральный Государственный архив Республики Коми, ф. 1346, оп. I, д. 143.

14. *Жаков К.Ф.* Языческое миросозерцание зырян // Научное обозрение, 1901. № 3.

15. *Лыткин В.И.* Древнепермский язык. М., 1952.

16. *Лыткин В.И.* Диалектологическая хрестоматия по пермским языкам. М., 1955.

17. *Грен А.Н.* Зырянская мифология // Коми му. Устьсысольск, 1925. № 1.

18. Очерки по истории Коми АССР. Т. I. Сыктывкар, 1955.

19. История Коми АССР (с древнейших времен до наших дней). Сыктывкар, 1981.

20. *Белых С.К.* Фактор христианизации в этнической истории пермских народов // Коми-пермяки и финно-угорский мир. Тезисы докладов и выступлений на международной конференции (Кудымкар, 26-28 мая 1995). Сыктывкар, 1995.

Ivan Ploskov

EN IN FOLK-LORE AND SOME LITERARY MATERIALS OF KOMI

In the given article some materials are viewed, testifying to the image of En in a row of archaic ideas of Komi and in genres of Komi folk-lore. Also interpretations from some literary, scientific investigations are given.

«Финно-угроведение», 1997, № 3.

ПЕРСОНАЛИИ

Владимир Кудрявцев,
Ксенофонт Сануков
Йошкар-Ола

МАРИЙСКИЙ ХУДОЖНИК КОНСТАНТИН ЕГОРОВ
(к 100-летию со дня рождения)

С именем Константина Федоровича Егорова (1897-1937 гг.) связано становление профессионального изобразительного искусства марийского народа. Разработка им исконно этнической темы, основанной на обрядовой, социально-бытовой, этической сторонах языческого мировоззрения, нашла первое воплощение среди национальных мастеров изобразительного творчества. Тот значительный вклад, который внес К.Ф. Егоров в марийскую культуру, стало возможным оценить только сегодня. Хотя объективная характеристика творчества художника была предпринята еще при его жизни (1), но в условиях сталинского тоталитарного режима она не смогла увенчаться успехом. Сегодня назрела необходимость правдивой оценки его короткой, но насыщенной творческим накалом жизни. Первые опыты такой оценки предприняты (2,3). Состояние художественной критики и развитие общественной мысли подошли к расстановке существенных акцентов как на творческом кредо мастера, так и в расширении границ и содержания изобразительного искусства финно-угорских народов России в целом.

В публикациях на страницах марийской периодической печати второй половины 1920-х - первой половины 1930-х годов имя Константина Егорова чаще выделялось из художественной среды, его творчеству отводилось заметное место, закрепившее за ним роль лидера. Весомость вклада, степень самосознания этнической принадлежности художника, если бы не трагедия 30-х годов, на полвека вперед могли бы определить пути развития марийского искусства, к чему оно пришло в 80-х - 90-х годах в лице молодых национальных художников.

Один из первых биографов художника ученый и общественный деятель В.А. Мухин-Сави еще при жизни назвал его "выдающимся художником" (1). Такая высокая оценка творчества мастера была заслуженной и

объективной. А буквально через год его имя было вычеркнуто из истории: художник был расстрелян, его творчество почти полностью уничтожено.

Константин Федорович Егоров происходил из семьи одного из первых марийских просветителей. Его отец - Федор Егорович (Георгиевич) Егоров - известен как историк, собиратель материалов по фольклору и духовной жизни родного народа (4). Родом он был с моркинской стороны, но часть его биографии была связана с селом Ронга. Сюда после окончания миссионерских курсов был направлен на работу бывший сельский учитель Ф.Е. Егоров, приобретший теперь вторую специальность сельского священника. Здесь 20 мая 1897 года у него родился сын, которого назвали Константином. Но семья Егоровых жила в Ронге после этого недолго. Рос будущий художник больше в Сернуре, где отец был попом и учителем. Сын впоследствии вспоминал: "Отец - служитель культа, имел церковный дом, одну корову, одну лошадь, 15 десятин земли" (5). Эстетические, художественные впечатления и пристрастия формировались у Константина Егорова в общении с благодатной природой; неизгладимые впечатления оставались от постоянного соприкосновения с красочной одеждой и старинными обрядами родного народа во время поездок с отцом по окрестным деревням.

Поп-миссионер, конечно, имел возможность дать сыну неплохое для того времени образование: Константин в 1916 году окончил Уржумское реальное училище.

Шла первая мировая война, и почти что со школьной скамьи Константин Егоров попадает в армию. Немного он пробыл в Царицыне рядовым, и в феврале 1917 года его направили в Петергоф, в школу прапорщиков. Получив воинский чин, он осенью 1917 года уже находился в действующей армии на Румынском фронте.

Тем временем совершился Октябрьский переворот, старая армия стала расформировываться. И в декабре того же года К.Ф. Егоров прибыл на родину, жил в Сернуре и Уржуме - видимо, учительствовал в школе.

Летом 1918 года повсеместно в аграрных районах вспыхнули антибольшевистские восстания. Крупное восстание произошло и в Уржумском уезде Вятской губернии, где против антикрестьянской продовольственной политики выступил посланный для обирания крестьян 1-й Московский продовольственный полк под командованием Степанова. Эти события так ярко врезались в память К. Егорова, что и 11 лет спустя он назвал точную дату, когда вступил в "банду Степанова" - 21 августа 1918 года (5). В ряды белых встал и его старший брат Иван, который так и погиб на гражданской войне.

Но степановский мятеж в конце того же месяца был подавлен. К.Ф. Егоров еще с несколькими сотоварищами бежал в Казань и в сентябре

вступил в белогвардейскую часть под командованием чешского офицера. Но уже 9 сентября пришлось отступить из Казани. К. Егоров оказался в Челябинске, где стал офицером в Народной Армии Колчака. А затем - долгие, трудные походы, сражения, отступления в составе колчаковских войск.

5 января 1920 года колчаковский офицер К.Ф. Егоров был взят в плен сибирскими партизанами в бою под городом Канском. Четыре месяца провел он под арестом в связи с проверкой в Особом отделе 5-й армии РККА. Видимо, за ним не числилось больших прегрешений (типа участия в карательных операциях и т.п.), коли зачислили его младшим командиром в одну из красноармейских частей. Служил он в Красной Армии до 1 марта 1922 года и завершил эту службу в Иркутске. Там он окончил художественную студию И.Л. Копылова. А вернувшись на родину (уже в Краснококшайск, где работал отец), поехал в Казань и поступил учиться в Казанский ХУТЕИН, где проучился до 1926 года.

Педагогами в Казанском художественно-техническом институте тогда были Н.И. Фешин, А.Г. Платунова, П.А. Радимов, В.К. Тимофеев, творческая судьба которых была тесно связана с Марийским краем. В годы учебы проявился творческий характер будущего художника, о чем свидетельствуют плакат "Долой неграмотность!", групповые портреты с жанровым началом "Чувашки" и "Мордовки", экспонировавшиеся на студенческих выставках. Звание профессионального художника он получил в 1926 году за дипломную картину "Марийский сенокос". Небезынтересно отметить тот факт, что уже с ученических работ возник интерес молодого живописца к осмыслению национального материала, который был понятен и доступен ему. Поэтому изображение обрядов древних марийцев, обращение к национальному фольклору, к мифологии займет важное место в его творчестве. Завершив учебу в Казани, Егоров возвращается в Краснококшайск. Здесь в разное время вел преподавательскую деятельность в Поволжском лесотехническом институте, педтехникуме, средней школе и настойчиво занимался творческой работой.

Отец художника работал в Краснококшайском педтехникуме и марийской школе-семилетке при нем. Константин Федорович тоже входит в среду передовой национальной интеллигенции, близко знакомится с друзьями отца - писателем-драматургом С.Г. Чавайном, директором музея Т.Е. Евсеевым, языковедом-этнографом В.М Васильевым. Для него основной темой художественного творчества становится марийский национальный характер в историческом развитии. Много картин написал он для Марийского областного музея. Специфика этой работы, конечно, толкала к иллюстративности, схематичности. Но люди старшего поколения вспоминают, какое большое впечатление оказывали на посетителей музея иллюстратив-

ные картины К. Егорова. Молодой художник оформлял спектакли по пьесам Чавайна и Шкетана, иллюстрировал книги марийских писателей, вел уроки рисования в педтехникуме и школах.

Кроме художественного таланта, Константин Егоров обладал замечательным голосом, отлично пела и аккомпанировала его жена Екатерина Аполлоновна. Редкий любительский спектакль или концерт в Йошкар-Оле обходился без их участия. Частыми были, несмотря ни на что, веселые семейные и дружеские застолья. И еще одна страсть была у художника - поэзия. Он мог сколько угодно читать наизусть не только Пушкина, но и фактически запрещенного тогда Есенина.

Эстетическая теория молодой Марийской автономной области 20-30-х годов выдвинула два направления. Первое предполагало развитие национальной культуры в кругу языческих веяний. Идеологами этого направления выступали отец художника историк Ф.Е. Егоров, Л.Я. Мендияров и другие просветители и общественные деятели; близок к ним был С.Г. Чавайн (в 30-е годы их назвали "нацдемовской группировкой"). К реализации в художественной практике теории второго направления всю жизнь стремился В.А. Мухин (Сави). Оно заключалось в активизации интернационалистских связей, в развитии искусства по пути, общему для всех народов страны, в максимальном выявлении этой общности и в тематике и в стилистике художественных произведений, не допускающей никакого культа архаической самобытности. К.Ф. Егоров, чье творческое становление пришлось на период острой идеологической борьбы и столкновения этих двух концепций, двух разных точек зрения на пути реализации национальной культуры, прошел сложную эволюцию от последовательной приверженности той модели национальной самобытности, которую разрабатывал в своих исторических трудах его отец, до активного участия в реализации мухинской программы.

В ранних графических и живописных произведениях художника (к сожалению, не сохранившихся, варварски уничтоженных после его ареста по распоряжению местных властей) такая ностальгия, очевидно, проявлялась, о чем можно судить также по их названиям - "Тризна" (1925), "Агапайрем" ("Праздник сохи", 1927), "Древний первобытный марийский поселок", "Совет старейшин на кургане" (1927-1929). Обращение к национальному фольклору, мифологии, изображение языческих обрядов марийцев занимает основное место в его ранних работах. Натурный материал к ним активно собирался в результате нескольких полевых экспедиций, в которых принимали участие также художники П.А. Радимов, В.К. Тимофеев из Казани, Е.Д. Атлашкина, П.Т. Горбунцов, Б.А. Яковлев из Краснококшайска.

В разделе краеведческой хроники журнала "Марий Эл" омечалось: "Марийский художник К.Ф. Егоров приступил к окончательному оформлению больших исторических картин, этюды которых были им набросаны в предыдущие годы. Картины К.Ф. Егорова "Моление" и "Совет старейшин на кургане" представляют собой большие полотна, сложные по композиции и выполнению, с большим количеством фигур (до 200)" (6, с. 134).

"От его первых картин веет глубокой древностью, былинной простотой - писал В.А. Мухин. - Все действующие фигуры тонут в море первобытной лесной природы. Эту природу художник дает в такой естественной прелести, что сама жизнь марийцев - убогая, дикая, затерявшаяся в море лесов, входит только как фон, как некоторый колорит в общую гамму лесного мироощущения. В этом положительные, но в то же время и отрицательные черты нашего художника. Он совершенно не показал эмоций, борьбы, социальной страсти, колорита реальной жизни. Патриархальная "илэмная"* ограниченность творчества Егорова была плодом национал-демократических заблуждений" (1). Очень жаль, что именно прогрессивные черты творчества художника не осознал, не оценил положительно Мухин. Именно народные, исконные корни проступали в первых картинах Егорова о своих земляках, обогащенные историческими знаниями, богатой традиционной культурой марийцев-язычников.

Композиция полотна "Агапайрем" построена по диагонали картинной плоскости. Строго расположенные в ряд фигуры людей, затаившихся перед обрядом моления, четко расставленная утварь и пища, фигура карта органично вписаны в природную среду, где пейзажное окружение является неотъемлемой частью полотна. Чередование белых холщовых костюмов и стволов берез создает своеобразный ритм, выдержанный на тончайших нюансах тональной проработки.

В 20-30-х годах этой картине приписывался прежде всего религиозный смысл. Но фактически художник прославлял в ней крестьянский труд, передавал торжество праздника.

Тогда, когда нужно было уничтожить крестьян и раскулачивать их, искажалось подлинное творчество художника, которому приписывали национализм, будто он идеализировал национальный крестьянский быт. Но все-таки настоящее творческое кредо Егорова, по нашему мнению, заключалось в глубоком изучении истоков народной жизни, его подлинной истории и культуры. И на этом пути он был первым национальным мастером высокой профессиональной выучки. В этом заключается непреходящее значение его художественного творчества.

---

* От слова *'илем'* - "жилое место в лесу" (мар.).

Другие многофигурные исторические полотна подтверждают это. В своем творчестве здесь Константин Егоров близок к финскому художнику Агатону Рейнхольму, создавшему эскизы своих картин о языческих обрядах марийцев (7). Но в своем художественном воплощении Егоров достиг большего, создав эпические монументальные достоверные образы, в отличие от своего финского коллеги.

Много сил и энергии Егоров отдавал созданию художественно-этнографического отдела краеведческого музея. За удивительно короткое время в течение двух лет (1926-1927 годы) он создал для музея шесть картин из жизни марийского народа. Тогда же вместе с ним к работе привлекались местные художники Е.Д. Атлашкина, П.Т. Горбунцов, казанские живописцы В.К. Тимофеев, М.М. Васильева, П.А. Радимов. По результатам экспедиций Общество краеведения высказало предложение устроить выставку произведений художников в Краснококшайске, а также в Москве, если удастся - в Финляндии (8, с. 100). В настоящее время работы Е.Д. Атлашкиной и П.А. Радимова тех лет находятся в собрании Финского национального музея в Хельсинки.

Сохранившиеся разрозненные зарисовки, наброски, эскизы Егорова в основном имеют этнографическую ценность, в них наблюдается интерес художника к языческим обрядам, праздникам.

Проезжая по кантонам Марийской автономной области, К. Егоров создавал портреты сельских жителей, зарисовывал пейзажи, намечал эскизы будущих картин. Объектом внимания художника стали архитектурные памятники ("Замок Шереметева в Юрино"), пейзажи волжских берегов, выполненные акварелью. Образ марийской столицы и ее окрестностей запечатлен в работах "Вид из окна на Кокшагу", "Деревья", "Половодье". Характерные приметы времени, подмеченные художником, внесены в лист "У сельсовета" (1928). На первом плане трое крестьян ведут между собой беседу, другая группа людей с книгами в руках идет на занятия по ликвидации неграмотности, поодаль изображены женщины в национальных костюмах. Выразителен деревенский пейзаж. Здесь чувствуется некоторая агитационная прямолинейность, но стремление Егорова связать графику с социальными проблемами времени характерно для творческой позиции художника, его взглядов на жизнь.

Егоров создал запоминающиеся иллюстрации к произведениям марийских писателей. Широко известные в народе произведения С.Г. Чавайна "Мӱкш отар" ("Пасека") в иллюстрациях К. Егорова и поэма К. Иванова "Нарспи" на чувашском языке в иллюстрациях А. Мясникова стали первыми иллюстрированными изданиями молодых национальных литератур. Первое издано в 1928 году в Йошкар-Оле, второе - в 1930 году в Москве.

Оба художника выполнили рисунки пером и тушью. Иллюстрации Егорова показывают проникновение художника в мир литературных героев. Все пять рисунков размещены внутри текста. В них убедительно представлены образы жителей марийской деревни, показана окружающая природа. В графической манере художника ощутима экспрессия, истоки которой восходят к традициям Казанской художественной школы начала 20-х годов, к стилистике графического объединения "Всадник", с которым молодой Егоров был несомненно хорошо знаком. Элементы стилизации, условности, плоскостности, вариации приемов художественного примитива сближают эти работы Егорова с кругом творчества казанских лидеров "Всадника" - таких мастеров, как К. Чеботарев, И. Плещинский, А. Платунова, Н.Шикалов, Д. Мощевитин, Н. Сокольский и другие. Как и его старшие наставники-казанцы, Егоров первостепенное значение придавал самостоятельности средств графической выразительности. Его журнальные иллюстрации ни в коей мере не имитировали живопись. Их эстетическая выразительность строилась на неповторимой "музыке графизма", включающей напряженные контрасты черного и белого, энергичную упругость контурных линий, динамику узоров, моделирующих форму предметов (например, мощного ствола дерева), подчеркнутую легкость композиции, отнюдь не загромождающей светлый лист бумаги. При всей любви к деталям, характеризующим этнографические особенности марийского быта и местного пейзажа, художник избегает дробности, мелочной описательности; в его графике доминирует лаконизм, граничащий порой со схематичностью, сокращенностью изображений (энергичные линейные завитки обозначают траву, листву деревьев, заштрихованными пирамидками выступают елочки на заднем плане, простейшим геометрическим рисунком очерчены домики, ульи и т.п.). Ориентация на художественный примитив в графической манере иллюстраций органично сочетается с элементами фольклорного мышления (гиперболами, метафорами) в их образном строе, созвучном поэтике пьесы Чавайна. Так, к примеру, непропорционально огромные (в полчеловеческой фигуры) пчелы в иллюстрации к "Пасеке" выделены размером, как сказочные великаны, соответственно их значению в поэтическом восприятии. В том же номере журнала помещены его рисунки к рассказу Мичурина Ятмана "Умыла" ("Хмель") (9).

Значительной работой художника в области журнальной графики явились иллюстрации к роману А. Эрыкана "Кучедалме тулеш" ("В огне борьбы") (10). Трогательно показана сцена свидания молодых влюбленных Мичу и Анай, правдиво изображена весенняя распутица, труд крестьян на лесозаготовках, ликвидация неграмотности в деревне. Эти эпизоды отражают основные события романа, характеризующие сложное время. Фигуры и

предметы в рисунках выделяются то контрастными темными силуэтами, то легкими ажурными линиями. В некоторых рисунках, близких по характеру к карикатуре, проявляется юмористическое дарование художника, зоркость к предметам меняющегося городского и сельского быта. Также Егоровым были созданы многие заставки и концовки в журналах, художником которых он был на протяжении почти целого десятилетия. Стиль его рисунков постоянно менялся, обретая большую конкретность.

В коллекции Национального музея им. Т.Е. Евсеева в Йошкар-Оле сохранились графические портреты крестьян деревни Кокшамары М.Г. Орлова, А.Ф. Кутасова, М.С. Ключникова, выполненные Константином Егоровым. Все они датированы 1929 годом. В них художник уверенно лепит формы, выделяет самые характерные детали. Можно предположить, что именно тогда могла возникнуть мысль о создании картин о революционном движении в марийской деревне Кокшамары в 1905-1907 годах. Работы этого цикла "Арест революционера", "Митинг в лесу", "Приезд вице-губернатора Кобеко в Кокшамары", "На плотах" создавались уже в 1935 году. Портретные образы послужили основой их образного решения. В одной из картин ("Арест революционера") голубые шинели на жандармах контрастно сочетаются с белой холщовой рубашкой на марийце, где орнамент вышивки переходит в капли крови на теле революционера.

Начало 30-х годов в целом знаменует новый этап творчества Егорова. На его холстах появились стройки ("Встреча первого поезда на станции Куяр", "Праздник авиации", "Красногорский лесозавод" и другие), образы деревенских жителей, деятелей национальной культуры (портрет писателя С.Г. Чавайна, "Портрет марийки", "Портрет старика" и другие).

Происхождение, факты биографии, положение и связи К.Ф. Егорова не давали покоя соответствующим органам. В 1928 году, когда отца уволили с работы как "бывшего попа", а затем по доносу учеников-комсомольцев посадили, то и Константину Федоровичу работу не давали и лишили избирательных прав. Клеймо социально чуждого закрепилось и за ним. Тем более ОГПУ перехватило письмо, отправленное им младшему брату после ареста отца в Казань: "Ветеринарный институт, студенту II курса военного отделения Егорову Леониду Федоровичу. Леня, папа арестован, ошельмован ГПУ и сидит в тюрьме вот уже две недели. Нельзя надеяться на его освобождение в скором будущем. Кажется, его обвиняют в связи с ссыльными, да, по-видимому, он еще набрехал подвыпивши на свою голову. Костя" (11, с. 20).

А в 1930 году Константин Егоров и сам был арестован по чьему-то доносу как бывший колчаковский офицер. Но после 8-мидневного заключения его выпустили (5). Большую душевную травму получил он в 1931 году, ко-

гда отца вновь арестовали как "финского шпиона", целый год продержали в Нижегородской тюрьме, а затем определили три года высылки (2).

Как знать, видимо, все это вместе привело к тому, что Константин Егоров часто и помногу стал пить. 28 марта 1936 года жена даже написала эмоциональное письмо в обком партии (хотя Егоров был беспартийным). Неизвестно, какая "воспитательная работа" с художником была проведена, но и она не помогла. И жена, забрав дочку Ольгу, уехала к родным в Казань.

С трагедией в личной жизни, в состоянии глубокого творческого кризиса вступал художник в роковой 1937 год.

10 августа было выписано постановление НКВД об аресте К.Ф. Егорова. 11-м числом помечен ордер на обыск и арест. Обыск по адресу: ул. Карла Маркса, д. № 78 состоялся 12 августа (вернее всего, в ночь с 11 на 12-е, после полуночи). При этом у арестованного изъяли "3 блокнота, фотографии - 13 штук, справки - 50 л., писем - 40 л."(5).

Уже в тюрьме К.Ф. Егоров заполнил "анкету арестованного" (дата не проставлена). В графе "место службы" написано: "работает на дому художником". Значит, к этому времени он нигде не работал. И в первом протоколе допроса 12 августа указано: "Художник, в данное время нигде не работает". В сведениях о семье Константин Федорович сообщил о жене и дочери. Написал об отце, что он живет в Омске, там же живет сестра Зинаида, а младший брат Леонид служит в армии военным ветврачом.

Единственный вопрос, который был задан во время первого допроса: "Вы арестованы за то, что состояли в контрреволюционной буржуазно-националистической организации. Признаете ли вы это?". На что последовал краткий ответ: "Контрреволюционной деятельностью я не занимался".

На следующий день был устроен повторный допрос. На этот раз подробно расспрашивали о службе в царской и белой армии. И в завершение вновь: "Признаете ли себя виновным в контрреволюционной деятельности?" И опять ответ: "В контрреволюционной деятельности виновным себя не признаю".

Третий допрос запротоколирован только 31 августа:

"Вопрос: Следователю известно, что Вы хотели уехать в Финляндию и вели агитацию, что там хорошо, а в Советском Союзе не жизнь, а могила.

Ответ: Такую агитацию не вел.

Вопрос: Расскажите, почему Вы ведете антисоветскую агитацию среди населения, касающей литературы Есенина?

Ответ: Такой агитации я среди населения не вел, но считаю, что Есенин есть хороший поэт".

Признания виновности на сей раз не требовали. Так же было и на следующий день: коротко спросили только о знакомстве с неким В.П. Печенкиным, о котором К.Ф. Егоров сказал, что учились вместе в реальном училище и вместе были у Степанова (но умолчал, что это - его свояк) (12, с. 112).

Больше он, судя по документам "дела", вообще не допрашивался. 23 сентября следователи ходатайствовали перед своим начальством о продлении срока дознания до 10 ноября на 25 человек (среди указанных фамилий есть и К.Ф. Егоров). Но никаких следов по "работе" с ним за время полученной отсрочки в "деле" не имеется.

10 ноября 1937 года состоялось заседание "тройки" НКВД Марийской АССР по обвинению большой группы марийской интеллигенции в контрреволюционной антисоветской деятельности. 24-м в списке значится Егоров Константин Федорович, "сын попа". Он обвинялся в том, что "являясь членом контрреволюционной националистической организации, проводил работу по подготовке контрреволюционных кадров для борьбы с Советской властью, ориентировался на фашистские круги Финляндии, восхвалял финскую культуру ... Виноватым себя не признал, но полностью изобличается показаниями других обвиняемых" (5).

Характерно: в чем К.Ф. Егоров обвинялся на заседании "тройки", во время следствия по этим пунктам не было задано ему ни одного вопроса; по предъявленным обвинениям не был допрошен ни один свидетель, не было ни одной очной ставки; не приложены и "изобличения" других обвиняемых. Но ни следствию, ни "тройке" факты не были нужны, даже видимость следственного и судебного процесса не соблюдалась; Егоров даже не был ознакомлен с материалами своего "дела".

Приговор был односложным - расстрел. При этом в приговоре по сравнению с "Обвинительным заключением" заменена одна фраза: вместо "восхвалял финскую культуру" напечатано: "восхвалял фашизм". Но мы видим, что на следствии выяснилось только одно, что восхвалял обвиняемый: поэзию Есенина.

По вложенному в "дело" акту видно, что приговор приведен в исполнение 11 ноября в 19 часов. Имеется также акт о том, что в этот же день "уничтожены путем сожжения в печи" книга "15 лет МАО" и "личные документы и разные переписки Егорова К.Ф. на 95 листах". А 15 ноября в кассу НКВД оприходованы 2 рубля, оказавшиеся у художника в кармане во время ареста (5).

Картины художника, конечно, сразу же отовсюду были изъяты. Сохранилось из них всего несколько. Н.М. Арбан вспоминает, что уже после вой-

ны во дворе музея видел костер, куда бросали картины Константина Егорова.

...Сам художник, по свидетельству очевидца, шел на смерть с песней, как нельзя лучше отражавшей сущность того строя и того времени - "Сатана там правит бал".

Мы не знаем, в какой яме в окрестностях Йошкар-Олы покоятся останки талантливого художника. Долго никто не знал правду вообще о его смерти. Когда в 50-х годах началась полоса реабилитаций, Е.А. Егорова пыталась это выяснить.

Она писала в ноябре 1955 года в главную военную прокуратуру: "12 августа 1937 года мой муж Егоров Константин Федорович, по профессии педагог (преподавал рисование и черчение), был арестован органами НКВД в гор. Йошкар-Ола Марийской АССР и был выслан неизвестно куда. С тех пор я совершенно потеряла следы и осталась вдовой... Беру на себя смелость заявить, что никогда не считала и не считаю своего мужа виновным в каком-либо контрреволюционном преступлении и от людей, знавших художника Егорова, мне не приходилось также слышать чего-либо порочащего его...

Прошу Вас обсудить мое заявление и реабилитировать мужа моего Егорова Константина Федоровича, сообщив мне также, жив ли он и где находится, или умер и где похоронен. Егорова" (5).

И ей 29 декабря 1955 года устно ответили в КГБ Татарской АССР по письму КГБ Марийской АССР, что "Егоров К.Ф., осужденный в 1937 г. на 10 лет ИТЛ, умер в местах заключения 17 ноября 1942 года от кровоизлияния в мозг". Тогда художник еще не был реабилитирован. Это произошло 5 марта 1956 года. И тогда соответствующие органы, забыв о недавнем своем сообщении, уведомили Е.А. Егорову еще раз, что ее муж, находясь в заключении, 9 февраля 1946 г. умер от острого миокардита.

Так даже и после реабилитации усиленно скрывалась правда о конце жизни человека, в расцвете творческих сил безжалостно растоптанного сталинским режимом.

Только дочери художника Ольге Константиновне Егоровой в ответ на ее письменный запрос в Министерство безопасности Марийской Республики удалось узнать относительную правду о своем отце, о годах его жизни и посмертной реабилитации. Об этом ей было сообщено официальным письмом 20 февраля 1992 года.

Свою многогранную жизнь К.Ф. Егоров полностью посвятил творческой деятельности во многих сферах искусства. Высокое профессиональное мастерство позволяло ему быть и художником-этнографом, и декоратором, и графиком-иллюстратором, но более всего он определился как создатель

исторических живописных полотен из жизни родного народа, предвидевшим и предвосхитившим тем самым один из магистральных путей дальнейшего развития марийского изобразительного искусства. Стоявший у истоков профессионального творчества, он понимал назначение своего труда и в логической последовательности шел к постижению основ народной культуры доступным языком художественного выражения. Ценность его полотен заключается в воплощении мировоззренческих основ марийского народа и его языческих традиций в сложный мир изобразительного творчества, который заслуживает дальнейшего изучения. Он создал эстетические взгляды, определившие дальнейшую практику художественной деятельности национальных художников.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Мухин В.* Талантливый художник // Марийская правда, 1936, 21 июня.

2. *Санухов К.Н.* Сатана там правит бал // Молодежный курьер, 1993, 10 февраля. Или: Трагедия народа. Книга памяти жертв политических репрессий Республики Марий Эл. Том II. Йошкар-Ола, 1997.

3. *Кудрявцев В.* Основоположник марийского изобразительного искусства // Марий Эл: вчера, сегодня, завтра, 1993. №2-3.

4. *Санухов К.* Историк - просветитель Федор Егоров // Марийский археографический вестник. 1997, № 7.

5. Архив Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Республике Марий Эл (УФСБ). Архивное дело № 1594.

6. Марий Эл. 1927. № 4-6.

7. *Кудрявцев В.* Марийская тема в творчестве финского художника Агатона Рейнхольма // Финно-угроведение. 1995. № 1.

8. Марий Эл. 1927. № 10.

9. У вий. 1928. № 5-6.

10. У вий. 1935. № 4-8.

11. Архив УФСБ. Архивное дело № 1209.

12. *Егорова О.* Мыйын ачам-художник Егоров // Ончыко, 1997, № 4.

Vladimir Kudryavtsev, Xenophont Sanukov

THE MARI PAINTER KONSTANTIN EGOROV (TO THE 100 TH ANNIVERSARY)

Konstantin Fedorovich Egorov is one of the first Mari professional artists. He was born on the 20 th of May 1897 in the family of the enlightener F. E. Egorov. who was working as a priest. After graduating from the Urzhum real college in 1916 he was called up for military service. finished the school for ensigns. During the war time he served in the Kolchak's Army. In 1922 K. Egorov graduated from the Art studio in Irkutsk and entered the Kazan Art - Technical Institute. He graduated from the Institute in 1926 and began working in Mari Autonomous region. Under the influence of his father. the famous historian-ethnographer. and his collegues. the group of democratic intelligencia. the young artist took great interest in life themes. religion of his people. he reflected in his pictures ethnographic subjects and national types of Maris. He illustrated books of Mari writers. designed literary magazines and Historical - Ethnographic exposition in the local Museum of Regional Studies.

On the 12 th of August. 1937 K. F. Egorov was arrested. accused of membership of non-existing Mari bourgeois organization and on the 11 th of November. 1937 he was shooted. Almost all his pictures were annihilated.

K. F. Egorov was a painter of many genres. but he was famous for historic pictures from his people's life. In this way he anticipated one of the ways of development of Mari fine art. In his pictures he reflected world outlook and pagan traditions of Maris.

«Финно-угроведение», 1997, № 3.

Трофим Кубанцев
Саранск

К 80-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Н.И. ЧЕРАПКИНА

1997 год - год, когда известному мордовскому литературоведу и критику Н.И. Черапкину исполнилось бы 80 лет ...

Без преувеличения можно сказать, что Н.И. Черапкин был целой эпохой в литературе своего народа, значительно поднял авторитет мордовской литературоведческой науки не только в России, но и далеко за ее пределами. К какой бы теме или жанру он ни обращался, он открывал нечто новое, становившееся после него нормой и образцом для подражания. Во многом его исследования и по сей день остаются непревзойденными по глубине научной мысли, диалектическому единству формы и содержания. Все это обеспечило им долгую жизнь и внимание читателя.

Доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки России, член Союза писателей Н.И. Черапкин прошел долгий путь от учителя сельской школы до крупного ученого-педагога.

Детство и юность Н.И. Черапкина прошли в большом мордовском селе Старые Верхисы Инсарского района Республики Мордовия, широко известном в республике. Жители его по праву гордятся Героем Советского Союза И.Г. Черяпкиным, ученым, писателем Г.Я. Меркушкиным и другими знаменитыми земляками. В этом селе 21 мая 1917 года родился Н.И. Черапкин.

Свою педагогическую деятельность Николай Иосифович начал в 1932 году как сельский учитель. После окончания в 1938 году Мордовского педагогического института стал преподавать в этом же вузе литературу.

Трудные военные годы закалили его волю и характер, помогли понять жизнь со всеми ее противоречиями. После демобилизации из армии он был лектором Мордовского обкома КПСС, директором Темниковского учительского института, секретарем правления Союза писателей республики. С 1956 по 1987 год, т.е. до последних дней своей жизни, Н.И. Черапкин рабо-

тал сначала в пединституте, а затем в Мордовском государственном университете.

Научные интересы Н.И. Черапкина были самыми разносторонними. Его перу принадлежат монографии "Современная мордовская литература" (1954), "По заветам Горького" (1961), "Горячее сердце большого друга" (1974), "В братском содружестве" (1969), "Притоки" (1973), им изданы учебники, хрестоматии, учебные пособия, программы по национальной литературе и фольклору для вузов и мордовских школ, написаны несколько разделов для шеститомной "Истории советской многонациональной литературы", издававшейся Академией наук страны, опубликовано около двухсот статей, причем не только в нашей стране, но и за рубежом.

Работая над кандидатской диссертацией, которая была защищена в 1952 году, а затем над книгой "Современная мордовская литература", Н.И. Черапкин выявляет основные тенденции литературного процесса 50-х годов. Основательность исследования и по сей день не вызывает сомнения. В нем дан обстоятельный анализ творчества таких известных писателей, как Никул Эркай, Максим Бебан, Василий Коломасов, Андрей Куторкин и другие.

Значительным творческим достижением Н.И. Черапкина явились работы об А.М. Горьком - "Горький и мордовский народ", "По заветам Горького" и "Горячее сердце большого друга". В них показана дружба писателя с представителями народов Поволжья, которая помогла развитию младописьменных литератур.

Результатом многолетних исследований ученого явилась докторская диссертация "Закономерности развития младописьменных литератур Поволжья", успешно защищенная в 1971 году, идеи которой впоследствии были развиты в монографиях "В братском содружестве" и "Притоки", посвященных взаимосвязям мордовской, чувашской и марийской литератур. В этих работах использованы сравнительно-исторический и типологический методы исследования. Они вызвали многочисленные отклики в литературоведении.

Н.И. Черапкин, будучи заведующим кафедрой советской литературы и литературным консультантом Союза писателей республики, являлся вдохновителем и организатором многих добрых начинаний. При его участии были изданы "Очерки истории мордовской советской литературы", трехтомная "История мордовской советской литературы", вузовские учебники "История мордовской литературы", "Мордовское устное народное творчество", труды по литературе, языку, истории, этнографии, в подготовке которых принимали активное участие видные ученые республики И.Д. Воронин, В.В. Горбунов, Б.Е. Кирюшкин, а также исследователи академических цен-

тров - академик Г.И. Ломидзе, доктора филологических наук Ф.И. Сетин, С.И. Шешуков, А.И. Метченко, Е.В. Владимиров, Ким Васин, А.К. Микушев, А.Е. Ванеев, Ф.К. Ермаков и другие.

Педагог и ученый Н.И. Черапкин способствовал формированию большого отряда творческой интеллигенции, в который вошли профессора В.М. Макушкин, Е.И. Чернов, М.Г. Имяреков, доценты А.В. Алешкин, М.Ф. Ефимова, В.Е. Соколова, Л.А. Тингаева и другие. Многие из них продолжают традиции Н.И. Черапкина.

Н.И. Черапкин был педагогом особого дара. Подготовка высококвалифицированных кадров рассматривалась им как задача первостепенной важности. Он был глубоко убежден, что из вуза должен выйти человек, который не только в совершенстве владеет знаниями и методикой работы с людьми, но и сохраняет преданность родному языку, духовной культуре народа, видит в родной культуре неотъемлемую часть интернациональной культуры. Он и сам неотступно следовал этим принципам. Им подготовлено более 20 кандидатов филологических и педагогических наук - представителей разных национальностей. В течение ряда лет Н.И. Черапкин был членом регионального специализированного совета по защите кандидатских диссертаций по литературоведению.

Разносторонняя научная и педагогическая деятельность Н.И. Черапкина получила высокую оценку. Он был награжден почетными грамотами Президиума Верховного Совета республики, Министерства образования Мордовии и России. В 1977 году за успешную разработку проблем современного литературоведения и педагогическую деятельность он был удостоен высокого звания заслуженного деятеля науки России.

«Финно-угроведение». 1997, № 3.

Алевтина Алашеева
Ижевск

ЮБИЛЕЙ А.Ф. ШУТОВА

В мае 1997 года исполнилось 50 лет кандидату филологических наук доценту Александру Федоровичу Шутову.

Родился А.Ф. Шутов 18 мая 1947 года в д. Большие Сибы Можгинского района Удмуртской АССР (ныне Удмуртская Республика) в крестьянской семье. После окончания семи классов поступил в Можгинское педучилище и окончил его в 1965 году. Проработав год сельским учителем, был призван в ряды Советской Армии. После демобилизации работал учителем в Старо-Юберинской школе Можгинского района.

В 1970-1975 годах учился на филологическом факультете Удмуртского госуниверситета. После окончания высшего учебного заведения А.Ф. Шутов прошел аспирантскую подготовку при секторе финно-угорских языков в Институте языкознания АН СССР. Его научным руководителем был академик Б.А. Серебренников. По коми языку консультировал профессор В.И. Лыткин, а по венгерскому - профессор К.Е. Майтинская.

В 1980 году А.Ф. Шутов защитил кандидатскую диссертацию на тему: "Абсолютные обороты в удмуртском языке".

С 1979 года он работает преподавателем в Удмуртском госуниверситете, сначала - на кафедре общего и финно-угорского языкознания, в настоящее время - на кафедре современного удмуртского языка и методики его преподавания.

А.Ф. Шутовым разработан спецкурс по сравнительной грамматике финно-угорских и пермских языков, разработан и успешно читается курс лекций по синтаксису современного удмуртского языка, кроме этого, ведутся занятия по финскому языку.

Научная деятельность А.Ф. Шутова выражена в более чем 40 научных работах, все они в основном посвящены проблемам синтаксиса удмуртского языка. В настоящее время им завершается монография, посвященная рас-

смотрению путей развития гипотактических отношений в удмуртском языке.

Результаты исследований по синтаксису удмуртского языка и пермских языков опубликованы в ряде интересных статей. Им подвергнуты подробному анализу субстантивные и атрибутивные словосочетания в удмуртском языке (в сборнике "Вопросы грамматики и контактирования языков". Ижевск. 1990). Проблемам согласования определений с определяемым словом в пермских языках посвящена статья, помещенная в сборнике "Пермистика: Вопросы диалектологии и истории пермских языков" (Ижевск, 1987). Анализу подвергались также определительные, объектные и обстоятельственные конструкции, которым функционально соответствуют различные придаточные предложения. По итогам конференции, посвященной венгерским ученым и пермской филологии, А.Ф. Шутовым была опубликована статья "Вопросы удмуртского синтаксиса в трудах Д.Р. Фокош-Фукса" (Ижевск, 1987).

В ряде статей автор исследует порядок слов в пермских языках. Синтаксису сложного предложения посвящены статьи о постпозитивных союзах в сложноподчиненных предложениях, о дифференциации сложных и осложненных предложений, о выражении гипотактических отношений в удмуртском языке.

В 1992 году А.Ф. Шутовым написана рецензия на монографию финской ученой П. Суихконен, чья работа посвящена проблемам удмуртской грамматики и пунктуации удмуртского языка.

Будучи участником симпозиума по вопросам усвоения детьми родного языка и проблемам двуязычия, А.Ф. Шутов выпустил несколько статей, касающихся этих проблем.

Юбиляр не остается в стороне и от решения острейших проблем современного удмуртского языкознания. Нередко можно увидеть его публикации на страницах местных газет и журналов, где юбиляр касается вопросов правописания.

А.Ф. Шутов принимал активное участие во многих конференциях, симпозиумах, посвященных проблемам финно-угорских языков. Он выступал с докладами на VI, VII, VIII Международных конгрессах финно-угроведов, которые прошли в г. Сыктывкаре, Дебрецене, Ювяскюля.

От всей души поздравляем Александра Федоровича Шутова с юбилеем, желаем ему здоровья и научных достижений!

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Рец.: КОТОВ О.В., РОГАЧЕВ М.Б., ШАБАЕВ Ю.П. Современные коми. Екатеринбург, 1996.

Монография является по существу обобщением целой серии исследований, проводившихся в Республике Коми, Коми-Пермяцком автономном округе, в районах компактного проживания коми на Кольском полуострове и на нижней Оби в течение почти пятнадцати лет. В основу работы положены данные массовых опросов населения, причем эти опросы были взаимосвязаны и проводились под непосредственным руководством авторов. Данные массовых опросов дополнены обширным статистическим материалом и этнографическими наблюдениями.

Авторский вклад в создание рецензируемого труда различен, хотя сфера научных интересов у всех едина - изучение современных этнических процессов. Первые крупные массовые опросы в Коми проводились и организовывались в начале 80-х годов в основном М.Б. Рогачевым и Ю.П. Шабаевым, последующие осуществлялись авторами совместно, изучением локальных групп коми занимался главным образом О.В. Котов, а исследованиями в Коми-Пермяцком округе руководил Ю.П. Шабаев. Тем не менее, авторы в течение ряда лет составляли единую исследовательскую группу и работали по общей программе, исповедуя во многом сходные идеи и взгляды.

Названная работа стала своего рода продолжением известного труда В.Н. Белицер "Очерки по этнографии народов коми", написанного на основе материалов этнографических экспедиций второй половины 40-х-начала 50-х годов. Однако, если книга Белицер представляла собой традиционное этнографическое описание материальной и духовной культуры коми, то новое исследование строится уже на ином подходе. Суть этого подхода состоит в том, что авторы не просто описывают явления, а выявляют тенденции, анализируют причины, порождающие те или иные изменения в культуре этноса. При этом надо заметить, что круг исследуемых проблем, по сравне-

нию с предыдущей работой, стал значительно шире, а возможности для авторских комментариев несравненно иными.

Работа состоит из шести глав. Ее структура выглядит вполне продуманно. В первой главе рассматривается динамика этнической ситуации в Республике Коми и Коми-Пермяцком автономном округе с середины 20-х до конца 80-х годов. Отмечено, что эта ситуация в Республике Коми изменилась весьма значительно: так доля титульной национальности в населении снизилась с более 90 % до 23 %. Этнос превратился из сельского по существу в городской, ибо половина коми проживает ныне в городских поселениях, где сосредоточено 3/4 населения республики. В Коми-Пермяцком округе доля представителей титульной национальности за этот же период снизилась не столь значительно: с 76 % до 60 %, и процессы урбанизации здесь развивались не столь стремительно: городское население составляет лишь 30 % населения округа и около трети горожан - коми-пермяки. Оценив современную этническую ситуацию на территории проживания народов коми, авторы пришли к выводу, что "многие ее компоненты (национальный состав населения, его размещение, преимущественное развитие добывающих отраслей промышленности и др.) создают неблагоприятный фон для развития коми".

Вторая глава посвящена анализу этнодемографических процессов. Данная глава явилась практически первым глубоким и основательным анализом этнодемографических процессов у коми, ибо эта тема почти не изучалась прежде. В ней отмечается, что демографические процессы у народов коми не синхронны и весьма существенно различаются. Например, за период между первой всеобщей переписью населения 1897 года и последней переписью населения СССР 1989 года численность коми возросла на 224,3 %, а коми-пермяков только на 45,2 %. В целом же условия для демографического воспроизводства этноса достаточно благоприятны у коми и крайне неблагоприятны у коми-пермяков, о чем свидетельствует и тот факт, что в последние 30 лет не происходит роста численности последних, заметно возрастает доля старших возрастных групп в населении округа.

Одна из ключевых и наиболее объемных глав монографии посвящена этнолингвистическим процессам у народов коми. Значение языка в культурном развитии любого народа огромно, а потому языковые процессы привлекают пристальное внимание исследователей. Авторы "Современных коми" главное внимание уделяли рассмотрению функциональной структуры коми языка и языковой практики. Было указано, как и почему происходило сужение функций коми языка, как меняется языковая практика в зависимости от социальной среды, какие изменения происходят в языковых навыках от поколения к поколению.

Коми язык переживает тяжелый кризис и особенно сложной является современная языковая ситуация, складывающаяся у коми-пермяков, - таков основной вывод, к которому пришли исследователи. Вместе с тем отмечено, что в последние годы происходит некоторое укрепление позиций коми языка, что связано с принятием ряда мер, направленных на расширение его функций, улучшение его преподавания.

Этническое самосознание, по мнению ряда исследователей, есть важнейший признак этнической общности и поэтому наряду с главой об этнолингвистических процессах стержневой в монографии можно считать и главу "Этническое самосознание коми".

Авторы отмечают, что после создания автономий у коми начался активный процесс складывания единого национального самосознания. Уже в послевоенную эпоху по существу местные этнонимы ушли в прошлое и коми стали идентифицировать себя не с представителями своих этнографических групп, а с этносом в целом. Вместе с тем у представителей локальных этнических групп за пределами автономий как у коми, так и у коми-пермяков сохраняется местное самосознание и они идентифицируют себя прежде всего с представителями своих групп, проводя четкую разницу между собой и основной частью этноса.

Существенное внимание в главе уделено процессам маргинализации и неадекватной идентичности, которые особенно свойственны городским частям этносов. Эти процессы развивались параллельно с языковой ассимиляцией. При этом отмечено, что несмотря на более благоприятную этническую ситуацию, особенно интенсивно ослабевает национальная лояльность коми-пермяков, в общественном сознании идет активное разрушение позитивного образа собственного этноса.

Об условиях, в которых протекают этнические процессы у народов коми, невозможно судить без глубокого анализа характерных этнических контактов. Этой теме посвящена пятая глава рецензируемого труда. Изложенный материал позволяет сделать вывод о том, что межэтнические контакты у современных коми чрезвычайно интенсивны, особенно наглядно это проиллюстрировано на примере межнациональной брачности. Так, в городских поселениях к концу 80-х годов половина всех браков являлись межнациональными и при этом основную часть этих браков составляли коми-русские брачные союзы. При этом особенно быстро происходило увеличение доли межнациональных браков в послевоенную эпоху.

Интенсивный характер этнических контактов оказывает существенное воздействие на ход этнических процессов, в частности на ассимиляцию. И потери от ассимиляции, особенно среди коми-пермяков, весьма значитель-

ны в последние десятилетия, в чем авторы согласны с рядом зарубежных исследователей восточно-финских народов.

Последняя глава посвящена анализу изменений в традиционной материальной и духовной культуре народов коми. Рассматривается не только бытование, но и ориентации различных групп населения на те или иные элементы народной культуры.

Огромный фактический материал, который представлен в монографии, конечно, интересен и полезен уже сам по себе, но создается впечатление, что аналитическое осмысление этого материала не вполне завершено, не все возможности анализа исчерпаны. Кроме того, авторы оказались в плену у своих пристрастий, что в частности проявилось в не совсем уместном использовании данных по локальным группам коми. Не всегда удачно в работе стыкуется материал по коми и коми-пермякам, хотя сами по себе сопоставимые данные дают обильную пищу для размышлений.

Представляется уместным, чтобы в подобной работе наличествовала специальная глава, посвященная современным этнополитическим процессам и деятельности коми национального движения, тем более, что перу авторов принадлежит целая серия таких публикаций.

Монография выглядела бы более солидно, если бы авторы позаботились об иллюстративном ее сопровождении, хотя, безусловно это увеличило бы объем и расходы, связанные с ее изданием.

Несмотря на высказанные замечания, следует отметить, что отечественное финно-угроведение обогатилось весьма содержательным научным трудом, который имеет не узколокальное значение, а более общенаучное.

Игорь Жеребцов
Сыктывкар

Рец.: HILL KULU. Eestlaste tagasirännе 1940-1989. Lääne-Siberist pärit eestlaste näitel. Summary: Estonian Return Migration 1940-1989. A Case of West-Siberian Estonians / Publicationes Instituti Geographici Universitatis Helsingiensis C 9 / Helsinki 1997. 278 с. / Хилл Кулу. Ремиграция эстонцев в 1940-1989 годах. На примере эстонцев, происходящих из Западной Сибири/.

В данной рецензии характеризуется докторская диссертация на эстонском языке, защищенная на математико-естественнонаучном факультете Хельсинкского университета. Руководителем Хилла Кулу был профессор Калеви Риккинен из Хельсинкского университета, официальным оппонентом профессор Матти Каупс из Миннесотского университета (Дулут, США). Защита проходила на эстонском языке. Предварительно работу прорецензировали также Отт Курс из Тартуского университета и Раймо Рааг из Упсальского университета.

Исследование Хилла Кулу можно считать классической диссертацией, в которой представлены методология, данные и методы, а также эмпирика вместе с основательным анализом. Диссертация имеет также предисловие на эстонском и английском языках, ссылки и список использованных источников. Имеется множество рисунков (77) и таблиц (18). Автором проработан значительный объем литературы, также он провел в 1994 и 1995 годах полевые работы в Эстонии и России в Омской области, использовав при этом составленные им лично опросные листы.

Исследование во всех отношениях актуальное и корректно оформленное; относительно него можно сделать лишь отдельные замечания. Так, например, во введении можно было бы пояснить понятие *понтийских греков* (с. 17). Я не согласен с автором в отношении замены термина *inimgeograafia* (география человека) (фр. géographie humaine, анг. human geografy) термином *ühiskonnageograafia* (география общества) (с. 17, ссылка на с. 253). Последнее понятие относится к советскому времени, когда по идеологическим соображениям не разрешалось использовать понятие "география человека".

Часть "Методология исследовательской работы" (с. 19-71) начинается главой "Методологические дилеммы социальных наук". Здесь можно отметить прямое значение слова дилемма и его оттенок на английском языке. В нескольких случаях на немецких (Макс Вебер, Хейдеггер и др.) и французских авторов (Дюркгейм и др.) ссылаются опосредованно, через какое-либо англоязычное издание; такой прием приводил иногда (правда, не в этой работе) к ложным трактовкам. Во избежание этого следовало использовать работы этих авторов непосредственно в виде оригинала или в виде перевода. В настоящее время основные работы Вебера, Дюркгейма и других классиков доступны и на финском и эстонском языках.

Основная часть "Ремиграция эстонцев из Западной Сибири" (с. 84-225) начинается с рассмотрения возникновения эстонского поселения. Первыми тамошними эстонцами были ссыльные. Систематически людей начали ссылать в первой половине XIX века. Во второй половине столетия туда начали направляться и добровольные эмигранты. Вообще было две большие волны эмиграции. На рис. 15 (с. 103) приведено размещение более крупных эстонских деревень в Омской губернии в 1910-х годах. После достижения Эстонией независимости и заключения мирного договора с Россией у тамошних эстонцев имелась возможность в течение года оптировать в эстонское гражданство и поселиться на родине предков. Однако советские власти всячески препятствовали этому. Так, у людей часто не было возможности взять с собой свое имущество или получить компенсацию за свою оставленную собственность. В главе "Эстонские поселения в Западной Сибири в 1920-1930-х годах" помимо прочих рассмотрены и эти проблемы. Здесь можно было бы привести в качестве интересного примера историю Карла Вокка (см. Eesti Geograafia Seltsi aastaraamat 28, Tallinn, 1994: 185-188). Его семья была, очевидно, единственной, которой была выплачена компенсация за оставленное имущество. Главы "Ремиграция из Западной Сибири" (с. 130-188) и "Последствия ремиграции" (с. 188-225) теснее всего связаны с темой и поэтому представляют наибольший интерес. Хорошие данные собраны в результатах переписи населения 1926 года. Составленный на основе их рисунок 17 (с. 111) отражает расселение эстонцев в Омском и Тарском округе.

Основная ремиграция происходила во время, когда Эстония была аннексирована Советским Союзом. Первые эстонцы вернулись уже в 1940-1941 годах. Более массовое возвращение произошло в 1944-1947 годах. Затем поток ремигрантов быстро уменьшился, и в позднейшие годы возвращавшихся в Эстонию было мало. Всего в 1940-1989 годы в Эстонию из России вернулось 52-54 тыс. эстонцев, из которых 1370-1420 происходили из Западной Сибири. В результате анализа, проведенного автором, выяснилось, что ремиграция представляла собой явление, связанное с поколе-

ниями. В Эстонию вернулось 25-35 % эстонцев, родившихся в 1910-х и 1920-х годах в Западной Сибири. Существенно то, что возвращение продолжалось в течение всего жизненного цикла поколения. Эстонцев младших поколений, выросших в Западной Сибири и не знавших эстонского языка, в Эстонию вернулось мало. Они чаще мигрируют в местные русские города. Подобным было положение и в иных местах Советского Союза. Автор делает вывод, что ремиграция - поведенческая норма, которая возникает, распространяется и закрепляется среди этнического меньшинства, проживающего вне родины. В отношении эстонцев, происходящих из Западной Сибири, носителями миграционной поведенческой нормы является поколение, хорошо сохранившее эстонский язык.

В итоге можно отметить, что рассматриваемая публикация является как академическим, так и логическим продолжением более раннего исследования Хилла Кулу "Эстонцы в мире (Eestlased maailmas)" (см. Финно-угроведение 1996; № 2, с. 134-136). Эстонцы Западной Сибири, как и другие эстонцы в России, сильно пострадали от сталинских репрессий. По многим причинам, которые автор рассматривает довольно основательно, не безболезненно произошло и их приспособление и вживание на земле предков в Эстонии.

Хотя работа строго академическая, она представляет интерес и для более широкого круга читателей. Обычный читатель может спокойно пропустить обязательные для диссертации теоретическую и методологическую части и некоторые более сложные рисунки. Для такого читателя интерес, несомненно, представят фотографии, копии различных документов и характерные биографии. Исследование выйдет отдельно и в Эстонии в издательстве Тартуского университета.

Отт Курс
Тарту

Рец.: V. KEL'MAKOV - S. SAARINEN. Udmurtin murteet / Turun yliopiston suomalaisen ja yleisen kielitieteen laitoksen julkaisuja 47 (Удмурт кун университет. Огъя но финн-угор кылтодонъя кафедра. "Удмурт вераськетьёс" 2). Turku - Iževsk, 1994. 368 s.

Данная книга является плодом сотрудничества кафедры общего и финно-угорского языкознания Удмуртского университета и кафедры финского и общего языкознания Туркуского университета. Понятно, что она родилась не за одно мгновение и не на пустом месте, а является результатом многолетней работы В.К. Кельмакова по сбору, обработке, систематизации языкового материала. Сирккой Сааринен был осуществлен перевод на финский язык этого труда, посвященного описанию фонетики и морфологии удмуртских диалектов. Книга объемом в 368 страниц состоит из двух частей - теоретической и образцов речи.

Первая часть "Введение в удмуртскую диалектологию" состоит из трех глав: "Истории изучения удмуртских диалектов", "Фонетики", "Морфологии".

В первой главе Кельмаковым рассмотрен путь, пройденный удмуртской диалектологией, начиная с первых фиксаций удмуртских слов учеными в XVIII веке, а также с заложения научных основ удмуртской диалектологии Ф.Й. Видеманом в середине прошлого века - до наших дней. В этой главе показано, что достижения нынешней удмуртской диалектологии являются результатом нескольких поколений ученых как зарубежных, так и самих удмуртов. В конце главы автор дает схему диалектного членения удмуртского языка, выделяя 4 основные диалектные единицы: I северное наречие, II южное наречие: 1) южный (или центральный) диалект, 2) периферийно-южный диалект, III срединные говоры, IV бесермянское наречие. Из этой схемы становится ясно, что наиболее изученным на сегодняшний день является периферийно-южный диалект, который распадается на 7 говоров. По непонятной нам причине здесь не указаны еще два говора - шагиртский и ташкичинский, хотя они были выделены уже раньше.

Во второй главе В. Кельмаков рассматривает основные фонетические различия диалектов. Описание фонетики говоров дано не только в синхрон-

ном плане, здесь имеются и исторические экскурсы, фонетические реконструкции. Например, при рассмотрении различных междиалектных корреспонденций в области консонантизма и вокализма выявляются причины возникновения этих явлений, ареалы распространения, по возможности устанавливается относительная, а иногда и абсолютная их хронология. При этом автор свои доводы подтверждает примерами, взятыми как из собственных наблюдений, так и из письменных источников.

В этой же главе автор дает деление удмуртских говоров в зависимости от количества гласных, выделяя диалекты, которым свойственны вокалические системы в 6, 7, 8, 9 и даже 10 единиц. Для многих читателей будет небезынтересно, что в говорах имеются такие гласные фонемы, которые совершенно несвойственны для литературного языка и большинства удмуртских диалектов. К таковым относятся звуки *ӟ* , *и*, *ə*.

В удмуртском языкознании считается, что в абсолютном большинстве случаев ударение в удмуртском языке падает на последний слог. В этой же главе читатель сможет узнать, что в диалектах акцентуация намного сложнее и разнообразнее по сравнению с литературным языком.

К небольшим замечаниям этой главы можно отнести следующие: 1) на с. 72 в качестве литературного варианта отмечена форма [*корка*] *чиг* 'чердак' вместо *сиг* (возможно, опечатка); 2) вопрос употребления *дʼ* вместо инициального *j* в бавлинском говоре требует некоторого уточнения (с. 74): по нашим наблюдениям, в этом говоре вместо двух звуков *дʼ* и *ӟ* выступает чаще аффриката с менее выраженным фрикативным моментом - *дʼ*^{ӟ}; этот же звук употребляется в начале слов вместо *j* других диалектов; 3) слова *обинь* 'овин' и *чибинь* 'муха' в литературный язык могли попасть не столько из южного, сколько из других диалектов, например, они употребляются в северном наречии в форме *обиӈ* и *čibiӈ* 'комар', при этом значение последнего слова - 'муха', усвоенное удмуртским языком из южного наречия, считается диалектным (с. 88).

Глава "Морфология" посвящена рассмотрению морфологических различий удмуртских диалектов. В ней описано большинство знаменательных частей речи, но особое место уделено спрягаемым и неспрягаемым формам глагола. Автор приходит к выводу, что при всем кажущемся многообразии морфологических различий диалектов большинство из них обусловлено фонетическими причинами. Но все же эти различия существуют. Для примера возьмем лишь тот факт, что количество падежей в говорах варьирует от 12-ти до 21-го.

Не останавливаясь на подробном описании всех достоинств этой главы, отметим лишь один ее недочет. В ней, на наш взгляд, не совсем точно раскрыты условия употребления и значения вторичных пространственных

падежей с элементом *n* в северном наречии. Употребление данных падежей лишь косвенно обусловлено категорией лица/нелица (с. 91, с. 104-105). Оно связано с семантикой самих падежей, выражающих не просто расположение вблизи кого-либо, движение от кого-либо, мимо кого-либо, к кому-либо и т.д., а расположение в чьем-либо доме, усадьбе, жилище, движение из дома (усадьбы), принадлежащем кому-либо и т.д. Например, словоформа *buskel'ńe* будет означать не просто "к соседу" (с. 98-99), а "домой (в дом) к соседу, в жилище соседа".

Почти половину книги занимают образцы речи удмуртских диалектов. Здесь представлено большинство основных говоров удмуртского языка. В этом ряду нам хотелось бы еще видеть материалы некоторых окраинных говоров, например, таких как ташкичинского, святицкого (?лумпунского), канлинского, по которым информация почти отсутствует (особенно по двум первым). Несколько лучше других здесь представлены шошминский, кукморский, татышлинский говоры. Сравнивая эти специфические во многих отношениях диалекты с говорами основной части удмуртов, складывается достаточно ясная картина о разнообразии удмуртских диалектов.

В целом книга имеет логичное построение, высокую научность, ее отличает богатство материала. Пожалуй, не будет ошибкой, если скажем, что это первый подобного рода труд, отличающийся глубиной описания фонетических и морфологических особенностей диалектов удмуртского языка при максимальной широте их охвата. Небольшие наши замечания нисколько не умаляют ценности данной книги. Несмотря на отсутствие в этом труде лексического яруса описания диалектов, он является хорошим учебником для изучающих основы удмуртской диалектологии и для тех, кто просто интересуется удмуртским языком.

Книга написана для финского читателя. Надеемся, что местный читатель в ближайшем будущем увидит эту книгу на русском или удмуртском языке.

Сергей Максимов
Ижевск

«Финно-угроведение». 1997. № 3.

Рец.: Г.И. ЕРМУШКИН. Развитие фонетической системы диалектов эрзя-мордовского языка: Научный доклад, представленный в качестве диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук РАН. Ин-т языкознания. М., 1997. 53 с.

5 июня 1997 года на заседании Специализированного совета Д 002.17. 02 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук при институте языкознания РАН состоялась защита докторской диссертации сотрудником сектора финно-угорских языков Григорием Ивановичем Ермушкиным в форме научного доклада на тему "Развитие фонетической системы диалектов эрзя-мордовского языка". Официальные оппоненты - доктора филологических наук профессора Д.В. Цыганкин (Мордовский университет), В.К. Кельмаков (Удмуртский университет) и А.В. Дыбо (Институт языкознания РАН); ведущая организация - Мордовский НИИ языка, литературы, истории , экономики при Правительстве Республики Мордовия.

Научный доклад Г.И. Ермушкина "Развитие фонетической системы диалектов эрзя-мордовского языка", составленный на основе предварительных публикаций автора, посвящен очень важной, в определенном смысле этапной для истории любого национального (в данном случае, эрзянского) языкознания, теме - исторической фонетике эрзянского языка в совокупности его диалектов. К этой теме уже не раз обращались специалисты в области мордовского языкознания, подводя своеобразный итог определенному этапу его развития. Достаточно в этой связи упомянуть такие классические исследования, как " Mordwinische Lautlehre" (Helsingfors, 1903) Хейкки Паасонена и "Фонетика эрзянских диалектов" (Саранск, 1979) Д.В. Цыганкина, которые при всей своей синхронной ориентации в описании фонетики диалектов мордовских языков тем не менее внесли серьезный вклад в изучение истории фонетической системы эрзянского языка.

От этих этапных научных трудов прошлого тянется к рассматриваемой диссертации одна основная, в методическом отношении весьма существен-

ная. линия - это пристальное внимание к фонетике современных диалектов как к одному из важнейших источников изучения исторической фонетики среднеписьменных языков. каковыми является большинство восточно-финских (в их числе и эрзянский) языков. Отнюдь не случайно докладчик к исполнению своей диссертационной темы шел путем интенсивной исследовательской работы в области диалектологии: среди его трудов на рассматриваемый сюжет. представленных к защите. значатся - помимо свыше двух десятков статей. текстовых и словарных публикаций и т.д. - три монографические исследования по эрзянской (мордовской) описательной диалектологии.

1) Северо-западные говоры эрзя-мордовского языка: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1967 [Рукопись] - представляет собой синхронное описание фонетических и морфологических особенностей группы эрзянских говоров;

2) Ареальные исследования по восточным финно-угорским языкам: Эрзя-мордовский язык. М.: Наука. 1984 (142 с.) - уникальное в мордовском языкознании описание фонетических и морфологических явлений эрзянских говоров методом лингвистической географии;

3) Верхнепьянский диалект эрзя-мордовского языка. М.: Гамбург. 1991 (202 с.) - монографическое описание одного диалекта. которое было выполнено на основе "Инструкции по единообразному описанию диалектов уральских языков". составленной профессорами К.Е. Майтинской и В. Феенкером и одобренной на специальной комиссии в Будапеште (в августе 1988 г.).

Вторая линия исследовательской работы Г.И. Ермушкина. которая более целенаправленно формировала его лингвоисторические взгляды на фонетику эрзянских диалектов. - это изучение фонетических процессов и явлений домордовского праязыкового уровня. Результаты этих исследований опубликованы в коллективной монографии "Финно-волжская языковая общность" (М.: Наука. 1989. 272 с.). где диссертанту принадлежит раздел "Реконструкция первичного вокализма и консонантизма финно-волжской языковой общности" (с. 30-132). Именно в этой работе получили более концентрированное выражение основные положения автора в области финно-угроведения и исторической фонетики эрзя-мордовских диалектов.

Научный доклад Г.И. Ермушкина "Развитие фонетической системы диалектов эрзя-мордовского языка" построен логически стройно и целесообразно: он состоит из "Введения" (с. 3-7). двух глав (с. 7-48) и "Заключения" (с. 48-49). К докладу приложены "Список публикаций по теме диссертации" (с. 50-53). содержащий в общей сложности 24 наименования (не включая сюда наименований работ. сданных в печать). и "Условные сокращения".

Во "Введении" автор доклада, как традиционно заведено, указывает на актуальность темы (в чем рецензент ни в коей мере не может выразить сомнения), цели и задачи, теоретические результаты, новизну, практическую ценность, а также апробацию работы. В связи с последней хочется с удовлетворением отметить, что проблемы, затронутые в диссертации, освещались в целом ряде научных совещаний различного (в том числе и международного) уровня, проведенных не только в пределах России (гг. Ижевск, Йошкар-Ола, Петрозаводск, Саранск, Сыктывкар и др.), но и в зарубежных странах - Венгрии (гг. Будапешт, Дебрецен), Финляндии (г. Турку), Эстонии (г. Таллинн) (с.7).

В главе I "Вопросы описательной фонетики диалектов эрзянского языка" (с. 8-23) Г.И. Ермушкин заостряет внимание на тех основных направлениях, в которых протекала его исследовательская работа в области синхронного описания современных эрзянских диалектов в течение последних трех десятилетий: 1) в сборе полевого материала„ 2) в публикации образцов речи, 3) в публикации и редактировании диалектных словарей и 4) в теоретическом описании диалектов. Примечательно то, что в отличие от других мордовских диалектологов, подвизавшихся на исследовании метропольных (т.е. находящихся в пределах Республики Мордовия) эрзянских диалектов, докладчик в существенной мере обратил свое внимание на маргинальные говоры (распространенные, в частности, в Татарстане, Чувашии, Оренбургской, Нижегородской, Ульяновской, Самарской областях), которые - как мне известно и по удмуртским и другим материалам - в силу своего изолированного развития, с одной стороны, консервируют в своей структуре множество архаичных явлений, а с другой стороны, вырабатывают позднейшие инновации, и тем самым представляют собой "золотое дно" для историка языка. В данном случае диссертант на материале своего языка еще раз подтвердил вышеупомянутую аксиому тем, что именно на периферии эрзянской языковой области ему удалось обнаружить особый, пятый, диалектный тип, который "имеет значительные отличительные признаки как в области фонетики, так и морфологии, возникшие в данной диалектной группе в силу ее изолированного положения" (с. 22).

В этом весьма обстоятельном разделе, представляющем, на мой взгляд, большой интерес для специалистов в области мордовской диалектологии, меня заинтересовали несколько фонетических явлений, описанные диссертантом и имеющие параллели и в диалектной фонетике других восточно-финских языков, - это:

1) наличие гортанного смычного, появляющегося в определенной позиции на месте обычных смычных как комбинаторный вариант последних "на территории Татарии и северных районов Оренбургской области" (с. 14).

Это явление отмечено, помимо как в других языковых ареалах, в диалектах большинства языков Волго-Камья: удмуртских, марийских, татарских, мордовских, и причины его происхождения еще окончательно не выявлены, хотя имеется ряд гипотез (относительно гортанного смычного согласного в удмуртских диалектах и литературы о нем см.: *Кельмаков В.К.* Формирование и развитие фонетики удмуртских диалектов: Научный доклад, представленный в качестве диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. М., 1993. С. 43-44). Формулировка же докладчиком причины возникновения гортанного смычного согласного в эрзянских говорах явно неудовлетворительна: "Его происхождение имеет синтагматические основания: ауслаутные и инлаутные *k*, *t* (*t'*) перед сонорными *m*, *n*, *n'*, *v*, *j*, *l*, *r* (иногда и гласными) переходят в гортанный смык [ʼ], не имеющий смыслоразличительного значения" (с. 14), ибо при наличии таких же синтагматических условий одни эрзянские диалекты, как выявляется, выработали гортанный смычный согласный, а другие - нет;

2) "наличие билабиального *w* (в позиции перед заднерядными гласными в ауслауте и инлауте)" (с. 15): *waz* 'теленок' (с. 15), *wal'ma* 'окно' (с. 16), *tawadoz'* 'накрытый', *awa* 'женщина' (с. 19) и др., который реконструируется автором для "периода, предшествующего распаду древнемордовского языка-основы" (с. 43). Этот согласный, представлявший собой самостоятельную фонему в праудмуртском языке и сохранивший фонологическую значимость в отдельных диалектах до сих пор, создает серьезную проблему для историка пермских языков. В этой связи хотелось бы получить более четкие ответы на следующие вопросы: 1) является ли *w* самостоятельной фонемой в каких-либо эрзянских говорах?; 2) является ли *w* в этих говорах прамордовским наследием или позднейшей инновацией?

3) депалатализация *c'* с утратой смычного элемента (> *s'*) в говоре с. Старое Иванцево (II группа) ср.: эрз. лит. *цёра* 'мужчина, сын' ~ Старое Иванцево *s'ora*, эрз. лит. *паця* 'платок' ~ Старое Иванцево *pas'a*, эрз. лит. *руця* 'шушпан' ~ *rus'a* и др. Это явление также вызывает определенный интерес, ибо труднообъяснимые случаи замещения аффрикат гоморганными фрикативными имели место еще в прапермский период истории удмуртского и коми языков (см.: *Кельмаков В.К.* Прапермские аффрикаты в современных удмуртских диалектах // СФУ, 1987, № 1 (XXIII). С. 43); что касается массовой утраты аффрикат в пользу фрикативных, встречающейся в отдельных периферийно-южных говорах и частично в бесермянском наречии (*Тепляшина Т.И.* Язык бесермян / АН СССР. Ин-т языкознания. М.: Наука, 1970. С. 144-145), объясняется, по-видимому, влиянием татарских диалектов (*Кельмаков В.К.* Удмуртско-татарские языковые контакты и некоторые фонетические особенности периферийно-южного наречия удмурт-

ского языка // Советская тюркология. 1974. № 3. С. 59; *Тараканов И.В.* Заимствованная лексика в удмуртском языке: Удмуртско-тюркские языковые контакты. Ижевск. 1982. С. 129) и др.

Глава II "Вопросы исторической фонетики диалектов эрзя-мордовского языка" (с. 23-48) является не только самой большой по объему, но и центральной по богатству представленного в ней лингвоисторического материала. В этой главе дана развернутая картина развития вокализма первого (с. 26-32) и непервого (с. 33-38) слогов слова эрзянских диалектов, словесного ударения (с.38-40), а также системы согласных (с. 40-48) от прамордовского периода до наших дней.

Впервые в мордовском языкознании, как мне кажется, представлена научная периодизация истории эрзянского языка, включающая следующие периоды: 1) **прамордовский** (с середины I тыс. по IX-X вв. н. э.); 2) **праэрзянский** (дописьменный эрзянский) (с X-XI вв. по XVII в.) с двумя подпериодами: а) "ранний этап" (XI-XVI вв.) и б) "поздний праэрзянский период" (XVI-XVII вв.); 3) **современный эрзянский** (с XVII в. по наше время) с двумя подпериодами: а) *староэрзянский период* (XVIII - 1-я половина XIX в.) и б) *новоэрзянский период* (со 2-й пол. XIX в. до настоящего времени). Причем, каждый период (и подпериод) получает у автора свою собственную характеристику на основе таких внутриструктурных процессов (преимущественно в фонетической системе), которые свойственны лишь для данного периода (с. 24-26), напр.: "фонетические процессы, происходившие в этот (т.е. прамордовский - *В.К.*) период, имели одинаковые последствия в эрзянском и мокшанском языках", или: "на раннем этапе (XI-XVI вв.) фонетические явления имеют общеэрзянский характер" и "к позднему праэрзянскому периоду (XVI-XVII вв.) общеэрзянские процессы в основном завершены с не одинаковыми в разных диалектах результатами" (с. 24) и т.д.

В отношении же новоэрзянского периода автор пишет: "отличается выбором диалектной базы для литературного языка и развитием письменности и литературы" (с. 24). Эта дефиниция логически несколько выпадает из заданного диссертантом системного ряда, ибо ни выбор диалектной базы литературного языка, ни развитие письменности и литературы не являются непосредственными компонентами системной организации языка (в данном случае фонетического его уровня), а лишь косвенно могут повлиять на нее; и именно результаты этого влияния на фонетическую систему эрзянских диалектов, как мне представляется, могли бы служить отличительными признаками периода.

Представленная здесь Г.И. Ермушкиным периодизация истории эрзянского языка почти в деталях напоминает периодизацию истории удмуртского (*Кельмаков В.К.* К вопросу о периодизации истории удмуртского язы-

ка (на материале исторической фонетики) // СФУ, 1976, № 4 (XII). С. 285-287) и коми (*Цыпанов Е.А.* Коми кыв: Самоучитель коми языка. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1992. С. 12-13) языков, что, по-видимому, свидетельствует о прохождении через типологически сходные этапы исторического развития различных финно-угорских языков в сходных географических, экономических и социолингвистических условиях.

В разделах 2.2 -2.5 второй главы доклада обобщены результаты огромной исследовательской работы: реконструирована система гласных I слога праэрзянского (прамордовского) языка; подробно и весьма убедительно рассмотрены история заднерядных гласных *а, о, и* и возникновение междиалектной корреспонденции переднерядных гласных е // *ä* // *і*; обсуждены проблемы происхождения редуцированных гласных и формирования акцентуационных особенностей эрзянского языка; прослежено развитие консонантной системы от финно-угорского праязыкового состояния до современных мордовских диалектов и многое другое. Основные научные положения автора подкреплены достаточным количеством фактического материала, и выводы звучат весьма убедительно. Лишь в качестве частных замечаний и пожеланий автору в его дальнейшей работе в избранной им области мне хочется акцентировать внимание на некоторых вопросах.

1. На с. 33-34 автор отмечает, что в конце финно-волжского периода началась лабиализация гласного **-а* непервого слога в *-о*. Аналогичный процесс проникновения огубленного гласного *о* в непервый слог слова на смену более раннего *а* имел место и в удмуртском языке, однако очень поздно и лишь как ответная реакция на весьма существенные изменения в вокализме первого слога (об этом подробнее см. *Кельмаков В.К.* Финно-угорская праязыковая особенность вокализма непервого слога и ее следы в пермских языках // Вопросы удмуртского языкознания: Сб. статей. Вып. 3. Ижевск, 1975). Хотелось бы узнать несколько более подробно, чем был обусловлен столь ранний переход **-а > -о* в непервых слогах слова мордовских языков.

2. Мне трудно согласиться с утверждением автора о том, что "эрзянский язык скорее всего сохранил прамордовский тип ударения, полученный от прафинно-угорского, - нефиксированное" (с. 40). Дело не только в том, что большинство финно-угроведов, основываясь на строго аргументированных доводах, придерживается мнения о фиксированном праязыковом ударении на первом слоге слова, но и в том, что нефиксированное ударение прамордовского языка, унаследованное и эрзянским языком, может быть объяснено как поздняя инновация, возникшая как ответная реакция фонетической системы прамордовского языка на массовое отпадение конечных гласных основы, которое, как пишет сам диссертант, "преобразова-

ло весь ранний прамордовский язык" (с. 26). Типологически сходное явление имело место и в истории пермских языков (подробнее см.: *Кельмаков В.К.* Формирование и развитие фонетики удмуртских диалектов: Научный доклад, представленный в качестве диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. М., 1993, с. 32).

3. К староэрзянскому периоду докладчиком отнесен такой фонетический процесс, как "деаффрикатизация z в посессивном суффиксе 3-го лица ед. ч. в ряде диалектов: *sonze > sonze // sonde* 'его', *pr'astonzo > pr'astonzo // pr'astondo* 'с его головы' и др." (с. 26). Однако автором диссертации нигде не упомянуто наличие такой аффрикаты в консонантной системе эрзянских диалектов в какой-либо период их истории.

В десятках опубликованных статей и в трех монографиях Г.И. Ермушкина, объединенных под общим названием "Развитие фонетической системы диалектов эрзя-мордовского языка", можно было бы, наверно, найти еще и другие спорные моменты и не до конца обсужденные проблемы, но не эти частные детали составляют сущность исследования, а то добротное, фундаментальное, логически и фактически аргументированное целое об исторической фонетике эрзянских диалектов, которое представляет собой огромный вклад в мордовское языкознание, а через него - и в общее финно-угроведение.

Валентин Кельмаков
Ижевск

Рец.: А.Н. КЕЛИНА. Терминология ткачества в мордовских (мокшанском и эрзянском) языках. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Саранск, 1996.

24 декабря 1996 г. на заседании Специализированного совета К 063. 72.01 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата филологических наук при Мордовском ордена Дружбы народов государственном университете имени Н.П. Огарева состоялась защита кандидатской диссертации Антонины Николаевны Келиной.

Работа А.Н. Келиной "Терминология ткачества в мордовских (мокшанском и эрзянском) языках" выполнена под научным руководством кандидата филологических наук профессора А.П. Феоктистова в отделе мордовского языкознания Мордовского ордена "Знак Почета" научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Правительстве Республики Мордовия. Официальными оппонентами выступили доктор филологических наук, профессор Д.В. Цыганкин (Саранск) и кандидат филологических наук, доцент А.Н. Куклин (Йошкар-Ола). Работа защищалась по специальности 10.02.07. - Финно-угорские и самодийские языки.

Отраслевая и терминологическая лексика была и остается одной из важных задач исследования уралистики. И это естественно, если учесть известную лингвистам истину, что терминология каждого языка объединяет в своем составе наименования специальных понятий всех отраслей хозяйственной деятельности, представляющих большой научный интерес для всего комплекса филологических, а также исторических наук, в том числе истории культуры малочисленных этносов, чье прошлое недостаточно полно отражено в памятниках письменности и других источниках. Безусловно, терминология прядения, плетения и ткачества в плане семантики и адекватности термина содержанию существующего понятия всегда находилась в поле зрения специалистов, изучающих вопросы исторических, этнических, хозяйственных и культурно-бытовых взаимоотношений мордовских макро-

этногрупп с неродственными по языку соседствующими народами, контакты с которыми способствовали возникновению иноязычных наслоений в лексической системе мордовских языков.

За протекшие десятилетия во всех сферах традиционной народной культуры и быта финно-угров России произошли заметные изменения. В связи с широким распространением современного городского комплекса одежды, вытеснением из быта мужского национального наряда, а также появлением женских модернизированных видов народного костюма, изготовляемых из фабричных материалов, домашнее прядение и ткачество перестали быть необходимыми и уходят в прошлое. Вместе с тем исчезают многие слова и выражения, относящиеся к этим видам труда, как устаревшие и ненужные в повседневном обиходе. Поэтому сбор терминов ткачества, прядения и плетения с максимальной полнотой и точностью фиксации всех их диалектных фонетических вариантов, систематизация и типизация в рамках тематических групп, историко-этимологический и словообразовательный анализ - задача, имеющая первостепенное значение как в мордовском языкознании, так и в финно-угроведении и уралистике.

Поэтому несомненно, что тема работы А.Н. Келиной весьма актуальна и обращение к ней очень своевременно не только для решения научно-практических задач мордовского языкознания, но и разработки общетеоретических проблем мордовской терминологии.

Основной целью рецензируемой работы является всестороннее изучение одного из важных пластов лексики - терминологии ткачества, выявление его основных групп, участвующих в терминации понятий ткачества, выяснение происхождения и становления ткацкой терминологии в мордовских языках, определение способов словообразования и структурных моделей таких терминов.

Из общей цели вытекают задачи частного характера, которые важны для разработки общей теории механизмов терминообразования, теоретического обобщения способов и методов структуризации терминосистем и стандартизации терминов и некоторых других проблем терминоведения - новой отрасли лингвистической науки, формирование научно-теоретических и методологических основ которой невозможно без решения частных вопросов терминологической номинации, формулировки отдельных ее положений на основе вычленения и квалификации терминообразующих элементов, используемых при номинации основных понятий.

Работа А.Н. Келиной "Терминология ткачества в мордовских (мокшанском и эрзянском) языках" представляет собой первое специальное исследование в этом направлении. До настоящего времени термины ткачества

не подвергались диссертационному обобщению и лингвистической оценке в мордовском языкознании.

Порознь многие из указанных терминов известны диалектологам, лексикологам, фонетистам и контактологам, однако они привлекались лишь в качестве иллюстрации при решении частных вопросов мордовского языкознания. Правда, некоторые термины фигурируют в этимологических этюдах отдельных лексикологов, изысканиях этнографов, однако доказательность последних часто оказывается мнимой, лишенной квалифицированной лингвистической трактовки. Кроме того, в подобных штудиях данные мордовских языков не транспозицируются с диалектами других финно-угорских языков.

Источниками для написания диссертации послужили словари мордовских языков разных типов, начиная с самых ранних: диалектологический словарь Х. Паасонена "Mordwinisches Wörterbuch"; словарная картотека Мордовского научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики; полевые записи, сделанные автором в лингвистических экспедициях и научных командировках. Дополнительными источниками явились этимологические словари уральских, финно-угорских, тюркских и русского языков.

Диссертация имеет общий объем 171 страницу машинописного текста и состоит из введения, двух глав, заключения, списков использованной литературы и словарей, условных сокращений названий языков и диалектов и приложения, представленного в виде указателя терминов ткачества. Список использованной теоретической литературы содержит 47 наименований, в том числе 2 на иностранных языках; список использованных словарей состоит из 18 наименований.

Следует при этом оговориться, что при изучении лингвистических основ современного терминоведения или уточнении семантического содержания заимствованной лексемы при решении практических вопросов терминологии автор может ввести в научный оборот материалы таких работ: *Громов А.В.* Словарь. Лексика льноводства, прядения и ткачества в костромских говорах по реке Унже. Учебное пособие. Ярославль: ЯГПИ имени К.Д. Ушинского, 1992. 118 с.; *Лебедева Н.П.* Прядение и ткачество восточных славян в XIX - начале XX веков // Труды института этнографии имени Н.М. Миклухо-Маклая. Новая серия. Москва, 1956. Т.31: Восточнославянский этнографический сборник; *Михайлова Ю.П.* Лексика льнообработки, прядения и ткачества в новгородских говорах. Ленинград, 1970; *Чумакова Ю.П.* Текстильная лексика говоров района "Богословщина" Рязанской области. Горький, 1966.

Во введении (с. 1-5) автор указывает на актуальность работы, ее теоретическую и практическую значимость, определяет цель и задачи исследования, описывает принципы и методы, источники работы. А также отмечает ее научную новизну. Оно завершается краткой аннотацией, где совершенно правильно подчеркивается, что в работе впервые подвергнуты историко-этимологическому анализу термины ткацкого производства; выявлен реестр деривационных суффиксов, участвующих в образовании ткацкой терминологии, определена их продуктивность; установлены структурные модели терминов ткачества (с. 5).

Первая глава (с. 6-64) посвящена исследованию происхождения и становления ткацкой терминологии в мордовских языках.

Терминология ткачества представляет собой результат длительного развития, уходящего своими корнями в седую уральскую древность. Слова, которыми пользуются сейчас говорящие на мордовских языках, различны как по времени возникновения, так и по происхождению. Поэтому автор совершенно справедливо расчленяет их на пласты лексики, напоминающие геологические отложения и отражающие разные стадии языкового развития. Наиболее древними являются термины, сохранившиеся с тех времен, когда существовал уральский праязык, или возникшие на основе лексических элементов уральского периода. Автором выявлено 27 таких терминов. Они, как правило, имеют родственников не только в финно-угорских, но и в самодийских языках. Таковы, например, эрз *ёнгс* 1) 'ручная шерсточесалка, лучок для биения шерсти'; 2) 'боек, катеринка - деталь шерстобитни' (с. 10); эрз., мокш. *paksə* 1)'мотушка'; 2) эрз. 'пасмо, часть мотка' (с. 11-12).

Наряду с бесспорными достоинствами анализа лексем уральского периода А.Н. Келиной хотелось бы сделать отдельные уточнения. Так, правильность интерпретации происхождения лексем эрз. *почко*, мокш. *почка* 'шпулька, цевка (род трубки, катушки)' она иллюстрирует композитами типа *шымавуч, шымавыч* 'дягиль', взятыми из "Этимологического словаря марийского языка" (Йошкар-Ола, 1983) Ф.И. Гордеева. Однако для сравнения более приемлемы марийские лексемы *пуч, пыч* 'труба, трубка'.

Следующий по времени пласт лексики - термины финно-угорского происхождения. Их число равно 29.

Рассматривая лексемы этой языковой общности, автор вполне обоснованно констатирует, что слова финно-угорского происхождения, сохранившиеся во многих родственных языках, при полной семантической идентичности имеют разное фонетическое оформление и морфологическую структуру (с. 15). Ср., например, эрз. *кенере*, мокш. *кенерь* 'локоть - мера длины, равная 0,5 м', мар. *кəńер, кəńер* 'локоть - мера длины' (с. 16); эрз. *рej* 'зубец в бёрде' (с. 17), мар. пӱй 'зуб, зубы', *ис пӱй* 'зубья бёрда'.

Пласт финно-пермской лексики сформировался в период, когда финно-угорский язык распался на две самостоятельные ветви - финскую и угорскую. Терминология этого периода весьма разнообразна. Их количество равняется 47. Ср., например: эрз. *коморо*, мокш. *комор* 1) 'единица измерения конопли - горсть', 2) 'сноп конопли, льна, поскони' (с. 21), мар. *кормаж* 1) 'горсть'; 2) 'горсть; мера, количество чего-л., умещающегося в руке'; эрз., мокш. *парь* 'кадушка для складывания холста', мар. *пурня* 'кузов, кузовок (короб из бересты или лыка)' (с. 22 и др.).

Разделяя мнение автора в объяснении семантики эрз. *папаркс* 'сверток, клубок' (с. 23), рецензент хотел бы втянуть в орбиту сравнения и марийскую лексему *пап* 'мяч', марийское горное *пап* 'круглая связка' (например, лыка)'.

В словарной статье эрз. *тарамо*, мокш. *тарама* 'снимание льна, конопли с поля способом дерганья' (с. 23) со ссылкой на работу М.А. Келина дается мар. *тараш* 'разделить, разъединить' (с. 23). Однако марийское горное *тараш*, марийское луговое *тораш* наполнены следующим смысловым содержанием: 1) 'раздвигать, раздвинуть что-л.; разъединять, разъединить что-л.'; 2) 'отдалять, отдалить кого-л., что-л.'. Как явствует приведенное, значение "разделить" в семантической плоскости указанных горных и луговых лексем отсутствует.

Термины, возникшие на основе лексики финно-волжского периода, связаны с дальнейшим развитием ткачества и прядения. Их число равно 37. Они весьма разнообразны по своей семантике, ср., например, эрзянские и мокшанские термины: *вакс* 'пядь, четверть - мера длины, равная расстоянию между растянутыми большим и указательным пальцами' (с. 25-26), *кечказкеть, кячказ* 'крючки (на скобе самопрялки)' (с. 26) и др.

Приведенное для сравнения со ссылкой на работу М.А. Келина марийское слово *кышкар* фигурирует со значением 'скелет' (с. 26). Однако слово *кышкар* с фонетическим вариантом *кӹшкӓр* имеет следующие лексические значения: 1) 'род цилиндра, валика (*шӱртӧ мундыртымо кышкар* 'цилиндр для наматывания ниток')'; 2) 'корпус, каркас, костяк, обод, обруч'.

В марийском языке нет слова *lup* 'сырой, влажный', данное "Этимологическим словарем уральских языков" (с. 27). Имеется лексема *лупс*, которая выступает со значением "роса". Причем этот словарь приводит отдельные лексические элементы, которые в марийских диалектах выступают с иным смысловым содержанием, ср. мар. *lo, lu-* 'промежуток, интервал' (с. 28), ср. современное горномарийское *ло* 'середина, средина' и др. Изыскания в области типологии слова и наблюдения над динамикой в типологических параметрах лексемы в разные диахронические срезы их функ-

ционирования показывают, что в их семантической плоскости не было никаких изменений.

Учитывая словарное богатство мордовских языков, диссертант правильно отмечает, что в общемордовский период предками мокши и эрзи больше внимания уделялось прядению, ткачеству, изготовлению одежды, головных уборов, плетению циновок из соломы и т.д. Поэтому к общемордовскому словарному фонду восходит довольно большая группа терминов, обозначающая более усовершенствованные детали ткацкого стана, результаты ткацкого производства и т.д. (с. 30-31), ср., например: эрз. *лездяка*, мокш. *лездом* 'нитка, намотанная с двух веретен на одно веретено' (с. 33); эрз. *нерьгема*, мокш. *нярьгома* 'стирка, толчение холста' (с. 34).

Некоторые выражения общемордовского периода в семантическом отношении либо совпадают с марийскими, либо сближаются с ними. Расхождения, имеющиеся в их звуковом оформлении, обусловлены фонетическими особенностями волжско-финских языков. Ср., например: эрз. *канстень костямо*, мокш. *каньфонь косьфтама* 'сушка конопли' (с. 32), мар. *кыне коштымаш* 'сушка конопли', *кыне коштымо жап* 'время сушки конопли'; эрз. *muško-pulo*, мокш. *muškə-pəla* 1)' хвост кудели'; 2) мокш. 'определенная часть пряжи'; 3) мокш. 'заверток шерсти, приготовленный для прядева' (с. 33-34), мар. *муш почкыш* 'охлопки кудели (отделяющиеся при охлопывании ее палкой'.

В процессе обособленного развития мокшанского и эрзянского языков многие термины, как правильно указывает диссертант, претерпели изменения как фонетического, так и семантического характера.

В силу многовековых разнообразных связей мордовских макроэтногрупп с другими народами в мордовские языки проникло и укреплялось в их системе довольно значительное количество иноязычных лексических элементов. Этот процесс освоения заимствованных слов не ущемлял самобытность мордовских языков. Не нарушал их внутриязыковые законы, а напротив, восполнял пустые клетки в их лексической системе для выражения новых понятий, отражающих уровень развития ткачества, прядения и плетения, и делал их еще более развитыми и выразительными.

В зависимости от того, на основе лексики каких языков произошли термины, диссертантом выделены три группы: 1) термины, возникшие на основе лексики, заимствованной из индоевропейских языков (с. 50-52), 2) термины, возникшие на основе лексики, заимствованной из восточнославянского - русского языка (с. 53-58), 3) термины, возникшие на основе лексики, заимствованной из тюркских языков (с. 58-64).

На основе индоевропейских заимствований в мордовских языках возникли, например, такие термины, как эрз. *канстъ*, мокш. *каньф* 'конопля'

(с. 51), эрз., мокш. *lapa* 'большой деревянный гребень для очесывания льна'(с. 51-52) и некоторые другие. Их число равняется 7.

Среди терминов иноязычного происхождения многочисленную группу составляют слова, восходящие к лексической системе русского языка, в том числе и древнерусского, а также общеславянского периода. Количество терминов этой группы равно 54. Некоторые русизмы на почве мордовских языков сохранили свои диалектные особенности. Ср., например, эрз. *румажной* 'холст, вытканный из льняных (или посконных) и хлопчатобумажных ниток' (с. 54) и лексему *румага*, приведенную Н.М. Васнецовым в "Матеріалахъ для объяснительнаго областного словаря вятскаго говора" (Вятка, 1907. С. 55).

Заимствования из тюркских языков сыграли значительную роль в восполнении мордовских языков в области терминологии ткачества.

Весьма правомерно утверждение А.Н. Келиной, что исторически мокша с тюркскими народами имели более тесные связи, чем эрзя. В исследуемой лексике ею выявлено 16 терминов тюркского происхождения, из которых 4 наименования употребляются только в мокшанском, 2 термина - только в эрзянском (с. 59).

В мордовских (мокшанском и эрзянском) языках автором выявлено около 630 терминов ткачества.

Завершая обзор указанной главы, следует отметить, что весь анализируемый материал автором строго систематизирован.

Во второй главе рассматриваются типы дериваций в мордовской отраслевой терминологии (с. 65-124).

С учетом словообразовательной структуры все термины ткачества подразделены автором на несколько групп. Из них широко распространенными словообразовательными способами являются безаффиксный, морфологический (суффиксальный), лексико-синтаксический, аналитический, лексико-семантический. Кроме того, терминологизация происходит морфолого-синтаксическим способом. Здесь невольно напрашиваются вопросы: имеются ли случаи сращения слов (знаменательных и служебных, знаменательных слов и отдельных грамматических форм)? Наблюдаются ли сращения словосочетаний в образовании терминов? Существуют ли смысловые различия между сращенными и несращенными формами одних и тех же знаменательных слов?

Наряду с бесспорными достоинствами словообразовательного анализа терминов ткачества хотелось бы выразить некоторые сомнения по поводу интерпретации происхождения переднеязычного смычного *t'*, выступающего как вариант суффикса *-m*.

Глава богата ценными сведениями и свежей информацией, поскольку значительное число терминов объясняется впервые.

Теоретическая часть завершается заключением (с. 124-129), содержащим умело сформулированные выводы по обеим главам.

Отдельные погрешности стилистического характера, встречающиеся в исследовании, не имеют существенного значения и не носят принципиального характера. Они легко устранимы и не снижают общей положительной оценки диссертации.

Резюмируя вышеизложенное, можно с уверенностью сказать, что А.Н. Келина разрешила многие ключевые вопросы мордовской терминологии, до сих пор остававшиеся нерешенными. По своему содержанию предлагаемые решения не вызывают принципиальных возражений. Теоретическая и практическая значимость их несомненна. Поэтому они могут быть использованы при исследовании терминологии ткачества других финно-угорских языков и найдут применение в преподавании курса лексикологии, диалектологии, исторической грамматики, чтении спецкурса по финно-угорской терминологии в вузах республик Урало-Поволжского историко-географического региона.

Диссертация А.Н. Келиной "Терминология ткачества в мордовских (мокшанском и эрзянском) языках" является законченной научно-исследовательской работой, содержащей свежий добротный фактический материал и отличающейся научной новизной и обоснованностью выдвигаемых положений и выводов. Она, несомненно, восполняет существенный пробел в изучении терминологии ткачества как в мордовской лексикологии, так и в уралистике в целом.

Анатолий Куклин
Пошкар-Ола

Рец.: Л.А. АБУКАЕВА. Принципы классификации и истории сложноподчиненных предложений в марийском языке: сложноподчиненные предложения нерасчлененной структуры. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Йошкар-Ола, 1996.

11 октября 1996 г. на заседании Специализированного совета Д 064. 44. 06 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук при Марийском государственном университете аспирант кафедры финно-угорских языков МарГУ Л.А. Абукаева успешно защитила кандидатскую диссертацию на тему: "Принципы классификации и история сложноподчиненных предложений в марийском языке: сложноподчиненные предложения нерасчлененной структуры". Работа выполнена под руководством доктора филологических наук, профессора Ю.В. Андуганова. Официальными оппонентами выступили доктор филологических наук Г.И. Лаврентьев (Йошкар-Ола) и кандидат филологических наук З.К. Иванова (Йошкар-Ола).

Синтаксис полипредикативных предложений в той или иной степени рассматривался во многих школьных учебниках и учебных пособиях. В этих исследованиях сложноподчиненные предложения анализировались с позиции логико-грамматической классификации. Она основана, как известно, на уподоблении сложноподчиненного предложения в целом простому, на сходстве придаточных частей с членами предложения.

Традиционная, логико-грамматическая, классификация имеет, по моему глубокому убеждению, несомненное достоинство. Она рассматривает сложноподчиненные предложения как построения, основанные на синтаксических связях, аналогичных тем, какие обнаруживаются в простом предложении, утверждая тем самым изоморфизм синтаксической системы. Поэтому эта классификация в настоящее время находит все больше и больше приверженцев. Достаточно назвать В.В. Бабайцеву и Л.Д. Чеснокову и многих других.

Рецензируемая диссертация состоит из двух глав. В первой рассматриваются сложноподчиненные предложения нерасчлененной структуры, во второй - их возникновение и развитие в марийском языке.

При анализе нерасчлененных (одночленных) сложноподчиненных предложений, т.е. конструкций с придаточными, распространяющими слово или словосочетание, диссертант придерживается структурно-семантической классификации, которая учитывает, при помощи каких формально-грамматических средств она присоединяется к главной, в каких смысловых отношениях находятся части сложноподчиненного предложения. Отправным пунктом рассуждений диссертанта послужили положения отечественной русистики.

Кандидатская диссертация Л.А. Абукаевой - новый и важный шаг в разработке строя сложноподчиненного предложения в марийском языке.

Актуальность темы исследования не вызывает сомнения, так как данная работа представляет собой исследование уже известных языковых фактов, базирующееся на других исходных положениях. Важно отметить и то, что в марийской лингвистической науке до сих пор нет обстоятельных исследований, в которых рассматривались историко-генетические вопросы, связанные со сложноподчиненным предложением.

Основной целью первой части диссертации является выявление типов, моделей и значений сложноподчиненных предложений нерасчлененной структуры, определение места этих конструкций среди других полипредикативных единиц, а также сложноподчиненных предложений с расчлененной структурой. Этой целью продиктованы методы и приемы исследования первой части. В ней диссертант умело пользуется описательным и трансформационным методами исследования, а также методом математической статистики и компьютерной программой "Диалоговая система решения проблем авторства и стиля".

Рецензент разделяет положение диссертанта о том, что количественное распределение сложноподчиненных предложений среди сложных, а также сложноподчиненных предложений нерасчлененной структуры среди конструкций расчлененной структуры зависит от автора и его стиля изложения.

Страницы 9-25, на которых излагается история вопроса, свидетельствуют о том, что диссертант тщательно ознакомился с отечественной и зарубежной научной литературой по финно-угро-самодийским языкам. Обзор литературы по истории вопроса представлен довольно (быть может, даже излишне) подробно и подводит читателя к мысли о том, что укрепляющая свои позиции структурно-семантическая классификация позволяет выявить ряд новых характеристик сложноподчиненных предложений. Тем не менее следует отметить, что в употреблении терминов "логико-грамматическая

классификация", "логико-семантическая классификация" и др. (с. 9, 14, 15, 18, 21, 25 и др.) у автора нет полной ясности. На страницах 22 и 28 названы А.Х. Востоков, Ф.И. Буслаев, однако при этом не делается ссылка на их труды. На странице 24 утверждается, что "значительный вклад в разрешение проблем классификации и изучения сложноподчиненных предложений марийского языка внесен Л.П. Васиковой, выделившей основополагающие принципы теории сложных предложений". Едва ли кто сможет расшифровать смысл этого тезиса.

В первой главе подробно, с привлечением многих отечественных синтаксических исследований по р у с с к о м у я з ы к у и богатого, разнообразного иллюстративного материала рассмотрены основные положения структурно-семантической классификации и присловные сложноподчиненные предложения (которые в свою очередь подразделяются на присубстантивно-определительные сложноподчиненные предложения и сложноподчиненные предложения с изъяснительными придаточными частями), а также предложения с местоименно-вопросительной связью частей и местоименно-соотносительных мелких замечаний. Все конструкции истолкованы, с моей точки зрения, правильно и не вызывают сомнений.

Возражения вызывают лишь некоторые частные суждения диссертанта.

На странице 30 речь идет о том, что сложноподчиненные предложения фразеологизированной структуры "не получили столь широкого распространения, как в русском". На чем базируется данное утверждение? К тому же в диссертации нет ни одного примера на предложения фразеологизированной структуры.

На странице 33 утверждается, что союз **манын** оформляет отношения изъяснительные и целевые. **Манын** способен присоединять к главной части также придаточное причины.

В работе нередко встречаются предложения, составленные, по-видимому, диссертантом. Лишь один пример, взятый со страницы 36: **Но лийыныт тугай марий-влак, кудышт тынеш пуртымо дечын шылын коштыныт**. Конечно, нужно избегать в диссертации подобных предложений, звучащих не по-марийски.

В этой связи должен заметить и то, что в диссертации хотелось бы читать не все предложения, а лишь те, которые отличаются выразительностью, художественностью, содержательностью и проповедуют высокую нравственность.

Не все утверждения диссертанта о постпозиции, препозиции и интерпозиции придаточных частей подкрепляются примерами.

Неубедительно утверждение "Особенностью предложений данного типа в марийском языке является то, что в роли изъясняемого слова, как правило, выступает глагол; **имя в качестве опорного компонента в изъяснительных предложениях используется редко**".

На странице 32 приведены примеры лишь на опорное слово жап 'время'. На другие поясняемые слова кенеж, шыже, теле и др. примеры не представлены.

На страницах 48, 49 **манеш-манеш шарлен ыле, йӱк-йӱан шарлен** не являются одним членом предложения - сказуемым. В них налицо предикативное ядро, состоящее из двух членов предложения.

Не подкреплен примерами абзац "В рассматриваемых предложениях придаточная часть находится в постпозиции, за исключением тех случаев, когда она выступает как тема высказывания" (с. 53).

В конце первой главы представлены основные выводы, с которыми в целом можно согласиться.

В порядке пожелания. Практическое значение диссертации увеличилось, если бы в ней были представлены некоторые суждения и рекомендации по внедрению структурно-семантической классификации в практику школьного преподавания марийского языка.

Можно было дать в диссертации рекомендации по расстановке знаков препинания: запятых, тире, вопросительного знака - в сложноподчиненных предложениях нерасчлененной структуры.

Советую диссертанту в будущем больше внимания уделять синкретизму отношений, который возникает между главной и придаточной частями.

Высказанные мною замечания и пожелания относятся, повторяю, к частностям, и они не могут умалять ценности проанализированного в первой главе материала.

Вторая глава, в которой рассмотрена история подчинительных отношений и сложноподчиненных предложений нерасчлененной структуры, ярко свидетельствует о том, что диссертант обладает обширными сведениями в области исторического синтаксиса, а также методикой исследовательских работ. И в этой главе широко использованы труды далеких и близких предшественников по историческому синтаксису не только финно-угорских языков, но и индоевропейских, в том числе и русского. Диссертант придерживается мнения о том, что древнее состояние языков характеризовалось паратаксисом, на основе которого позже развился гипотаксис. Утверждается, что "в качестве наиболее древних способов выражения подчинительных отношений выделяется коллокация, т.е. примыкание следующих друг за другом простых предложений", что "простые предложения, следуя друг

за другом, выражали различные типы отношений: объективные, определительные, обстоятельственные. Выражение смысловых отношений осуществлялось при помощи суперсегментных средств (порядок следования, интонация), соотношения глагольных форм" (с. 130). Это нами воспринимается как постулат, аксиома.

Рецензент соглашается с точкой зрения диссертанта, что "на процесс формирования сложноподчиненных предложений нерасчлененной структуры заметное влияние оказал и русский язык" (с. 132).

Вызывает недоумение употребление в этой главе отживших свой век терминов "прошедшее очевидное время" и "прошедшее неочевидное время" (с. 102). Что касается истории подчинительных союзов, союзных и соотносительных (указательных) слов, то в этой части диссертации представлены превратившиеся в аксиому достоверные сведения.

Диссертация Л.А. Абукаевой намного продвинула вперед дело изучения синтаксического строя марийского языка.

Научная новизна и практическая ценность рецензируемой диссертации заключаются в том, что впервые в марийском языковедении изучены одночленные сложноподчиненные предложения с позиции структурно-семантической классификации, а также представлены и рассмотрены историко-генетические вопросы полипредикативных единиц. Все это необходимо для составления научной грамматики марийского языка, учебников и учебных пособий для вузов и общеобразовательных школ.

Гурий Лаврентьев
Йошкар-Ола

Виктор Андреевич Балашов
(01.01.1937-29.07.1997)

29 июля 1997 г. безвременно, в расцвете творческих сил, скончался член редколлегии журнала "Финно-угроведение" Виктор Андреевич Балашов, крупный ученый этнограф, доктор исторических наук,профессор, академик Академии социальных наук и международной педагогической Академии, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, заведующий кафедрой новейшей истории народов России, первый проректор Мордовского госуниверситета им. Н.П. Огарева.

Ушел из жизни человек, который всего себя отдал служению любимому делу, делу этнографической науки, истории родного края и народа, подготовки специалистов высшей квалификации.

В.А. Балашов родился 1 января 1937 года в мордовском селе Зарубкино, Зубово-Полянского района Мордовской АССР в крестьянской семье. Окончил Каргальскую семилетнюю школу, Зубово-Полянское педучилище. После окончания исторического факультета Мордовского госуниверситета в 1960-1961 гг. работал учителем истории в Архангельской области, в 1961-1962 гг. служил в рядах Советской Армии, а в 1962-1964 гг. был директором средней школы в Кабардино-Балкарской АССР. С октября 1964 г. по май 1967 г. он - аспирант НИИЯЛИЭ при Совете министров Мордовской АССР, а с мая 1967 г. - ассистент кафедры истории СССР Мордовского госуниверситета.

В 1969 г. в Институте этнографии АН СССР В.А. Балашов успешно защитил кандидатскую диссертацию "Преобразования в культуре и быте мордовского крестьянства за годы Советской власти". Уже первые научные публикации Виктора Андреевича принесли ему широкую известность не только в Мордовии, но и за ее пределами. На молодого, перспективного ученого огромное влияние оказали ученые-этнографы страны С.А. Арутюнов, В.Н. Белицер, В.И. Козлов, В.В. Пименов, Ю.В. Арутюнян, Е.П. Бусыгин.

После защиты кандидатской диссертации с 1969 г. Виктор Андреевич Балашов работал в Мордовском госуниверситете старшим преподавателем, доцентом, заместителем декана историко-географического факультета, а с июня 1991 г. деканом исторического факультета. В конце этого года в московском университете им. М.В. Ломоносова защитил докторскую диссертацию "Быт сельской мордвы: история, современное состояние, тенденции развития (1860-1980 гг.)". В феврале 1992 г. был избран заведующим кафедрой новейшей истории народов России, а с 15 февраля 1992 г. назначен первым проректором Мордовского госуниверситета.

Тридцатилетняя научно-педагогическая деятельность В.А. Балашова была связана с Мордовским госуниверситетом. Его весомый вклад в научно-исследовательскую работу по проблемам этнокультурных процессов Урало-Поволжья и истории родного края признан не только научной общественностью, но и широкими кругами читателей, интересующихся этнологией и историей финно-угорских народов. Его перу принадлежит свыше 100 научных и научно-методических работ. В их числе монографии "Культура и быт мордовского колхозного села", "Бытовая культура мордвы. Традиции и современность"; он был членом авторского коллектива монографий "Народы Поволжья и Приуралья. Историко-этнографические очерки", "Облик современной семьи. Социальные, демографические и этнические аспекты", "Этнокультурные процессы в Поволжье и Приуралье в советскую эпоху", "Историография отечественной истории, 1917-начало 90-х гг.", "Мордва. Историко-культурные очерки" и др.

Работы В.А. Балашова написаны в лучших традициях отечественной исторической науки, являются актуальными и новаторскими, основанными на многочисленных архивных и полевых материалах. Они интересны по замыслу и постановке проблемы, заставляют читателя размышлять над историческими и этнографическими процессами.

Имя профессора В.А. Балашова известно не только в России, в странах СНГ, но и за пределами страны. Он был участником многих международных конференций по проблемам финно-угроведения в Будапеште, Дебрецене, Оулу. Его знают ученые Венгрии, Финляндии, Германии и других стран.

В.А. Балашов был автором программы по изучению традиций и новаций в культуре этноса, включенной в общероссийскую программу возрождения народов России. Он неоднократно участвовал и возглавлял этнографические экспедиции. В 1991 году под его руководством была проведена обширная комплексная этносоциологическая экспедиция по исследованию фольклорной, профессиональной культуры мордвы, русских, татар, живущих в Республике Мордовия, а также мордовской диаспоры Оренбургской, Пензенской и Самарской областей.

Виктор Андреевич много сил и времени отдавал подготовке научно-педагогических кадров, занимался научно-организационной работой, возглавлял научную школу "этнонациональные процессы в исторической динамике", руководил аспирантами и дипломниками, был председателем Совета по защите кандидатских диссертаций по специальностям "Отечественная история", "Этнография" в Мордовском университете, выступал оппонентом по защите кандидатских и докторских диссертаций в ряде вузов страны.

Профессор В.А. Балашов был опытным, высококвалифицированным, справедливо-требовательным, доброжелательным педагогом. Его лекции и семинары всегда были желанны для студентов, проводились на высоком научно-методическом уровне, заставляли слушателей творчески осмысливать исторические явления и факты.

В.А. Балашов, будучи первым проректором университета, особое внимание обращал на совершенствование организации и управления учебно-методическим процессом в университете. Под его руководством заметно была реконструирована учебно-методическая служба, определена методология учебного процесса, усилена роль кафедр как учебно-методических и научных центров, внедрялись нетрадиционные формы обучения и контроля знаний студентов, поощрялась свобода творчества профессорско-преподавательского состава. Много времени уделялось разработке концепции педагогического образования и системы послевузовской самоподготовки специалиста, исследованию проблемы "Университет как ведущий центр региональных систем образования, науки и культуры".

В.А. Балашов неутомимо заботился, чтобы уровень университетского педагогического образования привести в соответствие с требованиями современного общества, с требованиями государственного образовательного стандарта.

В 1994 г. профессор В.А. Балашов был избран действительным членом Академии социальных наук, а в апреле 1996 г. академиком Международной педагогической академии.

Заслуги академика В.А. Балашова в развитии российской науки нашли высокое признание. 30 мая 1995 г. ему Указом Президента Российской Федерации было присвоено почетное звание "Заслуженный деятель науки Российской Федерации".

Виктор Андреевич Балашов прошел трудный путь от аспиранта до академика, признанного ученого, педагога и общественного деятеля. Он был не только известным ученым, но и прекрасной души, обаятельным человеком, интересным собеседником, верным другом, хорошим семьянином.

Утрата Виктора Андреевича Балашова как ученого и как человека невосполнима. Он всегда будет жить в своих трудах, в памяти всех близких ему людей, в памяти своего народа.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ТРУДОВ ДОКТОРА ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОРА ВИКТОРА АНДРЕЕВИЧА БАЛАШОВА

1. Некоторые особенности современного этнического развития мордовского народа // Советская этнография . 1968. № 1. С. 122-125. (В соавт. с В.Н. Белицер).

2. Традиционная одежда мордвы-мокши Зубово-Полянского района и изменения, происшедшие в ней за годы Советской власти // Труды МНИИЯЛИЭ. Сер. Историч. Вып. 34. Саранск, 1968. С. 208-226.

3. У мордвы соседних областей (на эрзянском языке) // Сятко. 1968. № 6. С. 88-91.

4. К вопросу изучения современных поселений и жилищ мордвы - мокши // Исследования по археологии и этнографии Мордовской АССР. Труды МНИИЯЛИЭ. Вып. 39. Саранск, 1970. С. 161-180.

5. К вопросу об общественной и культурной жизни мордовского крестьянства в период до массовой коллективизации // Вопросы истории и археологии МАССР: Тр. Мордов. Ун-та. Сер. Историч. Вып. 101. Ч. 1. Саранск, 1972. С. 104-118.

6. Некоторые черты современных семейно-брачных отношений мордовского крестьянства // Исследования по археологии и этнографии Мордовской АССР. Труды МНИИЯЛИЭ. Вып. 45. Саранск. 1974. С. 90-109.

7. Культура и быт мордовского колхозного села. Историко-этнографический очерк по материалам Зубово-Полянского района МАССР. Саранск: Морд. кн. Изд-во. 1975. 168 с.

8. Общественный быт мордовского колхозного села // Вопросы истории и археологии Мордовской АССР. Сб. науч. работ. Вып. 2. Саранск: изд-во Мордов. Ун-та, 1976. С. 115-126.

9. Преобразование села Мордовии. Саранск: Мордов. кн. Изд-во, 1979. 20 с. (В соавт. с Н.Ф. Кижваткиным).

10. Национально-смешанные браки и семьи в Мордовской АССР // Всесоюзная сессия по итогам полевых этнографических и антропологических исследований 1978-1979 гг. Тез. докл. Уфа, 1980. С. 126-128. (В соавт. с В.Ф. Разживиным).

11. Мордва: Историко-этнографические очерки. Саранск, Мордов. кн. изд-во, 1981. 336 с. (Соавтор).

12. Интернационализация бытовой культуры современного мордовского села // Современные этнические и культурно-бытовые процессы у народов Урало-Поволжья и Европейского Севера СССР: Устинов. 1985. С. 31-35.

13. Народы Поволжья и Приуралья: Историко-этнограф. очерки. М.: Наука, 1985. 312 с. (Соавтор).

14. 500 лет в составе России: Аннотир. указ. лит. по истории мордовско-русских отношений. Саранск, 1985. 32 с. (В соавт. с В.И. Вихляевым и др.).

15. Быт сельской мордвы при социализме: традиции, инновации, проблемы функционирования (ист.-этнограф. исследование) // Мордов. ун-т. Саранск, 1987. 138 с. В ИНИОН АН СССР 07.07.87. - №30201.

16. Культура и быт села в условиях современной урбанизации (по материалам МАССР) // Осуществление продовольственной программы и социальное развитие деревни Среднего Поволжья: Сб. науч. тр. Казань: Изд-во Казан. ун-та , 1987. С. 93-103.

17. Облик современной семьи. Социально-демографические и этнические аспекты. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1987. 143 с. (В соавт. с Л.И. Савиновым).

18. Общественно-политическая жизнь советского доколхозного села // Общественно-политическая жизнь Советской Мордовии: Сб. науч. тр. МНИИЯЛИЭ. Вып. 87. Саранск, 1987. С. 44-57.

19. Социалистический быт и его этносоциальные особенности (вопросы теории и методологии) // Этнические аспекты современных культурно-бытовых процессов в Мордовской АССР: Сб науч. тр. МНИИЯЛИЭ. Вып. 89. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1987. С. 3-25.

20. Бытовая культура сельской мордвы в условиях строительства социализма // Проблемы истории Поволжья в переходный период от капитализма к социализму (1917-1937 гг.): Межвуз. сб. науч. тр. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 1988. С. 85-104.

21. Дореволюционная мордва в оценках немарксистских историков Запада // Вестник Мордов. ун-та. 1990. № 4. С. 63-64. Рец.: Л.Г. Филатов, В.А. Юрченков "Мифы и реальность. Критика немарксистских концепций истории мордовского народа".

22. Историография бытовой культуры мордвы // Бытовая культура мордвы: Тр. МНИИЯЛИЭ. Вып. 100. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1990. С. 3-19.

23. Быт сельской мордвы: история, современное состояние, тенденции развития (1860-1980 гг.): Автореф. дисс. докт. ист. наук. М.: Изд-во Моск. ун-та. 1991, 39 с.

24. Региональная история: проблемы и новые подходы // Вестник Мордов. ун-та. 1991. № 4. С. 10-14. (В соавт. с В.А. Юрченковым).

25. Традиции и новации в культуре этноса // Вестник Мордов. ун-та. 1991. № 2. С. 25-29.

26. Этнокультурные процессы в Поволжье и Приуралье в советскую эпоху (до середины 1980 гг.). Чебоксары: НИИЯЛИЭ, 1991. 233 с. (В соавт. с Е.П. Бусыгиным, В.Ф. Вавилиным, В.П. Ивановым и др.).

27. Бытовая культура мордвы: Традиции и современность. Саранск: Мордов. кн. изд-во. 1992. 255 с.

28. Традиционный женский костюм мордвы-мокша (по материалам Инсарского уезда Пензенской губернии) // Вестник Мордов. ун-та. 1992. № 4. С. 7-13. (В соавт. с Т.А. Шигуровой).

29. Этнические функции профессиональной культуры // Вестник Мордов. ун-та. 1992. С. 4-5; То же // Традиционное и новое в культуре народов России: Тез. док. Всеросс. конф. Саранск, 1992. С. 18-20.

30. Зарубежная историография истории и культуры мордовского народа // Вестник Мордов. ун-та. 1993. № 1. С. 7-13. (В соавт. с В.А . Юрченковым).

31. Западно-европейские традиции изучения истории и культуры мордовского народа // Финно-угроведение. 1994. № 2. С. 22-37. (В соавт. с В.А. Юрченковым).

32. Историография отечественной истории (1917-начало 90-х гг.) : Учеб. пособие. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 1994. 192 с. (В соавт. с В.А. Юрченковым).

33. Мордва. Историко-культурные очерки. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1995. 624 с. (Соавтор, отв. ред.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Иванов Иван Григорьевич - доктор филологических наук, профессор кафедры финно-угорского языкознания Марийского государственного университета.

Мокшин Николай Фёдорович - доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой дореволюционной отечественной истории , археологии и этнографии Мордовского государственного университета имени Н.П.Огарёва.

Мокшина Елена Николаевна - аспирантка Научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Правительстве Республики Мордовия.

Сааринен Сиркка - доктор философии, профессор Туркуского университета.

Моськина Светлана - аспирантка отдела мордовских языков Мордовского НИИ языка, литературы, истории и экономики.

Шилов Алексей Львович - доктор химических наук, сотрудник Института общей и неорганической химии РАН.

Плосков Иван Александрович - научный сотрудник отдела этнографии и фольклора Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН.

Кудрявцев Владимир Геннадьевич - кандидат искусствоведения, заведующий отделом фольклора и искусства Марийского НИИ языка, литературы и истории им. В.М. Васильева

Сануков Ксенофонт Никанорович - доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой региональной истории Марийского государственного университета.

Кубанцев Трофим Иванович - кандидат филологических наук, доцент кафедры финно-угорских литератур Мордовского государственного университета имени Н.П. Огарева.

Жеребцов Игорь Любомирович - кандидат исторических наук, ученый секретарь Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН.

Курс Отт - профессор Института географии Тартуского университета.

Кельмаков Валентин Кельмакович - доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой Удмуртского государственного университета.

Куклин Анатолий Николаевич - кандидат филологических наук, доцент кафедры марийского языка и литературы Марийского государственного педагогического института им. Н.К. Крупской.

Contents

Articles

I. Ivanov. Some problems of formation and functioning of the Mari literary language..... 3
N. Mokshin, E.. Mokshina. Ethnic situation in present stage Mordovia..... 18
L. Abukaeva. From the history of complex sentences of unbroken structure in Mari..... 26
S. Moskina. Morphonological processes in verbal word formation in Moksha..... 39

Reports

S. Saarinen. Structure and development of Volga-Finnic..... 49
I. Timiryaeva. Names of belt accessories in Mari: etymological notes..... 53
A. Shilov. About possible origin of the ethnonym *Chud*..... 58
I. Ploskov. En in folk-lore and some literary materials of Komi..... 66

Persons

V. Kudryavtsev, N. Samukov. The Mari painter Konstantin Egorov (to the 100 th anniversary)..... 71
T. Kubantsev. To the 80 th anniversary of N. I. Cherapkin..... 84
A. Alasheeva. A. F. Shutov's anniversary..... 87

Review and Recensions

I. Zherebtsov, L. Rev.: Kotov O. V., Rogachev M.B., Shabaev Y. P. Present Komi. Ekaterinburg, 1996..... 89
O. Kurs. Rev.: Hill Kulu. Eestlaste tagasirānne 1940-1989. Lääne-Siberist pārit eestlaste näitel. Summary: Estonian Return Migration 1940-1989. A Case of West-Siberian Estonians./ Publicationes Instituti Geographici Universitatis Helsingiensis C 9/ Helsinki 1997. 278 c. 93
S. Maksimov. Rev.: V. Kel'makov, S. Saarinen. Udmurtin murteet/ Turun yliopiston suomalaisen ja yleisen kielitieteen laitoksen julkaisuja 47/ Udmurt kun Universitet. Ogya no finn-ugor kyltodonya kafedra. " Udmurt verasketyes" 2/. Turku - Iževsk.1994. 368 s..... 96
V. Kelmakov, K. Rev.: Ermushkin G. P. Development of phonetic system of Erzya-Mordvinian dialects. Science report presented as thesis for Degree of Doctor of Philology/ Institute of Linguistics. M., 1997, 53 s..... 99
A. Kuklin. Rev.: Kelina A. N. Terminology of weaving in the Mordvinian /Moksha and Erzya/ languages. Thesis submited for Degree of Kandidate of Philology. Saransk, 1996..... 106
G. Lavrentyev. Rev.: Abukaeva L. A. Principles of classification and history of complex sentences of unbroken structure. Thesis submited for Degree of Kandidate of Philology. Yoshkar-Ola, 1997..... 114
Viktor Andreevich Balashov /01.01.1937-29.07.1997/..... 119
Information about authors..... 124

«Финно-угроведение». 1997. № 3.

Научный журнал
основан в феврале 1994 г.

Свидетельство о регистрации № 012258

Адрес редакции: 424036. г. Йошкар-Ола.
ул. Красноармейская. 44.
Тел.: 55-37-34

Редактор *Т.А. Товашова*
Обложка художника *Ю.П. Клюкина*
Английский текст *Ж.М. Сабанцевой*
Компьютерный набор и верстка *Х.Н. Полушиной*

Сдано в набор 3.10.97. Подписано в печать 10.12.97. Формат 60 x 84/16.
Объем 8 п.л. Тираж 500 экз. Бумага книжно-журнальная. Заказ № 482

Марийский полиграфическо-издательский комбинат
424000. г. Йошкар-Ола. ул. Комсомольская. 112

Правительство Республики Марий Эл, Фонд развития культур финно-угорских народов, Марийский НИИ им. В.М. Васильева при Правительстве Республики Марий Эл и Научный центр финно-угроведения в **октябре 1998** года проводят Международный симпозиум **"Финно-угорский мир: XXI век"** по следующим проблемам:

1. Социально-культурные процессы в финно-угорском мире: культурная интеграция, проблемы социальной адаптации к современным условиям.

2. Проблемы функционирования финно-угорских языков: история и современность.

3. Этнокультурные процессы в финно-угорском мире: история и современность.

4. Национальный компонент в образовательной системе.

5. Национально-административные образования финно-угорских народов и диаспоры.

6. Информационное сотрудничество финно-угорских народов и использование новых информационных технологий.

Рабочие языки симпозиума: русский и английский.

Заявки для участия в Международном симпозиуме с указанием темы доклада и тезисы объемом до 3 машинописных страниц и сведениями об участнике направлять до 1 мая 1998 года по адресу: 424036, г. Йошкар-Ола, ул. Красноармейская, д. 44, Научный центр финно-угроведения.

Контактные телефоны: (8362) 55-37-34, факс (8362) 12-31-68.